

ВѢСТНИКЪ ТЕОСОФІИ

РЕЛИГІОЗНО-ФИЛОСОФСКО-НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Satyât Nâsti Paro Dharmah

(Нѣтъ религіи выше истины).

---

7 декабря.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1911

№ 12.



Спб. Городская Типографія, Садовая, 55, уголъ Вознесенскаго.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1912 Г. НА

Религiозно-философско-научный журналъ

„ВѢСТНИКЪ ТЕОСОФIИ“.

(ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНIЯ).

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

1) статьи какъ оригинальныя, такъ и переводныя по теософiи, по сравнительному изученiю религiй, оккультизму, изслѣдованiю психическихъ силъ, скрытыхъ въ природѣ и въ человѣкѣ, по психологiи и др. отраслямъ знанiя;

2) свѣдѣнiя о теософическомъ движенiи въ Россiи и за границей и о другихъ родственныхъ духовныхъ и общественныхъ движенiяхъ;

3) бiографiи выдающихся представителей теософическаго мiросозерцанiя и общественныхъ дѣятелей;

4) художественно-литературный отдѣлъ, какъ отраженiе въ искусствѣ теософическаго мiросозерцанiя;

5) отзывы о книгахъ, поступающихъ въ Редакцiю журнала по вопросамъ теософiи, психологiи и др.;

6) справочный отдѣлъ, вопросы и отвѣты на вопросы подписчиковъ.

Журналъ выходитъ 7-го числа каждаго мѣсяца, книжками въ форматѣ in 8° не менѣе пяти печатныхъ листовъ каждая, подъ редакцiей *А. А. Каменской,* при участiи **Анни Безантъ**, доктора *Рудольфа Штейнера. Alba, П. Н. Батюшкова, Н. К. Боянуса, Н. Броницкой, А. Ф. Вельцъ, Вендъ, А. В., В. Д. Гарднера, А. С. Гралевской, А. Дана, Н. Гернетъ, М. Каменской, Е. М. Кузмина, Н. Лихачевой, И. Мандцарли, Е. Писаревой (Е. П.), В. Пушкиной, М. Станюковичъ, Д. Страндена, Н. А. Трофименко, Б. Ф., А. В. Унковской, П. Успенскаго, М. П., Н. Эрасси* и др. Въ теченiе двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ (iюнь и iюль) журналъ не выходитъ.

Въ теченiе года предполагается помѣстить нижеслѣдующiя крупныя статьи: „Основы этики“ **А. Безантъ**, „Теософiя и современныя теченiя въ наукѣ и соцiологiи“ доктора **Р. Штейнера**, **„Веданта Сара“**, пер. съ санскритскаго *И. Мандцарли.* „Ясновидѣнiе“, *Ч. Ледбитера,* переводы изъ сочиненiй *А. Синетта, Г. Олькотта, Д. Мида,* статьи по сравнительному изученiю религiи (оригинальныя и переводныя) и рядъ оригинальныхъ статей сотрудниковъ Редакцiи по вопросамъ искусства, педагогики, философiи и др. отдѣламъ.

Цѣна **6** руб. въ годъ съ доставкой и пересылкой въ предѣлахъ Россiйской Имперiи. Допускается разсрочка: за 1/2 года—**3** р. **50** к., за 3 мѣсяца—**2** р. **20** к. Отдѣльный №—**75** к. За перемѣну адреса городского на городской—**20** к., городского на иногороднiй и обратно иногородняго на городской—**50** к. Цѣна за границу **10** руб. Разсрочка за границу не допускается.

Подписка для иногороднихъ **только черезъ Контору Редакцiи.**

Городская подписка принимается въ Конторѣ Редакцiи (СПБ., Ивановская, 22) ежедневно, кромѣ субботъ и праздничныхъ дней, отъ 2—4 час. дня и по воскресеньямъ отъ 11 — 12 час. дня, а также во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ. Годовая подписка въ разсрочку безъ повышенiя цѣны допускается только **до 1 января 1911 г.**

По дѣламъ Редакцiи издательница принимаетъ лично по средамъ отъ 4—5 часовъ дня.

От Редакціи журнала „Вѣстникъ Теософіи".

По независящимъ отъ Редакціи обстоятельствамъ изданіе „Тайной Доктрины" Е. П. Блаватской **откладывается**. Лица, подписавшіяся на „Тайную Доктрину" и желающія немедленно получить подписныя деньги, благоволятъ сообщить Редакціи свои точные адреса.

Въ виду недостатка краткихъ популярныхъ руководствъ по основнымъ вопросамъ Теософіи, намѣченъ къ изданію рядъ брошюръ, излагающихъ въ сжатой, общедоступной формѣ основныя положенія Теософіи. Въ настоящее время вышли изъ печати двѣ первыя брошюры: № 1. „Человѣкъ и его видимый и невидимый составъ" и № 2. „Законъ причинъ и послѣдствій" (Карма). Слѣдующія брошюры выйдутъ въ ближайшемъ времени.

Статьи, присылаемыя для напечатанія въ „Вѣстникѣ Теософіи", подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и исправленіямъ. Рукописи должны быть написаны четко и на одной сторонѣ листа. Рукописи, не востребованныя въ теченіе трехмѣсячнаго срока, уничтожаются.

Во избѣжаніе недоразумѣній съ доставкою журнала, Редакція проситъ гг. подписчиковъ заблаговременно **сообщать ей о перемѣнѣ ихъ адресовъ.**

Заявленія о неполученіи очередного № должны быть дѣлаемы не позже полученія слѣдующей книжки журнала, такъ какъ жалобы, заявляемыя по истеченіи этого срока, экспедиція городского почтамта оставляетъ безъ разсмотрѣнія.

„Вѣстникъ Теософіи" за 1909 и 1910 года имѣется для продажи въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ. **Цѣна** съ пересылкой по **7** рублей за каждый годъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА КНИГУ:

„АВТОБІОГРАФІЯ“

Анни Безантъ,

съ портретомъ. Переводъ *А. Каменской. (Alba).*

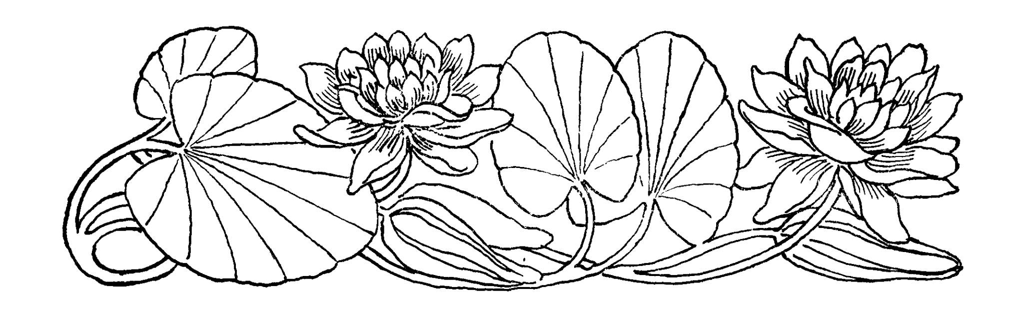
Содержаніе: Дѣтство и юность А. Безантъ. — Воспитаніе ея.—Бракъ и тяжелыя разочарованія.—Буря сомнѣній и страстное исканіе. — Общество свободомыслящихъ и атеизмъ.—За общественной работой.—Борьба за свободу слова.—У. Брэдлау и его борьба въ Парламентѣ.—Проблема зла и рѣшеніе ея въ свѣтѣ соціализма.—Новыя исканія.— Задачи новой психологіи и Теософія. — Черезъ бурю къ миру.

Цѣна по подпискѣ 1 руб. 20 к., по выходѣ въ свѣтъ цѣна будетъ повышена.

СОДЕРЖАНІЕ

декабрьской книжки „Вѣстника Теософіи“.

SOMMAIRE DU № DECEMBRE 1911.



Международный конгрессъ Расъ.

„Peuples... formez une Sainte alliance
Et donnez—vous la main“!
Beranger.

Лондонскій залъ Royal Institute при лондонскомъ университетѣ представлялъ чрезвычайно интересное зрѣлище въ концѣ іюля настоящаго года (26—29 іюля). Этотъ залъ былъ предоставленъ лондонскимъ университетомъ безплатно международному конгрессу расъ, на который со всѣхъ концовъ свѣта съѣхалось болѣе 2.000 человѣкъ *. На эстрадѣ собрались представители почти всѣхъ Европейскихъ странъ, Америки и многихъ другихъ странъ Азіи, Африки и Австраліи. Прислалъ своихъ представителей Афганистанъ, Аргентина, Бразилія, Чили, Китай, Коста-Рика, республика Санъ-Доминго, Египетъ, Индія, Японія, Мексика, Персія, Перу; изъ европейскихъ странъ интересно отмѣтить Болгарію, Сербію, Турцію и Румынію, не говоря о болѣе крупныхъ государствахъ. Отъ Россіи было также послано нѣсколько работъ и присутствовало нѣсколько русскихъ.

Никогда не приходилось видѣть такого пестраго и оживленнаго собранія. Негры, Китайцы, Японцы, Индусы, Малайцы, смѣшались съ европейскими народами и, что было особенно интересно, это присутствіе незначительнаго числа женщинъ, принадлежащихъ къ желтой, черной и малайской расѣ. Большинство было въ европейскихъ костюмахъ, но многіе представители восточныхъ народовъ были въ чалмахъ и это придавало чрезвычайно живописный видъ собранію. Надъ эстрадой возвышалась большая картина, изображавшая дружескую встрѣчу двухъ матерей—Востока и Запада. Онѣ поддерживаютъ земной шаръ, указывая свободной

* 1.200 „активныхъ“ и 1.000 „пассивныхъ“ членовъ конгресса.

рукой на восходящую надъ нимъ звѣзду. Подъ картиной надпись: Concordia. Залъ былъ декорированъ очень просто, и не было сдѣлано никакихъ особыхъ внѣшнихъ приготовленій для пріема гостей, но въ немъ царила атмосфера необыкновеннаго дружелюбія и сердечной привѣтливости. Видно было, что всѣ радуются присутствію представителей столь далекихъ странъ и народовъ.

Предсѣдателемъ конгресса былъ избранъ лордъ Уирдэль. Въ помощь ему было выбрано 20 товарищей предсѣдателя, изъ которыхъ надо отмѣтить премьеръ-министра Англіи, лондонскаго лордъ-мера, архіепископа Іоркскаго и цѣлый рядъ профессоровъ, среди которыхъ блистаетъ нѣсколько знаменитыхъ именъ. Были представлены 50 странъ, участвовали 35 президентовъ парламента, большинство членовъ постояннаго третейскаго суда, делегаты Гагенскаго съѣзда мира, двѣнадцать британскихъ губернаторовъ, восемь премьеровъ, сорокъ епископовъ и 130 профессоровъ международнаго права, не считая профессоровъ другихъ наукъ.

Вообще университеты всего міра блистали своими делегатами и было интересно видѣть среди приватъ-доцентовъ и докторовъ разныхъ наукъ и степеней, представителей желтой, малайской и даже черной расы.

Цѣль конгресса была опредѣлена такъ: „Обсужденіе въ свѣтѣ науки и современнаго сознанія взаимоотношенія народовъ Запада и Востока, такъ называемыхъ, бѣлыхъ и, такъ называемыхъ, цвѣтныхъ народовъ, чтобы вызвать болѣе полное взаимопониманіе, болѣе дружескія чувства и самое сердечное сотрудничество“.

Конгрессъ, такимъ образомъ, поставилъ себѣ научную и гуманитарную цѣль, но строго воздерживался отъ какихъ бы то ни было политическихъ вопросовъ или партійныхъ программъ. Всѣ вопросы ставились на самую широкую всечеловѣческую почву. Въ своей маленькой статьѣ, которую предсѣдатель конгресса предпослалъ изданію работъ международнаго съѣзда, онъ указываетъ на важность этого перваго всемірнаго конгресса Расъ, который долженъ быть дорогъ сердцу всѣмъ, кто мечтаетъ о мирѣ и о благѣ народовъ, ибо объективное изученіе исторіи показываетъ, что въ основѣ всѣхъ недоразумѣній, которыя послужили поводомъ къ распрямъ и военнымъ дѣйствіямъ, обыкновенно лежала расовая антипатія. Это наблюденіе вѣрно не только по отношенію къ далекимъ странамъ другихъ частей свѣта, но и въ наше время и даже по отношенію къ самой Европы. Несомнѣнно, по мѣрѣ того какъ цивилизація двигается впередъ, западный міръ долженъ непремѣнно все болѣе и болѣе призна-

вать передъ міромъ свою этическую отвѣтственность и передъ совѣстью его должны встать новыя проблемы, въ особенности теперь, когда замѣчается такое удивительное пробужденіе народнаго самосознанія на другомъ полушаріи. Было время, когда западный міръ смотрѣлъ на Востокъ лишь какъ на выгодный рынокъ и широкое поле для торговаго соперничества и для жадной, жестокой эксплоатаціи; дальше народы разсматривались какъ нѣчто мертвое, недостойное болѣе глубокаго вниманія. Но въ настоящее время мы видимъ, какъ одинъ за другимъ просыпаются народы Востока, мы узнаемъ духовныя и интеллектуальныя сокровища ихъ древнихъ цивилизацій, о которыхъ до сихъ поръ не имѣли настоящаго понятія и передъ величіемъ которыхъ не можемъ не преклониться, и мы чувствуемъ, что приближается время когда расовые предразсудки падутъ и когда, такъ называемыя, бѣлыя и, такъ называемыя, цвѣтныя расы встрѣтятся какъ истинные люди и братья. Лордъ Уирдель спрашиваетъ, готовы ли мы для этихъ важныхъ перемѣнъ въ жизни міра и понимаемъ ли мы все ихъ значеніе. Для всесторонняго освѣщенія этого вопроса и собрался первый всемірный конгрессъ Расъ.

Здѣсь надо сказать нѣсколько словъ объ организаціи самого конгресса, которая была очень тщательно задумана и которая готовилась нѣсколько лѣтъ. Иниціаторомъ его былъ Феликсъ Адлеръ, профессоръ при Нью-Іоркскомъ университетѣ, въ Америкѣ *. 5 лѣтъ тому назадъ ему удалось собрать небольшой кружокъ сочувствующихъ этому дѣлу людей, составившійся изъ профессоровъ нѣсколькихъ университетовъ. Этотъ кружокъ выработалъ планъ работы и разослалъ по всему міру, во всѣ просвѣтительныя учрежденія вопросникъ, имѣющій цѣлью обратить вниманіе на тѣ задачи, которыя конгрессъ ставилъ себѣ. Наиболѣе интересны вопросы этическаго характера. Такъ вопросъ 7-й говоритъ: „Не слѣдовало ли бы, поскольку дѣло касается интеллектуальныхъ и нравственныхъ способностей народовъ“ говорить о цивилизаціяхъ, а не о расахъ. Вопросъ 8-й, а) „Не желательно ли изучать нравъ и цивилизаціи другихъ расъ, даже тѣхъ, которыя мы считаемъ низшими. и не послужитъ ли такое изученіе къ усовершенствованію нашихъ собственныхъ нравовъ и цивилизацій? (6) „Не слѣдуетъ ли ввести уваженіе къ обычаямъ другихъ расъ, какъ правило поведенія для всѣхъ тѣхъ, кто приходитъ въ мимолетное или постоянное соприкосновеніе съ представителями

* Онъ же предсѣдатель международнаго союза этическихъ обществъ.

другихъ расъ?“ Послѣдній 10-й вопросъ, ставитъ задачу„ найти пути дружескаго сближенія между Востокомъ и Западомъ и предлагаетъ съ этой цѣлью образованіе всемірнаго братскаго союза“.

Работа конгресса была разбита на нѣсколько секцій: первая была посвящена общимъ вопросамъ, для опредѣленія, что такое раса, племя, народность, и для выясненія вопроса о равенствѣ расъ.

Южная секція носила характеръ научный: сюда вошли вопросы объ автономіи, о вліяніи внѣшней среды (географическія, экономическія и политическія условія), о языкѣ, нравахъ и обычаяхъ, а также и женскій вопросъ въ связи съ предыдущими. Третья секція касалась спеціальныхъ вопросовъ, не вошедшихъ въ другіе отдѣлы. Четвертая секція имѣла дѣло съ междурасовыми экономическими вопросами, а также съ работой объединяющихъ всемірныхъ просвѣтительныхъ учрежденій. Пятая секція касалась вопросовъ автономіи подчиненныхъ народовъ и международной этики. Шестая секція была посвящена положенію негровъ и краснокожихъ въ Америкѣ. Седьмая секція—международному праву и конгрессамъ мира. Послѣдняя, восьмая секція намѣтила практическіе пути для дружескаго сближенія расъ. Здѣсь говорилось о прессѣ, какъ орудіи мира. О международномъ языкѣ эксперанто, о космополитическихъ клубахъ, о всякихъ международныхъ организаціяхъ и о правильной постановкѣ этическихъ вопросовъ, касающихся расъ, въ школахъ, гдѣ обучается молодое поколѣніе.

Нѣкоторые изъ участниковъ конгресса не могли лично присутствовать, но прислали интересные очерки или письма. Слѣдуетъ отмѣтить задушевное письмо г. Леонъ Буржуа, говорящаго отъ своего имени и отъ имени Конст. д'Эстурнель, а также письмо современнаго вождя Беаизма Абдулъ-Бага-Аббасъ. Это письмо было прочитано и внесло особую ноту глубокой духовности и любви.

Передъ началомъ собранія было сыграно нѣсколько красивыхъ вещей на органѣ. Конгрессъ начался рѣчью предсѣдателя, лорда Уирделя, указавшаго на значеніе этого перваго всемірнаго конгресса расъ и горячо привѣтствовавшаго присутствующихъ. Затѣмъ съѣхавшіеся делегаты привѣтствовали * конгресъ и предсѣдателя его. Среди говорившихъ нужно отмѣтить молодую китаянку, высказавшую горячую увѣренность, что идеалы будущаго

---

* Рѣчи произносились на всѣхъ языкахъ, но главнымъ образомъ, на англійскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ.

въ рукахъ женщинъ, и рѣчь негра, представителя республики Либеріи, патетически просившаго, чтобы было признано и за маленькими государствами и народами „право жить“. Всѣ ораторы выражали надежду, что I конгрессъ расъ положитъ начало новой эры и новыхъ отношеній между Западомъ и Востокомъ.

Послѣ перерыва начались пренія по докладамъ и вопросамъ *. Пренія велись чрезвычайно оживленно, члены говорили горячо и и непринужденно. Въ рѣчахъ многихъ ораторовъ звучала патетическая нота скорбныхъ думъ и многихъ пережитыхъ страданій. За исключеніемъ одной рѣчи (нѣмецкаго профессора Лутчана), внесшей рѣзкій диссонансъ проповѣдью насилія и милитаризма, все, что было сказано на этомъ удивительномъ конгрессѣ, дышало любовью и горячимъ сочувствіемъ къ идеѣ всемірнаго братства человѣчества. Потрясающе подѣйствовала рѣчь англійскаго путешественника, разсказавшаго о своихъ впечатлѣніяхъ въ Африкѣ, гдѣ торговые тракты усѣяны человѣческими костями жертвъ европейскаго честолюбія и корысти. „Когда, послѣ этихъ страшныхъ впечатлѣній, говорилъ ораторъ, я въѣзжалъ въ деревню и меня привѣтливо обступали крѣпкіе черные люди, предлагавшіе мнѣ кровъ и обѣдъ, я чувствовалъ глубокій стыдъ за бѣлую расу, я чувствовалъ себя дикаремъ среди этихъ кроткихъ черныхъ людей“...

Глубоко взволновали также аудиторію рѣчи (3) А. Безантъ, президента Теософическаго Общества, выступившей въ защиту Индіи и протестовавшей противъ эксплоатаціи и насилія.

Чрезвычайно интересенъ былъ докладъ представителя Китая, доктора наукъ Ву Тингъ-Фанъ, сообщившаго объ учрежденіи въ Китаѣ международнаго института знанія, кафедры котораго доступны ученымъ всего міра при условіи, что они будутъ говорить въ духѣ братства и терпимости.

Ежедневно, послѣ собраній, члены конгресса приглашались на какой нибудь раутъ, чаепитіе или ужинъ. Дважды въ честь пріѣхавшихъ конгрессистовъ былъ устроенъ концертъ. Графиня Варвикъ принимала членовъ конгресса въ своемъ замкѣ. Лордъ Уирдэль пригласилъ делегатовъ на прощальный ужинъ.

Въ одной изъ залъ Royal Institute была устроена этнографическая выставка съ портретами главныхъ представителей конгресса и съ богатой коллекціей типовъ всевозможныхъ народностей.

---

* Было предложено считать доклады прочитанными, такъ какъ за 3 дня до конгресса книга присланныхъ докладовъ была разослана всѣмъ членамъ конгресса; это великолѣпно изданная книга имѣетъ 500 страницъ и представляетъ собою богатѣйшій матеріалъ.

Передъ закрытіемъ съѣзда было рѣшено созывать періодически конгрессы Расъ каждые 4 года, выбирая поочередно одну изъ частей свѣта для мѣста созыва. Первое предложеніе было сдѣлано отъ имени Гавайской республики, единодушно вотировавшей въ пользу созыва конгресса Расъ въ Гонолулу *.

Письмо Абдула-Беха Первому Всемірному конгрессу Расъ.

Когда, путешествуя по міру, мы замѣчаемъ въ какой либо странѣ благоденствіе, мы приписываемъ его существованію любви и содружества между жителями. Если, напротивъ, все кажется подавленнымъ и обѣднѣвшимъ, мы можемъ быть увѣрены, что это есть слѣдствіе вражды и отсутствія единенія между обитателями страны.

Несмотря на то, что подобное состояніе вещей очевидно для проѣзжающаго путника, какъ часто сами люди продолжаютъ оставаться въ снѣ нерадивости или заниматься спорами и раздорами и даже готовы убивать своихъ собратьевъ.

Разсмотрите вдумчиво вѣчное соединеніе и разъединеніе феноменальной вселенной.... Объединеніе и осмысленное сочетаніе есть причина жизни. Разъединеніе частицъ приноситъ убыль, слабость, разсѣченіе и разрушеніе.

Посмотрите на разновидности цвѣтовъ въ саду. Они какъ бы возвышаютъ красоту одинъ другого. Когда въ человѣческомъ царствѣ являются различія въ цвѣтѣ, идеяхъ и характерѣ, и когда они находятся подъ контролемъ силы единства, они также выказываютъ присущую имъ красоту и совершенство.

Первоначально соперничество между различными расами человѣчества обусловливалось борьбой дикихъ звѣрей за существованіе. Эта борьба не нужна болѣе, нѣтъ! взаимная зависимость и кооперація считаются способствующими высочайшему благосостоянію націй. Продолжающаяся и теперь борьба вызывается предразсудками и ханженствомъ.

Въ настоящее время ничто кромѣ силы Божественнаго Слова, которое заключаетъ въ себѣ Реальность всѣхъ вещей, не можетъ привлечь умы, сердца и души міра подъ тѣнь небеснаго Духа Единства.

---

* Пока вопросъ остался открытымъ.

Свѣтъ Слова свѣтитъ теперь повсюду. Расы и націи, съ ихъ различными вѣрованіями, подпадаютъ подъ вліяніе Слова Единства въ любви и въ мирѣ.

Благословенный Беха-Улла сравниваетъ существующій міръ съ деревомъ, людей съ его плодами, цвѣтами и листами. Всѣ должны быть свѣжи и сильны, причемъ достиженіе ими красоты и соразмѣрности зависитъ отъ любви и единенія, съ которымъ они поддерживаютъ другъ друга и ищутъ Жизни вѣчной. Друзья Бога должны стать въ этомъ мірѣ вѣстниками этого милосердія и любви. Они не должны останавливаться на недостаткахъ другихъ. Непрестанно должны они думать о томъ, какъ они могутъ приносить пользу другимъ, проявлять служеніе и сотрудничество. Такимъ образомъ должны они смотрѣть на каждаго чужестранца, отстраняя предразсудки и суевѣрія, могущія мѣшать дружественнымъ отношеніямъ.

Въ настоящее время благороднѣйшимъ является тотъ, кто осыпаетъ своего врага перлами великодушія, кто является свѣтомъ маяка для лишенныхъ руководства и угнетенныхъ. Это повелѣніе Беха-Уллы.

О дорогіе друзья! Міръ подобенъ полю брани и его расы чужды однѣ другимъ. Мракъ различія окружаетъ ихъ и свѣтъ благости тускнѣетъ. Основы общества разрушены и знамена жизни и радости опрокинуты. Вожди народовъ какъ бы тщеславятся пролитіемъ крови. Дружба, прямота и вѣрность презираются...

Призывъ Беха-Уллы, это призывъ къ третейскому суду, къ миру, къ любви, къ лойяльности. Его знамя развивается уже пятьдесятъ лѣтъ, призывая всѣхъ безъ различія расы и вѣроисповѣданія.

О вы, друзья Бога! Признайте этотъ чистый свѣтъ; научите людей, находящихся въ невѣдѣніи, воспѣвать мелодіи Царства Божія, пока мертвое тѣло человѣчества не оживится новою жизнью. Руководите народомъ Божіимъ. Внушите ему подражать жизни святыхъ, ранѣе отошедшихъ. Будьте благи въ дѣйствительности, не по внѣшности только. Будьте отцами для сиротъ, лѣкарствомъ для больныхъ, сокровищемъ для бѣдныхъ, защитою для несчастныхъ.

Гдѣ пребываетъ любовь, тамъ свѣтъ! Гдѣ пребываетъ вражда, тамъ мракъ!

О друзья Бога! Боритесь, чтобы разсѣять мракъ и раскрыть скрытое значеніе вещей, пока ихъ Реальность не станетъ ясной и установленной въ глазахъ всѣхъ.

* * *

Этотъ конгрессъ есть одно изъ величайшихъ явленій. Англія навѣки прославилась тѣмъ, что устроила его въ своей столицѣ. Легко принять истину, но трудно быть стойкимъ въ ней, ибо испытанія многочисленны и тяжки. Хорошо извѣстно, что Британцы тверды и не легко уклоняются въ сторону, не имѣя ни намѣренія начинать что-либо на одну минуту, ни готовности покидать что-либо изъ-за пустяковъ. Поистинѣ, въ каждомъ предпріятіи они выказываютъ стойкость.

О народы! Сдѣлайте такъ, чтобы это не осталось словами, но стало дѣломъ. Нѣкоторые конгрессы только усиливаютъ различія. Пусть у васъ не будетъ такъ! Пусть ваши усилія клонятся къ нахожденію гармоніи! Пусть Братство почувствуется и будетъ видимо среди васъ! пронесите его живительную силу по всему міру. Я буду молиться о томъ, чтобы этотъ конгрессъ принесъ великіе плоды!

О резолюціяхъ.

Въ заключеніе надо упомянуть о резолюціяхъ, единодушно принятыхъ конгрессомъ.

1. Рѣшено благодарить Предсѣдателя конгресса и всѣхъ содѣйствовавшихъ успѣшному ходу работъ.

2. Избрать международный комитетъ изъ 15 членовъ для организаціи слѣдующаго конгресса. Комитету предоставлено право увеличить число членовъ своихъ до 100.

3. Рѣшено созывать черезъ каждые 4 года конгрессъ расъ, который будетъ отнынѣ именоваться „Вселенскимъ конгрессомъ“ (World conference). Они будутъ имѣть мѣсто поочередно во всѣхъ пяти частяхъ свѣта. Цѣль его опредѣляется вполнѣ формулировкой I конгресса. (Создать дружеское сближеніе и взаимопониманіе между Востокомъ Западомъ).

4. Рѣшено послать резолюціи конгресса III конгрессу мира въ Гаагѣ, всѣмъ правительствамъ, министрамъ колоній и народнаго образованія, а также представителямъ крупныхъ общественныхъ, религіозныхъ и этическихъ движеній. Согласно этимъ резолюціямъ необходимо принять:

а) Что установленіе гармоничныхъ отношеній между народами есть существенное условіе для прекращенія войнъ, распространенія третейскаго суда.

b) Что взаимныя отношенія между людьми разныхъ расъ должны быть полны вѣжливаго вниманія и уваженія.

c) Что желательно сочувственное изученіе обычаевъ и цивилизацій другихъ народовъ.

d) Что важно выяснить, что различіе цивилизаціи не значитъ превосходство или ничтожество.

e) Что необходимо выработать во всѣхъ странахъ всеобщую систему воспитанія физическаго, умственнаго, нравственнаго.

Среди нѣсколькихъ второстепенныхъ пунктовъ было также указаніе на необходимость отказаться отъ употребленія алкоголя, опія и другихъ возбудителей.

5. Рѣшено создать по образцу китайскаго института международный институтъ для братскаго общенія всѣхъ народовъ.

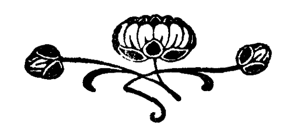
6. Рѣшено создать журналъ для сравнительнаго изученія цивилизацій.

7. Рѣшено содѣйствовать изученію эксперанто и принятію его въ программы учебныхъ заведеній.

По этому краткому перечню видно, какъ широко и серьезно поставилъ свои задачи I конгрессъ расъ. Мы не можемъ не видѣть въ немъ знаменія времени и начала того всенароднаго объединенія, которое Теософическое Общество поставило на своемъ знамени. Вспоминается Беранже (La sainte alliance des peuples).

„Pcuples, formez une sainte alliance,
Et donnez-vous la main".

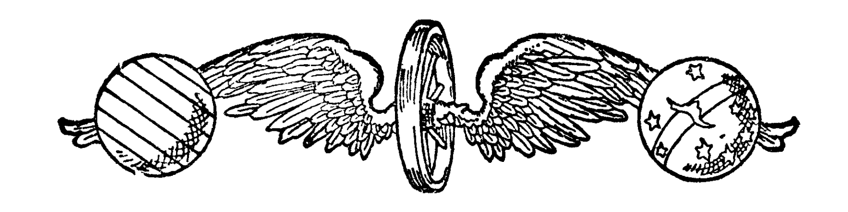
Alba.



Для насъ лучше, чтобы было различіе въ сужденіи, если мы оказываемъ милосердіе, но недостойно человѣка ссорится, потому что мы различныхъ мнѣній.

Духъ человѣка есть свѣтильникъ Господа, зажженный Богомъ и освѣщающій намъ путь къ Богу.

(Изреч. христіанскаго мистика „Beniamin Whitcole").



Сила мысли.

А. Безантъ.

(*Продолжение* *).

Глава VI.

Ростъ мысли. Наблюденіе и его значеніе.

Первымъ условіемъ для надлежащаго мышленія является внимательное и точное наблюденіе. „Я", какъ Познающій, со вниманіемъ и точностью долженъ наблюдать „Не-Я", какъ скоро оно становится Познаваемымъ, и погружаться такимъ образомъ въ „Я". Вторымъ необходимымъ условіемъ являются воспріимчивость и устойчивость ментальнаго тѣла, способность быстрой передачи впечатлѣній и удерживанія ихъ, когда они уже произведены. Наравнѣ со вниманіемъ и точностью наблюденій Познающаго и воспріимчивостью и устойчивостью его ментальнаго тѣла будетъ и быстрота его развитія, т. е. скорость, съ которой его скрытыя способности сдѣлаются дѣятельными силами. Если Познающій разсмотрѣлъ мысле-образъ неточно или если ментальное тѣло, будучи неразвито, было невоспріимчиво ко всѣмъ вибраціямъ извнѣ, кромѣ самыхъ сильныхъ, и могло создать такимъ образомъ лишь несовершенное воспроизведеніе, то это значитъ, что ментальная матерія была использована неудовлетворительно и расплывчато. Сначала получается лишь общее очертаніе съ затертыми, а иногда и совершенно пропущенными деталями. По мѣрѣ развитія нашихъ способностей и созиданія нашего ментальнаго тѣла при помощи болѣе тонкаго вещества, мы начинаемъ отъ того же самаго предмета получать гораздо болѣе, чѣмъ тогда, когда наше развитіе было менѣе совершенно. Мы тогда находимъ въ предметѣ гораздо больше деталей, чѣмъ находили въ немъ раньше.

*) См. „Вѣстникъ Теософіи" 1911 г. № 11, стр. 1.

Представимъ себѣ двухъ людей среди поля во время яркаго заката солнца. Одинъ изъ нихъ простой крестьянинъ, котораго способности мало развиты и который, если это не касается его урожая, не имѣетъ обыкновенія наблюдать за природой. Онъ смотритъ на небо только для того, чтобы предугадать, чего можно ожидать—дождя или погоды, совершенно не интересуясь его видомъ, не имѣющимъ прямого отношенія къ его существованію и занятію. Предположимъ, что второй наблюдатель талантливый художникъ, полный любви къ красотѣ и привыкшій наблюдать и наслаждаться красками и оттѣнками ихъ. Физическое, астральное и ментальное тѣла крестьянина—всѣ—присутствуютъ при этомъ великолѣпномъ закатѣ и всѣ вибраціи, происходящія отъ него, дѣйствуютъ на проводники его сознанія; онъ видитъ различныя краски на небѣ, замѣчаетъ преобладаніе краснаго цвѣта, что, согласно его прежнимъ наблюденіямъ, обѣщаетъ на завтра погоду, можетъ быть желательную, а можетъ быть и нѣтъ, для его урожая. Вотъ все, что онъ извлекаетъ изъ этого вида. Физическое, астральное и ментальное тѣла художника воспринимаютъ тѣ же самыя вибраціи,—но какъ различенъ результатъ. Тонкая матерія его тѣлъ воспроизводитъ милліонъ вибрацій слишкомъ быстрыхъ и тонкихъ, чтобы колебать грубую матерію крестьянина. Слѣдовательно, картина заката солнца для художника будетъ очень отличаться отъ картины, полученной крестьяниномъ. Легкія тѣни разныхъ цвѣтовъ, оттѣнки, переходящіе въ другія краски, прозрачный голубой и розовый цвѣта, блѣдно-зеленый, пронизанный золотистыми лучами и снопами царскаго пурпура,—всѣ эти краски живутъ, воспринимаются и чувствуются художникомъ со сладкимъ трепетнымъ наслажденіемъ. Пробуждаются самыя утонченныя чувства, любовь и восхищеніе переходятъ въ благоговѣніе и восторгъ передъ самой возможностью существованія такой красоты. Идеи самаго возвышеннаго и вдохновеннаго характера рождаются по мѣрѣ того, какъ измѣняется ментальное тѣло подъ дѣйствіемъ вибрацій, происходящихъ отъ ментальнаго образа заката солнца. Въ обоихъ случаяхъ различіе образовъ произошло не отъ внѣшнихъ причинъ, но въ силу различія внутренней воспріимчивости. Это различіе зависитъ не отъ внѣшнихъ причинъ, а отъ внутренней способности воспріятія. Оно лежитъ не въ „Не-Я“, а въ „Я“ и его покровахъ. Согласно этимъ различіямъ получается и результатъ. Какъ онъ бѣденъ въ первомъ случаѣ и какъ богатъ во второмъ! Здѣсь мы видимъ съ поразительной силой значеніе развитія Познающаго. Цѣлый міръ кра-

соты можетъ окружать насъ, волны его вибрацій могутъ дѣйствовать на насъ со всѣхъ сторонъ, и все-таки онъ можетъ не существовать для насъ. Все, что содержится въ сознаніи Логоса нашей системы, имѣетъ вліяніе на насъ и наши тѣла. То количество, которое мы извлекаемъ изъ него, показываетъ ступень нашего развитія. То, что необходимо для нашего роста, не есть измѣненіе, совершающееся внѣ насъ, но измѣненіе, происходящее внутри насъ самихъ. Все намъ уже дано, мы только должны развить способность воспринимать.

Изъ сказаннаго вытекаетъ, что одинъ изъ элементовъ яснаго мышленія есть точное наблюденіе. Мы должны выработать его, начиная съ физическаго плана, на которомъ наши тѣла приходятъ въ соприкосновеніе съ „Не-Я". Мы проходимъ ступени нашего развитія, постепенно поднимаясь съ нижняго плана, чтобы затѣмъ перейти на высшій. На нижнемъ планѣ мы впервые соприкасаемся съ внѣшнимъ міромъ и отсюда вибраціи простираются и на высшій планъ—или во внутрь, пробуждая духовныя силы.

Итакъ, точное наблюденіе есть способность, которую нужно опредѣленнымъ образомъ развивать. Большинство людей проходитъ міръ съ полузакрытыми глазами, и мы легко можемъ убѣдиться въ этомъ, спросивъ, напримѣръ, самихъ себя: „Что я замѣтилъ, когда проходилъ такую-то улицу?" Наблюденія многихъ будутъ равны почти что нулю, никакихъ ясныхъ образовъ у нихъ не получится. Нѣкоторые замѣтятъ лишь нѣсколько предметовъ; иные же замѣтятъ много. Разсказываютъ о Гудинѣ (Houdin), что онъ пріучалъ своего сына, гуляя по улицамъ Лондона, замѣчать предметы, находящіеся на окнахъ магазиновъ, мимо которыхъ они проходили, и достигъ того, что ребенокъ могъ, не останавливаясь и бросивъ лишь мимолетный взглядъ, перечислить товары на любомъ окнѣ. Нормальное дитя, равно какъ и дикарь, наблюдательны по природѣ, и соразмѣрно ихъ способности къ наблюденію измѣряются и ихъ умственныя способности. Привычка къ ясному и быстрому наблюденію для средняго человѣка лежитъ въ основѣ его яснаго мышленія. Тѣ, которые мыслятъ неясно, наблюдаютъ плохо. Исключеніемъ является человѣкъ съ сильно развитымъ умомъ, находящійся на очень высокой ступени развитія; его мысленный взоръ обращенъ на внутренній міръ и потому онъ не замѣчаетъ многихъ внѣшнихъ явленій. Но у обыкновеннаго человѣка такого извиненія нѣтъ. Часто на вопросъ о чемъ-либо видѣнномъ, разсѣянный человѣкъ отвѣчаетъ: „Я думалъ о другомъ и потому не замѣтилъ". Съ этимъ отвѣтомъ можно

согласиться, но только если человѣкъ думалъ о чемъ-нибудь серьезномъ; въ такомъ случаѣ онъ дѣйствительно имѣлъ право не быть особенно наблюдательнымъ, но если онъ лишь праздно мечталъ, предоставляя своей мысли носиться по произволу, то онъ лишь потерялъ свое время и потерялъ гораздо болѣе, чѣмъ если бы онъ направилъ свое вниманіе на внѣшній міръ.

Человѣкъ, углубленный въ мысли, не замѣчаетъ предметовъ, мимо которыхъ проходитъ и оставляетъ ихъ безъ вниманія, такъ какъ его взглядъ обращенъ на внутренній міръ, а не на внѣшній. Возможно, что для него не стоитъ тратить время для упражненія своего ментальнаго тѣла путемъ особыхъ наблюденій, потому что высоко развитой человѣкъ и человѣкъ менѣе развитой—каждый нуждается въ особыхъ упражненіяхъ. Но изъ тѣхъ не наблюдающихъ внѣшній міръ людей сколько дѣйствительно „глубоко погружены въ мысли?“ Все, что происходитъ въ умахъ большинства, это—лишь безцѣльное устремленіе вниманія на малѣйшій мысле-образъ, который случайно представится; такое времяпровожденіе подобно разсматриванію незанятою женщиной своего гардероба или ларца съ драгоцѣнностями. Это не есть собственно мышленіе, такъ какъ мышленіе значитъ, какъ мы уже опредѣлили раньше,—установленіе соотношеній, прибавленіе чего-то не существовавшаго ранѣе. При мышленіи вниманіе Познающаго сознательно направляется на мысле-образы и оно дѣятельно занимается ими. Развитіе привычки къ наблюденію составляетъ часть воспитанія ума, и тѣ, кто будетъ упражняться въ этомъ, увидятъ, что ихъ умъ сдѣлается болѣе яснымъ, возрастетъ въ силѣ, и что тогда будетъ легче направлять его на какой-нибудь намѣченный предметъ, чѣмъ это было раньше. Тогда способность къ наблюденію, разъ она окончательно установлена, будетъ дѣйствовать автоматически, ментальное и другія тѣла будутъ запечатлѣвать образы, которыми при желаніи можно будетъ пользоваться и позже, не требуя уже особаго вниманія самого человѣка. Въ такомъ случаѣ совершенно не нужно будетъ, чтобы вниманіе человѣка сознательно направлялось къ внѣшнимъ предметамъ, чтобы воспринять и удержать впечатлѣнія отъ нихъ. Незначительный, но очень характерный случай произошелъ со мною лично во время путешествія по Америкѣ. Однажды былъ поднятъ вопросъ о номерѣ локомотива того поѣзда, въ которомъ мы ѣхали въ этотъ день. И немедленно номеръ представился мнѣ въ моемъ умѣ, но это не было ни въ коемъ случаѣ явленіемъ ясновидѣнія, такъ какъ для этого нужно бы было прежде мысленно пройти за

этимъ поѣздомъ, чтобы увидѣть номеръ паровоза. Безъ всякой сознательной дѣятельности съ моей стороны, органы чувства и ума замѣтили и запечатлѣли номеръ паровоза тогда, когда поѣздъ входилъ на станцію, и когда этотъ номеръ необходимо было возстановить—мысленно предсталъ образъ входящаго поѣзда съ номеромъ на локомотивѣ. Способность къ наблюденію, разъ установленная, является одной изъ самыхъ полезныхъ, такъ какъ благодаря ей, предметы, проходящіе передъ нашими глазами и даже не привлекшіе наше вниманіе, могутъ быть воспроизведены, когда мы возстановимъ всѣ впечатлѣнія, отраженныя самостоятельнымъ и автоматическимъ дѣйствіемъ нашихъ тѣлъ: ментальнаго, астральнаго и физическаго.

Эта автоматическая дѣятельность ментальнаго тѣла совершенно отличается отъ дѣятельности Дживы и происходитъ въ каждомъ изъ насъ въ гораздо большемъ размѣрѣ, чѣмъ можно было бы предположить. Установлено, что человѣкъ въ состояніи гипноза разсказываетъ о рядѣ мелкихъ явленій, которыя были имъ запечатлѣны, не привлекая его особаго вниманія. Эти впечатлѣнія достигаютъ ментальнаго тѣла при посредствѣ мозга и одинаково запечатлѣваются въ обоихъ. Многія впечатлѣнія достигаютъ такимъ образомъ ментальнаго тѣла, не будучи достаточно глубокими, чтобы проникнуть въ сознаніе, не потому что не могутъ быть восприняты, а потому что въ нормальномъ состояніи оно не пробуждено въ достаточной мѣрѣ для того, чтобы отмѣчать впечатлѣнія, кромѣ самыхъ глубокихъ. Въ гипнотическомъ трансѣ, въ бреду, въ физическихъ сновидѣніяхъ, когда Джива отсутствуетъ, мозгъ воспроизводитъ эти впечатлѣнія, которыя обыкновенно застилаются болѣе сильными впечатлѣніями, получаемыми и воспроизводимыми самой Дживой. Но если нашъ умъ привыкъ наблюдать и запечатлѣвать въ памяти, тогда Джива можетъ по желанію пользоваться этими впечатлѣніями.

Такимъ образомъ, если двое, напримѣръ, идутъ по улицѣ и одинъ изъ нихъ привыкъ наблюдать, а другой нѣтъ, то оба они получатъ извѣстное количество впечатлѣній, хотя оба могутъ воспринимать ихъ безсознательно; позже тотъ, кто привыкъ наблюдать, будетъ въ состояніи воспроизвести эти впечатлѣнія, а другой—нѣтъ. Такъ какъ въ этой способности къ наблюденію лежитъ корень яснаго мышленія, то тѣ, которые желаютъ развить свою мысль и быть въ состояніи управлять ею, должны развить въ себѣ привычку къ наблюденію и отказаться отъ удовольствія быть увлекаемыми празднымъ потокомъ воображенія.

Развитіе ментальныхъ способностей.

По мѣрѣ накопленія образовъ, задача Познающаго усложняется, и подъ вліяніемъ его дѣятельности выявляются, одна за другой, всѣ способности, свойственныя его божественной природѣ. Онъ перестаетъ признавать внѣшній міръ только какъ совокупность предметовъ, приносящихъ ему страданіе или радость; онъ разсматриваетъ поочередно образы, представляющіе эти предметы; изучаетъ ихъ подъ ихъ различными видами, преобразуетъ совершенно ихъ и вновь разсматриваетъ. Такимъ же образомъ онъ начинаетъ приводить въ порядокъ и свои собственныя наблюденія. Если одинъ образъ вызываетъ за собой другой, онъ отмѣчаетъ порядокъ ихъ слѣдованія. И если за первымъ образомъ неоднократно слѣдовалъ второй, то при появленіи перваго онъ начинаетъ ожидать и второй, такимъ образомъ соединяя ихъ. Это его первая попытка размышленія, здѣсь происходитъ снова выявленіе присущей ему способности. Познающій разсуждаетъ: „Такъ какъ А и Б всегда слѣдовали одинъ за другимъ, то когда появляется А, слѣдуетъ ожидать и появленія Б.“ Постоянно удостовѣряясь въ правильности своего предвидѣнія, онъ связываетъ ихъ какъ „причину“ и „слѣдствіе“. Но слишкомъ поспѣшное установленіе такихъ соотношеній бываетъ причиной многихъ его раннихъ ошибокъ. Помѣщая образы рядомъ, онъ наблюдаетъ, кромѣ того, ихъ сходство и различіе, развиваетъ свою способность къ сравненію. Онъ выбираетъ тотъ или другой образъ, который доставилъ ему удовольствіе, и побуждаетъ свое тѣло искать его во внѣшнемъ мірѣ, развивая подобнымъ выборомъ и заключеніями свою способность къ сужденію. Онъ создаетъ въ себѣ чувство мѣры по отношенію къ сходству и къ различію (между образами), группируя предметы по ихъ видимому сходству и отдѣляя ихъ отъ другихъ по отличающимъ ихъ различіямъ. При этомъ онъ тоже, — будучи введенъ въ заблужденіе поверхностнымъ сходствомъ, — дѣлаетъ много ошибокъ, исправляя ихъ послѣдующими наблюденіями. Такимъ образомъ наблюденіе, различеніе, размышленіе, сравненіе и сужденіе развиваются одно за другимъ, и всѣ эти способности возрастаютъ отъ упражненія. Итакъ, аспектъ „Я“ въ качествѣ Познающаго развивается постоянно повторяющимся дѣйствіемъ и реагированіемъ „Я“ на „Не-Я“.

Для ускоренія эволюціи этихъ способностей, мы должны сознательно и съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ упражнять ихъ, пользуясь обстоятельствами ежедневной жизни, какъ удобными случаями для ихъ развитія. Какъ сила наблюденія можетъ развиться въ ежедневной жизни, такъ точно мы можемъ пріучить себя замѣчать въ окружающихъ насъ предметахъ черты сходства и отсутствіе таковыхъ, выводить извѣстныя заключенія, оцѣнивать ихъ значеніе по послѣдствіямъ, сравнивать ихъ и судить о нихъ и все это сознательно и съ заранѣе обдуманной цѣлью. Сила мысли быстро развивается посредствомъ этихъ обдуманныхъ и опредѣленныхъ упражненій; мысль начинаетъ сознательно подчиняться и начинаетъ ощущаться какъ ясно опредѣленная собственная сила.

Воспитаніе ума.

Воспитывать умъ въ извѣстномъ направленіи значитъ упражнять его до нѣкоторой степени вообще, такъ какъ каждое заранѣе обдуманное упражненіе организуетъ мысле-вещество, изъ котораго состоитъ ментальное тѣло, и пробуждаетъ въ немъ въ то же время нѣкоторыя изъ способностей Познающаго. Развившуюся способность можно направить къ какой угодно цѣли и воспользоваться ею для каждой поставленной передъ собой задачей. Развитой умъ можетъ быть примѣненъ и къ совершенно чему-нибудь новому, онъ быстро овладѣетъ предметомъ и преодолѣетъ его, что для неразвитаго ума было бы недоступно. Въ этомъ—значеніе ментальнаго воспитанія. Но надо помнить, что воспитаніе ума состоитъ не въ загроможденіи его фактами, но въ выявленіи его скрытыхъ способностей. Умъ развивается не отъ переполненія его мыслями другихъ, но отъ упражненія собственныхъ способностей.

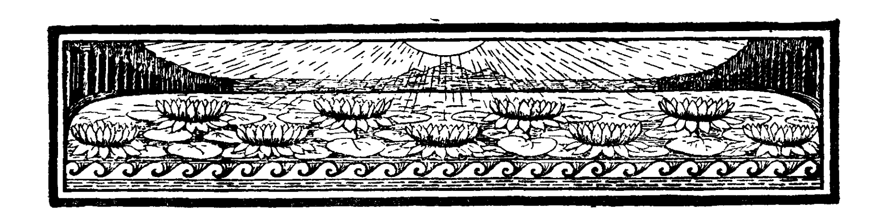
Говорятъ о Великихъ Учителяхъ, стоящихъ во главѣ человѣческой эволюціи, что Они знаютъ все, что существуетъ въ нашей солнечной системѣ. Но это не значитъ, что все происходящее постоянно въ мірѣ представляется Ихъ Сознанію: Они развили въ Себѣ настолько аспектъ познанія, что, когда Они направляютъ Свое вниманіе, Они тотчасъ же постигаютъ тотъ предметъ, на который оно направлено. Эта способность настолько важнѣе скопленія въ умѣ извѣстнаго числа фактовъ, насколько важнѣе, напримѣръ, видѣть всѣ предметы собственными глазами, чѣмъ, будучи слѣпымъ, знать ихъ только по описаніямъ другихъ.

Развитіе ума не измѣряется количествомъ образовъ, которые онъ заключаетъ въ себѣ, а той степенью совершенства его способности познавать, той силою, съ которою онъ можетъ воспроизвести въ себѣ все, что бы ни было явлено передъ нимъ. Эта сила будетъ равно полезна, какъ въ этомъ, такъ и въ каждомъ другомъ мірѣ, и разъ она пріобрѣтена, она будетъ всегда нашей, гдѣ бы мы ни были.

Общеніе съ высшими, со старшими.

Работа воспитанія ума можетъ быть очень облегчена общеніемъ съ лицами болѣе высоко развитыми, чѣмъ мы сами. Мыслитель болѣе сильный, чѣмъ мы, можетъ помочь намъ существеннымъ образомъ, такъ какъ онъ высылаетъ вибраціи болѣе высокаго порядка, чѣмъ тѣ, которыя способны создать мы. Лежащій на землѣ кусокъ желѣза не можетъ самъ по себѣ начать высылать вибраціи теплоты, но если бы этотъ же кусокъ положить около огня, то онъ можетъ отвѣтить на вибраціи теплоты, высылаемыя огнемъ, и вслѣдствіе этого нагрѣется самъ. То же происходитъ и съ нами, когда мы приходимъ въ близкое соприкосновеніе съ сильнымъ мыслителемъ; его вибраціи начинаютъ дѣйствовать на наше ментальное тѣло и производятъ въ немъ соотвѣтственныя вибраціи. И на время мы чувствуемъ, что наши умственныя силы увеличились и что мы можемъ теперь схватить идеи, которыя раньше отъ насъ ускользали. Но когда мы остаемся опять одни, мы видимъ, что эти-же самыя идеи стали снова смутными и какъ будто расплывчатыми.—Можно прослушать и умственно прослѣдить докладъ, совершенно ясно понимая въ то время излагаемыя въ немъ идеи. И уйти удовлетвореннымъ, чувствуя, что сдѣлалъ цѣнный вкладъ въ свои познанія. На слѣдующее утро, желая подѣлиться съ товарищемъ пріобрѣтеннымъ наканунѣ знаніемъ, человѣкъ найдетъ къ своему глубокому огорченію, что не можетъ изложить идеи, которыя казались вчера такими ясными и понятными. Онъ нетерпѣливо воскликнетъ: „Но я увѣренъ, что я знаю это, я только не могу передать.“ Такое чувство получается отъ воспоминанія вибрацій, испытанныхъ и ментальнымъ тѣломъ, и самимъ Дживой. Осталось сознаніе, что идеи были схвачены, ихъ формы созданы, и чувство, что разъ онѣ были уже созданы, то воспроизведеніе ихъ должно бы быть легко. Но наканунѣ были могучія вибраціи болѣе сильнаго мыслителя, которыя и отлили формы, схваченныя нашимъ

ментальнымъ тѣломъ; онѣ создались внѣшнимъ, а не внутреннимъ вліяніемъ. Чувство безсилія, испытываемое нами при попыткѣ воспроизвести ихъ, означаетъ, что такое образованіе должно быть продѣлано нѣсколько разъ, пока не явится сила, которая будетъ въ состояніи воспроизвести эти формы самостоятельными вибраціями. Познающій долженъ вибрировать такимъ высшимъ способомъ нѣсколько разъ, чтобы быть въ состояніи воспроизвести эти вибраціи по своей волѣ. Въ силу присущей ему природы Познающій можетъ развить въ себѣ эту способность свободно воспроизводить ихъ, если онъ неоднократно будетъ соприкасаться съ вибраціями высшаго порядка. Сила обоихъ Познающихъ одна и та же, только одинъ развилъ ее, а въ другомъ она находится въ скрытомъ состояніи. Эта сила выходитъ изъ своего скрытаго состоянія чрезъ соприкосновенія съ аналогичной ей уже дѣйствующей силой, и такимъ образомъ болѣе сильный ускоряетъ эволюцію болѣе слабаго. Въ этомъ-то и заключается одно изъ цѣнныхъ свойствъ общенія съ лицами болѣе насъ самихъ развитыми. Мы выигрываемъ отъ общенія съ ними и ростемъ подъ ихъ стимулирующимъ насъ вліяніемъ. Изъ этого слѣдуетъ, что истинный учитель больше помогаетъ своимъ ученикамъ однимъ своимъ присутствіемъ, чѣмъ обращенными къ нимъ словами. Самымъ дѣйствительнымъ средствомъ для такого вліянія является непосредственное личное общеніе. А при невозможности таковаго или кромѣ него, можетъ быть много пріобрѣтено и чрезъ посредство книгъ, если онѣ разумно подобраны. Читая книгу великаго писателя, мы должны попытаться на время настроить себя пассивно, такъ, чтобы получить насколько возможно больше вибрацій—мыслей автора. Прочитавъ нѣсколько словъ, мы должны остановиться, взвѣсить ихъ, постигнуть и прочувствовать ту идею, которую онѣ выражаютъ въ частности, и уловить ихъ сокровенную связь. Наше вниманіе должно быть сосредоточено на томъ, чтобы проникнуть въ мысль писателя, которая скрывается за словами. Подобное чтеніе имѣетъ воспитательное значеніе и ускоряетъ нашу ментальную эволюцію. Обыкновенно чтеніе служитъ намъ пріятнымъ времяпрепровожденіемъ, можетъ обогатить нашъ мозгъ цѣнными фактами и такимъ косвеннымъ образомъ быть намъ полезно. Чтеніе же, подобное вышеописанному, является двигателемъ нашей эволюціи и потому оно не должно быть упущено изъ виду тѣми, которые стремятся развить себя, чтобы быть въ состояніи помогать другимъ.



О человѣческой аурѣ.

Д-ра Р. Штейнера.

(*Окончаніе* *).

Есть въ человѣкѣ скрытое завѣсой святилище, которое обозначается какъ *самосознаніе*. Кто это понимаетъ, тотъ знаетъ, что этимъ словомъ въ сущности выражается весь смыслъ человѣческаго бытія. Самосознаніе есть способность познавать себя какъ „Я“.

Безконечное значеніе заключаетъ въ себѣ слѣдующій фактъ, хотя онъ и кажется простымъ: „Я“ есть единственное слово, которое каждый можетъ сказать только *себѣ самому*. Никто другой не можетъ сказать этого мнѣ, точно также и я не могу никому сказать этого слова. Каждое другое слово могутъ употреблять всѣ въ томъ же смыслѣ, въ какомъ употребляю его и я. То же, что дѣлаетъ человѣка самостоятельнымъ, отдѣльнымъ отъ всего остального, то, что позволяетъ ему оставаться *съ однимъ собой*, это онъ называетъ своимъ „Я“.

Этому обстоятельству соотвѣтствуетъ совершенно опредѣленное явленіе въ аурѣ человѣка: ни одинъ ясновидящій не увидитъ чего-либо на томъ мѣстѣ ауры, которое соотвѣтствуетъ человѣческому „Я“. Сознаніе своего „Я“ обозначается въ аурѣ темнымъ оваломъ, можно сказать—полной темнотой. Если-бы этотъ овалъ можно было разсматривать отдѣльно отъ всего другого, онъ казался бы чернаго цвѣта. Но этого нельзя, потому что онъ видимъ черезъ то, что мы назвали первой и второй аурой. Поэтому онъ является намъ голубымъ. „Я“ совсѣмъ неразвитого человѣка выражается какъ маленькій голубой оналъ. Но онъ становится все больше по мѣрѣ развитія человѣка, и у средняго человѣка нашего времени онъ имѣетъ величину, равняющуюся приблизительно остальной аурѣ.

---

*) См. „Вѣстникъ Теософіи“ 1911 г., № 11, стр. 8.

Изнутри этого голубого овала возникаетъ особое излученіе. Всѣ другія части ауры отражаютъ извѣстнымъ образомъ лишь то, что проникаетъ въ человѣка извнѣ. Но упомянутое излученіе является выраженіемъ того, что *самъ* человѣкъ дѣлаетъ изъ себя. Первая аура выражаетъ собою результатъ животнаго начала, дѣйствующаго въ человѣкѣ, вторая аура—результатъ того, что человѣкъ переживаетъ внутри себя благодаря впечатлѣніямъ, идущимъ отъ внѣшняго міра; третья есть выраженіе *знанія*, которое человѣкъ пріобрѣлъ объ этомъ мірѣ. То же, что начинаетъ излучаться внутри темной ауры человѣческаго „Я“, это—результатъ работы человѣка надъ самимъ собою. Способность къ *такой* работѣ не можетъ дать ему никакой внѣшній міръ, эта способность или сила должна появиться изъ другого источника. Она и притекаетъ къ нему изъ *Духа*. Насколько человѣческое „Я“ получаетъ отъ духа, настолько начинаетъ свѣтиться упомянутая аура. И въ противоположность всѣмъ преходящимъ явленіямъ чувственнаго міра, духъ не проходитъ, а пребываетъ вѣчно. Все, что въ другихъ аурахъ измѣняется, указываетъ на преходящія свойства человѣка, то же, что свѣтится въ аурѣ человѣческаго „Я“, есть выраженіе его *вѣчнаго Духа*. Это и есть то *пребывающее*, что сохраняется въ каждомъ послѣдующемъ воплощеніи человѣка.

Третьимъ членомъ души мы назвали „сознающую душу“. И внутри ея пробуждается наше „Я“. А въ „Я“ пробуждается вѣчный Духъ человѣка. Какъ тѣло и душа, такъ и духъ трехчлененъ. Высшая часть его и есть „духовный человѣкъ“, называемый въ теософической литературѣ „*Atma*“. Какъ физическое тѣло строится изъ веществъ и силъ внѣшняго физическаго міра, такъ и духовный человѣкъ строится изъ состава духовнаго міра. Онъ — часть послѣдняго, также какъ физическое тѣло есть часть физическаго міра. И такъ-же какъ физическое тѣло, благодаря физической, жизненной силѣ, превращается въ тѣлесное существо, такъ и духовный человѣкъ, благодаря духовной жизненной силѣ, становится „жизне-духомъ“ *), въ теософической литературѣ „*Buddhi*“.

Далѣе, такъ-же какъ физическое тѣло путемъ чувственныхъ воспріятій пріобрѣтаетъ познаніе чувственнаго міра, такъ духовный человѣкъ, благодаря духовному воспріятію или *интуиціи*, познаетъ духовный міръ. Такимъ образомъ, чувственному воспріятію тѣлесной жизни соотвѣтствуетъ особое духовное воспріятіе въ этой высшей области. И какъ низшее самосознаніе или обо-

*) Lebensgeist.

собленная жизнь начинается съ *ощущенія*, такъ и высшее начинается съ *интуиціи*. Эту духовную обособленную жизнь мы назовемъ „самимъ духомъ“ (Geistselbst); въ теософической литературѣ это—„высшій Манасъ“.

Слѣдуя вышеизложенному, человѣка можно раздѣлить на слѣдующія части:

1. *Тѣлесная часть* состоитъ изъ физическаго тѣла, жизнетѣла (жизненной силы) и изъ тѣла ощущеній.

2. *Душа* состоитъ изъ души ощущенія, разсудочной души и сознательной души, въ которой пробуждается „Я“.

3. *Духъ* состоитъ изъ духа какъ таковаго, жизне-духа и изъ духовнаго человѣка.

Душа ощущенія заполняетъ тѣло ощущеній и сливается съ нимъ въ одно цѣлое. Это можно выяснить, если представить себѣ слѣдующее: впечатлѣніе отъ внѣшняго міра, вызывающее „красный“ цвѣтъ, основано на дѣятельности тѣла ощущеній. Что душа воспринимаетъ этотъ красный цвѣтъ, основано на томъ, что тѣло ощущеній соединено непосредственно съ ощущающей душой, которая всѣ извнѣ приходящія вліянія претворяетъ немедленно въ себя. Точно такъ-же сливаются въ одно сознающая душа и самъ-духъ (Geistselbst), благодаря самостоятельной дѣятельности „Я“ *).

Поэтому человѣческая суть раздѣляется съ полнымъ правомъ на слѣдующія семь частей:

1. Физическое тѣло (Sthu*l*a Sharira).

2. Жизненное тѣло (Linga Sharira).

3. Соединенное съ „душой ощущенія“ тѣло ощущенія (астральное тѣло, *Kama rupa*).

4. Разсудочная душа (низшій Манасъ, *Kama Manas*).

5. Проникнутая духомъ и рождающая человѣческое „я“, сознающая душа (высшій Манасъ).

6. Жизне-духъ (духовное тѣло, *Buddhi*).

7. Духовный человѣкъ (Atma).

Изъ всего сказаннаго вытекаетъ само собою, что лучистая духовная аура лишь слабо обозначена и становится все ярче по мѣрѣ усовершенствованія человѣка. Какъ три описанныя ауры являются какъ бы носителями человѣческаго „Я“, такъ аура этого „Я“ становится носителемъ вѣчнаго Духа. Благодаря наличности „Я“, человѣкъ становится самостоятельнымъ, отдѣльнымъ существомъ. Существо это развиваетъ въ себѣ духовное содержа-

---

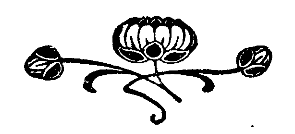
*) Болѣе подробныя свѣдѣніи объ этомъ можно найти въ книгѣ д-ра Штейнера „Теософія“, появившейся въ русскомъ переводѣ.

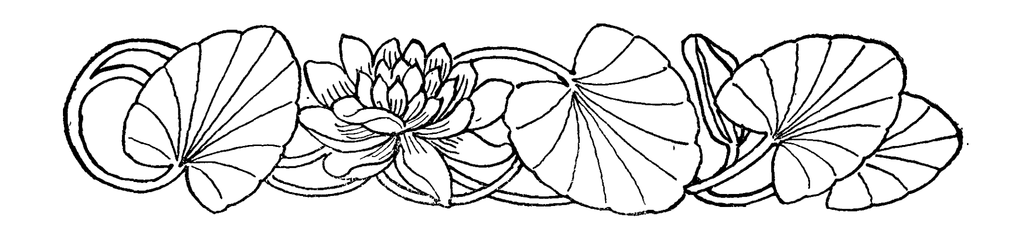
ніе; оно наполняется этимъ содержаніемъ. Это означаетъ, что „Я" предается вѣчному единому Духу. Ступени, которыя человѣческое „Я" проходитъ въ этомъ отдаваніи себя единому Духу, выражаются въ духовной аурѣ человѣка опредѣленными цвѣтовыми оттѣнками. Эти оттѣнки, сверкающіе свѣтомъ, нельзя сравнивать съ физическими красками; вотъ почему всякое описаніе ихъ невозможно.

Для полноты слѣдуетъ указать еще на одну часть ауры, о которой еще не было упомянуто. Это — та часть, которая соотвѣтствуетъ жизне-тѣлу (Lebensleib). Она наполняетъ приблизительно такое же пространство, какое занимаетъ физическое тѣло. Ясновидящій можетъ наблюдать за нимъ только при томъ условіи, если въ состояніи уничтожить въ своемъ представленіи физическое тѣло наблюдаемаго (внушить себѣ что его нѣтъ). Тогда „жизне-тѣло" Linga sharira выявляется какъ совершенный двойникъ физическаго тѣла, окрашенный цвѣтомъ, который напоминаетъ цвѣтъ абрикосоваго дерева. Въ этомъ жизне-тѣлѣ замѣчается постоянный приливъ и отливъ. Міровая жизненная сила вливается въ него, используется жизненными процессами и затѣмъ — снова выливается.

На этомъ указанія относительно человѣческой ауры могутъ быть закончены. Если бы кому нибудь показалось, что высказанное въ этой статьѣ не совпадаетъ съ положеніями теософической литературы, то я попрошу вчитаться въ изложенное здѣсь внимательнѣе. За видимымъ различіемъ онъ увидитъ болѣе глубокую гармонію. Въ этой области можетъ пойти лишь на благо, если изложенія отдѣльныхъ наблюдателей будутъ взаимно дополнять одно другое. Конечно, такой отдѣльный наблюдатель долженъ сознавать свою большую отвѣтственность, но, съ другой стороны, нужно помнить, что на этихъ высотахъ ошибки въ наблюденіяхъ еще вѣроятнѣе, чѣмъ въ естественно-научныхъ наблюденіяхъ надъ физическимъ міромъ. Объ этомъ знаютъ всѣ, изслѣдующіе области сверхфизическія, и знаютъ, что наука духа подлежитъ такому же развитію, какъ и наука физическая.

Переводъ съ нѣмецкаго **Е. П.**





Эзотеризмъ религій.

«Когда ученикъ перестанетъ слышать различіе, тогда онъ будетъ способенъ видѣть единство.

(*Изъ „Голоса Безмолвія“*).

Духовное единство всѣхъ религій выражается въ томъ *сокровенномъ* (эзотерическомъ) ученіи, смыслъ котораго одинаковъ во всѣхъ религіяхъ: различными могутъ быть лишь формы его выраженія.

Въ древности, на Востокѣ (въ Индіи, Персіи, Египтѣ, Греціи) существовали такъ называемыя „*мистеріи*“.

Эти древнія мистеріи служили методами изложенія тѣхъ духовныхъ истинъ, которыя постигаются не изъ внѣшняго, а изъ *внутренняго* міра. Истины эти излагались *сокровенно:* для немногихъ посвященныхъ.

Одинъ изъ отцовъ церкви, св. Климентъ Александрійскій, въ своемъ сочиненіи „*Stromata*“ (кн. I, гл. 12) пишетъ, что при изложеніи эзотерическихъ истинъ мало подготовленнымъ слушателямъ иногда затруднительно называть вещи своимъ именемъ, а приходится говорить иносказательно, аллегорически. То же самое указывается въ словахъ VII главы (ст. 6-ой) Ев. Матѳ.: „Не мечите бисера“.... То же говорится и въ главѣ IV (ст. 11-й) Ев. Марка: „Вамъ дано знать тайны Царствія Божія, а тѣмъ, внѣшнимъ, все бываетъ въ притчахъ“.

Путь эзотерическаго ученія не идетъ (какъ многіе думаютъ) исключительно изъ буддизма, индуизма, таоизма, или какой-либо другой религіи: путь эзотерическаго христіанства такъ-же истиненъ, какъ истиненъ путь эзотерическаго буддизма и принадлежитъ онъ *всѣмъ* религіямъ, а исключительно—*ни одной*, если ихъ брать порознь. *Эзотеризмъ эзотеризмовъ* всѣхъ религій и философій есть та *Pistis Sophia*:—*Премудрость Божія тайная, сокровенная*, о которой говоритъ св. апостолъ Павелъ во 2-ой главѣ I-го Посланія къ Коринѳянамъ.

Существуетъ мнѣніе, что въ христіанствѣ нѣтъ тайнъ и что, поэтому, оно такъ просто и доступно. Но св. Климентъ Александрійскій упоминаетъ о „Тайнахъ Іисуса", говоря даже, что не слѣдуетъ сообщать всю глубину этой Божественной Мудрости тѣмъ, которые не испытали того, что называется „Мистическимъ трансомъ".

Ученіе, напримѣръ, восточныхъ религій о духовной эволюціи семи началъ человѣка, также какъ и ученіе *о перевоплощеніи* относятся къ такимъ сокровеннымъ (эзотерическимъ) тайнамъ, которыя въ древности могли быть передаваемы лишь отъ Учителя ученику: „Изъ устъ въ уши". Нѣкоторые основные догматы христіанской церкви (напр., догматы: о духовномъ мірѣ; о первородномъ грѣхѣ; о частномъ и общемъ судѣ), будучи символическими сосудами христіанскаго эзотеризма, заключаютъ въ себѣ глубокія духовныя тайны.

Познаніе духовныхъ истинъ должно идти *извнутри,* а не извнѣ: идти отъ божественнаго Духа, храмомъ котораго являемся мы сами: „*Развѣ не знаете, что вы храмъ Божій, и Духъ Божій живетъ въ васъ"?* (Посл. I къ Коринѳ., III, 16), идти отъ Духа Божія, а не отъ человѣческаго учителя: „*Душевный человѣкъ не принимаетъ того, что отъ Духа Божія"* (1-ое Посл. Коринѳ., II, 14).

Всѣ существующія религіи міра являются лишь различныхъ формъ священными сосудами, въ которыхъ одна и та же „*вода живая*", утоляющая жажду души.

И всякая религія есть, такимъ образомъ, средство, *возможность* добыть эту „*воду живую*". И религіи очень молодыхъ душъ (напр., дикарей человѣчества) являются, быть можетъ, сосудами весьма несовершенными, грубыми, примитивными, тогда какъ, напр., мистика индуизма и христіанства стремится стать возможно болѣе совершеннымъ носителемъ эзотеризма, доступнаго пониманію современнаго человѣчества: *„Да будетъ Богъ все во всемъ"* (1-е Посл. Коринѳ., XV, 28).

Теософія указываетъ на единство происхожденія всѣхъ религій міра, указываетъ на тотъ божественный источникъ, откуда исходитъ *Духъ всѣхъ религій,* различающихся только внѣшними формами культа: объединяющее ихъ *единство* есть *Откровеніе Божественное*; „Премудрость Божія тайная сокровенная" (по апостолу Павлу), чтобы стать ея причастникомъ, не надо покидать своей религіи, но слѣдуетъ уважать и чужую; не слѣдуетъ перестать быть христіаниномъ, буддистомъ, индусомъ (индуизмъ), но

надо только *глубже* проникнуть въ сердце своей вѣры, *шире* обнять ея сокровенное ученіе и *ввести духъ ея* въ содержаніе всей своей жизни.

Позитивизмъ, признающій науку сравнительной миѳологіи, утверждаетъ, что всѣ религіи суть вѣтви единаго общаго ствола: человѣческаго невѣдѣнія. Сравнительное же изученіе религій открываетъ намъ, что, дѣйствительно, всѣ религіи являются вѣтвями единаго общаго ствола, но что единый общій ихъ стволъ есть *Божественная Мудрость*. Она называется также Гнозой—*теософіей*.

О древнихъ мистеріяхъ говорится въ сочиненіяхъ неоплатониковъ Александрійской школы: Порфирія, Плотина, Ямблика. У неоплатониковъ слѣдуетъ искать *и ученіе о Логосѣ*. Но начало этого ученія надо искать ранѣе: въ Египтѣ, у первыхъ гностиковъ, двадцать вѣковъ тому назадъ.

Приступая къ ученію о Логосѣ, не слѣдуетъ забывать, что всѣ представленія всѣхъ религій о Богѣ и о вѣчности суть лишь представленія о Божествѣ проявленномъ. Понятіе о Богѣ какъ *Безусловной Сущности* лежитъ въ глубинахъ эзотерической религіозной философіи въ *сокровенномъ ученіи о Безусловномъ* *). Основныя положенія ученія о Логосѣ сводятся вкратцѣ къ слѣдующему;

Исходя изъ *Первоисточника* (изъ неизрѣченнаго Абсолюта), Логосъ, самоограничиваясь, становится *проявленнымъ Богомъ* и внутри сферы этой первичной жертвы, этого добровольнаго самоограниченія безграничной божественной Сущности, міры возникаютъ, живутъ, замираютъ и вновь возникаютъ. Въ своемъ проявленіи Логосъ самораскрывается *троично: Первый Логосъ*—Отецъ—Корень Бытія; изъ Него исходитъ *Второй Логосъ*—Сынъ (связующій великую полярность проявленія); изъ Него же исходитъ *Третій Логосъ*—Духъ, хранящій въ себѣ всѣ первообразы міра. Индивидуальность человѣка, его троичность: Atma, Buddhi, Manas лишь въ періодъ Манвантары (въ періодъ *проявленія Божества*) являются какъ бы отдѣльными, но когда наступаетъ Пралайа (когда завершенъ циклъ эволюціи), то Atma, Buddhi, Manas сливаются со своими божественными первообразами. Тогда *Сынъ* (вселенское Богочеловѣчество) снова *единъ съ Отцомъ*, изъ Котораго Онъ исшелъ, дабы свершилась великая тайна міротворчества—тайна Божественной Любви, явившей *Слово*.

---

*) См. „Сокровенная религіозная философія Индіи“. Брам. Чаттерджи, перев. Е. П.

„Въ началѣ было Слово.... и безъ Него ничего не начало быть, что начало быть“ (Ев. Іоан., I, 1 и 3).

Духъ *Гнозы* проходитъ черезъ все Евангеліе Іоанна:

„Въ началѣ было Слово“ (Іоан. I, 1).

„Глаголю вамъ: вы—боги“ (Іоан. X, 34).

„Я и Отецъ—одно“ (Іоан. X, 30).

Гермесъ—божество „язычниковъ“.

Но Гермесъ—Тріединъ (Trismegiste).

Гермесъ—Слово.

Послѣдователи Герметизма, Александрійскіе неоплатоники, осужденные соборами гностики, *поклонялись Духу*.

Они исповѣдывали религію Духа.

Имъ была извѣстна тайна и хранилась ими сокровенно—„*герметически*“.

Что есть Гноза?

Греческое слово *gnosis* означаетъ—познаніе.

Но то было не только познаніе. То было *единеніе мудрости и любви*.

Въ теософической литературѣ извѣстенъ трактатъ греческихъ гностиковъ: „*Pistis Sophia*“ (въ англ. переводѣ Дж. Мида).

Греческій текстъ „*Pistis Sophia*“ полонъ поэтической красоты, но онъ—лишь одежда, облекающая *красоту Истины*.

Вотъ, что говоритъ Гноза о Гермесѣ:

У Него нѣтъ имени, ибо въ Немъ—всѣ имена; всѣ имена—Его, и Онъ—имя всему.

Духъ знаетъ только Себя, ибо нѣтъ познаваемаго внѣ Его; Онъ есть тайна тайнъ.

Въ религіи Духа, лѣствица возможности переступаетъ всѣ вообразимые предѣлы: Она—безпредѣльна.

И когда ищущій вопрошаетъ въ изумленіи: „Неужели и это возможно?“ То голосъ Наставника отвѣчаетъ: „Путь ведетъ къ совершенству—къ совершенству Всесовершеннаго“.

Такъ возвѣщаетъ голосъ Наставника.

Кто же этотъ Наставникъ? Внѣ ли насъ Онъ? Иной ли—Онъ, чѣмъ—мы?

Нѣтъ, ибо „Отецъ и Сынъ—Одно“.

Въ гностическихъ книгахъ излагаемое ими ученіе приписывается: Гермесу, Асклепіусу *), Аммону, но ни Гермесъ, ни Асклепіусъ, ни Аммонъ не суть историческія личности.

---

*) См. „Гермесъ Трисмегистъ“, въ „Вѣстникѣ Теософіи“ за 1911 г., № 10.

Это—символы, сквозь, за и надъ которыми—*Духъ,* просвѣщающій человѣка, когда человѣкъ родился отъ Духа, когда онъ видѣлъ Свѣтъ на Пути и слышалъ Голосъ Безмолвія.

Тайна сія велика есть.

Она—несказа̀нна.

Ибо слова человѣческія, отчеканенныя для временнаго и бреннаго, не въ состояніи ее выразить.

Посланіе апостола Павла къ Коринѳянамъ и Евангеліе отъ Іоанна—изложенія эзотеризма неоплатониковъ и Гнозы.

Яркой нитью проходитъ во всѣхъ гностическихъ книгахъ *ученіе о Логосѣ.*

Logos есть Слово Божіе: „Въ началѣ было Слово" (Іоан., I, 1).

Слово Божіе *не* на поверхности, Оно—внутри.

Вселенная—глаголъ Бога. Все проявилось Словомъ Божіимъ. „Безъ него ничто не на̀чало быть, что на̀чало быть" (Іоан., I, 3)

Мы—люди являемся какъ бы еще только буквами и слогами Божьяго Глагола, пока сами не станемъ *Словомъ.*

Первые гностики жили въ Египтѣ двадцать вѣковъ тому назадъ.

„Гариванша" на триста лѣтъ старше Евангелія.

„Свѣтъ на Пути" написанъ за семьсотъ лѣтъ до Рождества Христова.

„Бхагавадъ-Гита"—еще древнѣе.

Гимнамъ Ведъ болѣе четырехъ тысячъ лѣтъ.

Общества и царства рушатся, лицо земли мѣняется, міры исчезаютъ и вновь возникаютъ.

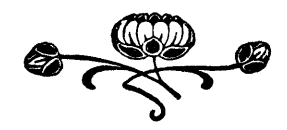
Но идея Гнозы, идея Теософіи, идея Божественной Мудрости—остается.

Она—вѣчна.

Она—безсмертна.

П. Батюшковъ.

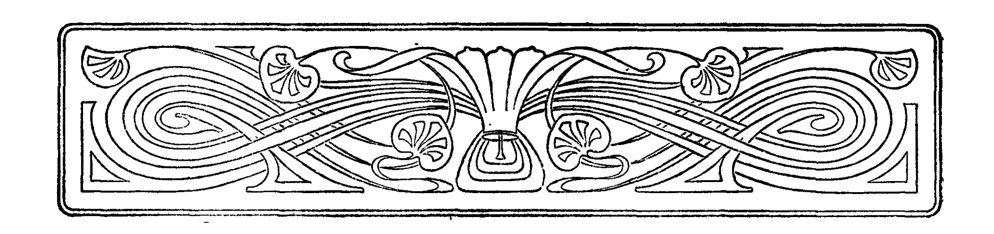
Москва,
21 октября 1911 года.



* * *

Сердце свободное къ солнцу бы, къ звѣздамъ взывало,
Душно ему, одиноко и тѣсно въ груди,
Тѣло упрямое въ цѣпи его заковало.
Сердце мое, погоди!
Трепетъ страданья, неясныхъ порывовъ тревогу,
Тихія думы, которыя къ небу влекутъ,
Ангелы свѣта, чтò служатъ великому Богу,
Бѣлыми нитями, длинными нитями ткутъ.
Время настанетъ—и эти лучистыя ткани
Тѣломъ нетлѣннымъ одѣнутъ людскія сердца.
Между землею и небомъ сравняются грани,
Будетъ просторъ, и свобода, и свѣтъ безъ конца.





Волшебная ткань.

Рождественская сказка для дѣтей.

Снѣгъ ослѣпительно сверкалъ на вершинахъ дальнихъ горъ, и холодный вѣтеръ кололъ и щипалъ лицо, когда Эрба, закутавши голову въ капюшонъ своего плаща, взбиралась по дорожкѣ, ведущей къ холму, на которомъ находился ея домъ. Въ маленькомъ городкѣ, пріютившемся у подножія холма, люди были заняты приготовленіемъ къ завтрашнему дню, который сулилъ много радостей дѣтямъ, потому что это былъ день веселаго праздника Рождества Христова.

Церковь сіяла великолѣпіемъ, вся разубранная голубыми и желтыми занавѣсями, отороченными золотой бахромой, а вверху украшенными фестонами изъ розъ. На алтарѣ виднѣлись свѣжіе букеты и большіе пальмовые листья; а шесть большихъ серебряныхъ ковчеговъ, въ каждомъ изъ которыхъ сохранялись мощи святого, и которые выносились только въ самыхъ торжественныхъ случаяхъ, были разставлены сверкающимъ полукружіемъ на алтарѣ.

Въ церкви было много матерей съ дѣтьми и всѣ онѣ смотрѣли на Эрбу глазами, въ которыхъ свѣтилась нѣжная жалость; ибо въ прошлый канунъ Рождества дѣвочка была въ церкви съ своей матерью, а въ этомъ году она пришла сиротой. Но она собралась съ духомъ, чтобы не набрасывать тѣнь на радость другихъ, расцѣловала маленькихъ дѣтей, снесла больного мальчика Матвѣя по крутымъ ступенькамъ и нашла время поболтать съ калѣкой Гизеппе, который цѣлый день просидѣлъ на углу рынка съ корзиной, наполненной маленькими куклами, сдѣланными изъ яркихъ тряпокъ и соломы. Корзина была въ этотъ вечеръ совсѣмъ полна и глаза бѣдняги были подозрительно влажны, когда онъ поднялъ голову, чтобы отвѣтить на привѣтствіе Эрбы. Было уже

поздно, и она предложила маленькому калѣкѣ завернуть его товаръ и отнести корзину къ нему домой; дорогой, пока они шли и Гизеппе подпрыгивалъ на своемъ костылѣ рядомъ съ ней, она весело болтала, чтобы развлечь его. Но сердце у Эрбы болѣло, когда она поднималась домой по холму между оливковыми деревьями и думала о судейской женѣ, которая проѣхала мимо въ бархатѣ и мѣхахъ, тогда какъ больного маленькаго Матвѣя пронизывалъ холодный вѣтеръ, и о веселыхъ краснощекихъ дѣтяхъ, которыя шли домой въ сопровожденіи своихъ нянекъ, нагруженныхъ игрушками и конфектами, тогда какъ корзина бѣднаго Гизеппе была полна непроданнаго товара.

„И самое худшее то, что я ни на что не годна и не въ состояніи помочь никому", сказала она про себя, подходя къ сѣрому коттэджу, гдѣ жила послѣ того, какъ осиротѣла, вдвоемъ съ своей сестрой.

Коттэджъ былъ погруженъ въ темноту, такъ какъ сестра ея Марта задержалась въ городѣ, куда ходила, чтобы продать кружева, сплетенныя обѣими сестрами для торговца галантерейными товарами. Эрба принялась разводить огонь и готовить ужинъ; она отдернула оконную занавѣску, чтобы огонь очага могъ привѣтливо свѣтить ея сестрѣ, когда та будетъ подниматься къ дому. А затѣмъ она вышла въ сѣни и, стоя у дверей, стала ждать.

Солнце садилось; высоко надъ коттэджемъ, съ правой стороны, мерцалъ огонекъ; онъ свѣтилъ изъ окна домика, гдѣ рядомъ съ маленькой древней церковью жилъ старый священникъ. Рядомъ съ церковью находилось небольшое, вѣчно обвѣваемое вѣтрами кладбище, гдѣ лежали смертные останки, служившіе временной оболочкой для многихъ родственниковъ Эрбы. Тѣло ея матери лежало тамъ же. „Снесу-ка я свой вѣнокъ сейчасъ",—сказала дѣвочка про себя. „Можетъ быть, я не буду себя чувствовать тамъ такой несчастной и безполезной".

И надѣвъ на руку вѣнокъ изъ ярко-красныхъ ягодъ и разноцвѣтныхъ осеннихъ листьевъ, она отправилась по крутой тропинкѣ къ мерцающему огоньку.

Много разъ ноги Эрбы поднимались по этой тропинкѣ, прихотливо извивавшейся вверхъ, много разъ звенѣлъ въ ея ушахъ шумъ невидимаго водопада, стремительно падавшаго среди густо заросшихъ кустовъ и папоротниковъ; она знала каждый шагъ и каждый поворотъ тропинки и велико было ея удивленіе, когда взойдя на маленькую площадку, она увидѣла, что дорога раздѣлилась на двѣ тропинки. Она остановилась въ недоумѣніи, зная,

что этой второй тропинки не было здѣсь; а между тѣмъ, вотъ она, ясно обозначенная, направляется вправо, ее окаймляетъ высокая насыпь, съ которой спускаются вьющіяся растенія, ясно видимыя несмотря на сгустившіеся сумерки. Она подняла голову и увидѣла огонекъ, мерцающій подобно звѣздѣ надъ ея головой, и подавивъ колебаніе, Эрба вступила на невѣдомую тропинку.

По мѣрѣ того, какъ она подвигалась, мѣсяцъ поднимался, яркій и прекрасный, а шумъ потока превращался постепенно въ пріятный перезвонъ безчисленныхъ серебряныхъ колокольчиковъ, таинственныя дуновенія, подобныя шепчущимъ голосамъ, покачивали вѣтки надъ ея головой и разъ или два она останавливалась, думая, что слышитъ среди высокихъ травъ журчаніе, похожее на тихій смѣхъ и видитъ блестящіе глаза, выглядывающіе на нее изъ-за темной листвы. Внезапно перезвонъ серебряныхъ колокольчиковъ превратился въ ясную нѣжную музыку, когда она вышла на открытое мѣсто у подножія скалы.

Въ скалѣ виднѣлась пещера и впереди ея, на открытой площадкѣ, сидѣла озаренная луннымъ свѣтомъ Женщина, сплетавшая изъ перепутанныхъ многоцвѣтныхъ нитей—чудную ткань. Вокругъ головы Женщины сверкалъ вѣнецъ изъ разноцвѣтнаго пламени, а одежда спадала съ нея подобно серебряному туману и, сливаясь съ сотканной тканью, спускалась со скалы волнистыми мерцающими складками къ самымъ ногамъ Эрбы. Музыка падающаго потока измѣнилась снова и стала похожа на убѣждающіе голоса.

„Спрашивай ее, спрашивай ее“, говорили голоса; не имѣя силы противиться имъ, Эрба заговорила:

— Что вы дѣлаете?

— Я вплетаю въ мою ткань тѣ нити, которыя ты дала мнѣ сегодня,—былъ отвѣтъ;—поднимись сюда ко мнѣ, я покажу тебѣ ихъ.

И тогда Эрба увидѣла ступеньки, обозначавшіяся изъ подъ складокъ мерцавшей на лунномъ свѣтѣ волнистой ткани, и какъ во снѣ начала она подниматься по нимъ, пока не стала передъ ткущей Женщиной, которая посмотрѣла на нее ясными, улыбающимися глазами. Рядомъ съ нею лежала спящая лань, а на скалистыхъ выступахъ пещеры сидѣли бѣлые голуби, дремотно сложивъ крылья. Эрба смотрѣла въ глаза чудной Женщинѣ и не испытывала страха.

— Вотъ посмотри эти нити, — и Женщина протянула Эрбѣ перепутанный мотокъ блестящей многоцвѣтной пряжи.

— Но вѣдь здѣсь спутаны всякія нити, и толще веревки и тоньше волоска,—сказала дѣвочка.—Какъ можете вы ткать ими?

— Онѣ въ моей ткани всѣ идутъ въ дѣло,—отвѣтила Женщина съ улыбкой.—Посмотри, вотъ кусочекъ твоей сегодняшней ткани!

И она протянула къ ней конецъ нѣжно-лиловаго цвѣта, на которомъ трепетали тонкія полосы пурпура и лучи серебра съ разбросанными кое-гдѣ золотыми стрѣлами, сверкавшими въ складкахъ ткани. Нq, свѣшиваясь съ одного края ткани, виднѣлся тусклый, коричневато окрашенный кусокъ, и Эрба спросила съ удивленіемъ:

— Почему вы портите красоту этой чудной ткани вотъ этимъ?

Ткущая улыбнулась и сказала:

— Это *ты* сдѣлала эти тусклыя нити, когда стояла у двери коттэджа и думала, что Міровой Порядокъ несправедливъ, потому что не могла понять, какъ сплетается ткань жизни.

— Покажите же мнѣ, какъ она сплетается,—сказала Эрба съ глубокимъ волненіемъ.

Тогда Женщина взяла зеркало, которое стояло, прислоненное къ ея колѣнямъ, и подняла его къ глазамъ дѣвочки; въ немъ Эрба увидѣла самое себя, идущую изъ города вверхъ, но она шла не одна: вокругъ нея роились цѣлыя тучи маленькихъ формъ, похожихъ на эльфовъ, воздушныхъ и фантастичныхъ, мѣняющихъ ежеминутно свои очертанія. И когда она смотрѣла, одна изъ нихъ отдѣлилась отъ остальныхъ и быстро понеслась въ сторону; Эрба прослѣдила ее до самаго дома городского судьи. Жена судьи сняла свои мѣха и присѣла къ камину съ задумчивымъ лицомъ; а крошечный воздушный эльфъ, прикасаясь къ ея сердцу, сказалъ:

— Хотя у тебя нѣтъ ребенка, который называлъ бы тебя матерью, есть такъ много дѣтей, которыя не имѣютъ ничего и нуждаются въ материнской заботѣ и любви.

Вслѣдъ затѣмъ картина поблѣднѣла и на ея мѣстѣ появилась другая; на этотъ разъ цѣлый рой крошечныхъ эльфовъ отдѣлился отъ сопровождавшаго ее облака и проникнувъ въ домъ, гдѣ цѣлая толпа веселыхъ дѣтей сидѣла у камина, крошечныя воздушныя существа шептали имъ съ упрекомъ: „у васъ цѣлыя горы красивыхъ вещей, а вы прошли равнодушно мимо маленькаго калѣки Гизеппе и ему будетъ холодно и голодно на Рождество“.

И такъ изъ дома въ домъ слѣдила Эрба за полетомъ воздушныхъ существъ, въ которыхъ она узнала свои собственныя мысли. Наглядѣвшись, она повернула лицо къ ткущей Женщинѣ и спросила:

- Что все это значитъ?

Женщина собрала блестящія нити и прислонивъ зеркало къ своимъ колѣнямъ, сказала:

— Значеніе этого ты должна открыть сама.

Вслѣдъ за этимъ въ ушахъ у Эрбы снова раздался шумъ потока, Женщина въ сверкающемъ вѣнцѣ, пестрыя нити и волнистыя ткани изчезли изъ ея глазъ, и она увидала огонекъ, освѣщавшій окошко ея собственнаго дома.

— Я думала, ты никогда не придешь,—сказала Марта, отгоняя старую собаку отъ очага, и ставя на ея мѣсто стулъ, чтобы погрѣться у огня:—я съѣла почти весь ужинъ, такъ я проголодалась. Я остановилась у окошка Гизеппе и долго разсматривала рождественское дерево и красивые подарки, которые дѣти прислали Гизеппе; хорошо быть калѣкой! И сама судейская жена подъѣзжала въ экипажѣ и привезла ему теплое платье; а другой узелъ съ теплыми вещами отвезла матери Матвѣя. Всѣ дѣлали что нибудь хорошее, кромѣ насъ.

— И у меня было хорошее,—сказала Эрба, присаживаясь къ очагу и давая мѣсто у самаго огня собакѣ, и она разсказала исторію Женщины, ткущей ткань жизни.

— Ты просто заснула и видѣла это во снѣ,—сказала Марта зѣвая. Но на слѣдующій день она пошла по то той же тропинкѣ сама, и когда не нашла ничего, кромѣ знакомой дорожки и развалившейся хижины, въ которой старая, глухая женщина сидѣла съ прялкой у самой двери, Марта сказала про себя: — „конечно, это одна изъ глупыхъ фантазій Эрбы".

Прошли мѣсяцы; вся страна покрылась весенними цвѣтами, а затѣмъ плоды на оливковыхъ деревьяхъ созрѣли и были собраны; еще позднѣе облетѣли листья и снѣгъ появился на дальнихъ горахъ, когда однажды при звонѣ Рождественскихъ колоколовъ, сливавшихся съ шумомъ потока, Эрба снова очутилась лицомъ къ лицу съ Ткущей ткань жизни.

— Могу я еще разъ посмотрѣть въ зеркало?—спросила она, но Ткущая ткань жизни покачала головой.

— Это безполезно, потому что ты уже выучила свой урокъ,— сказала она, глядя на дѣвочку глазами, въ которыхъ свѣтилась нѣжность.

—Какимъ именемъ называется ваша работа?- спросила Эрба, глядя на ткань, которая подобно повергнутой радугѣ разстилалась вокругъ Ткущей.

— Я создаю ткань Жизни изъ нитей Мысли, — отвѣтила она и легкій вѣтеръ пронесся волною по паутинной ткани, поднялъ ее вверхъ и заключилъ въ ея мерцающія складки и Ткущую, и ея пещеру. А когда вѣтеръ стихъ, Эрба очутилась одна, но музыка скрытаго потока продолжала звучать, и скалы, и травы, и цвѣты, казалось, участвовали въ пѣснѣ потока.

Переводъ съ англійскаго Е. П.



Наши моральныя дѣянія являются основой нашихъ будущихъ условій.

Если вы имѣете дѣло съ религіей, то будьте проникновенны и разумны въ вашей религіи. Изучайте религію, пока вашъ разумъ не получитъ удовлетворенія.

Въ жертвѣ ничто не пріемлено для Бога, кромѣ намѣренія приносящаго ее.

Чти Бога въ тебѣ. Богъ находится болѣе въ душѣ человѣка, чѣмъ гдѣ либо въ этомъ мірѣ.

Законы Бога суть не приказанія Его воли, силы или желанія, но рѣшенія Его истины, разума и справедливости.

Богъ является намъ соотвѣтственно нашимъ способностямъ.

Всякое дѣйствительное знаніе есть наше собственное пріобрѣтеніе; мышленіе каждаго человѣка есть человѣкъ.

Разумъ открываетъ естественное и разумъ воспринимаетъ сверхъестественное.

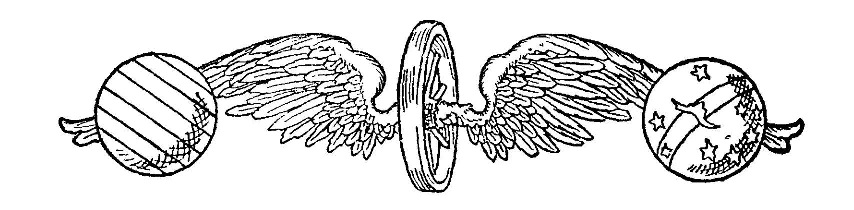
Первое дѣйствіе религіи—познать, что есть истинно; второе дѣйствіе—выразить это въ нашей жизни.

Хорошій человѣкъ есть настроенный инструментъ.

Грѣхъ есть попытка уклониться отъ незыблемыхъ и неизмѣнныхъ законовъ вѣчной праведности, доброты и истины, отъ которыхъ зависитъ наша вселенная,

Тотъ, кто своимъ незнаніемъ затемняетъ слова, возвращаетъ насъ къ младенчеству міра.

(Изреч. христіанскаго мистика „Beniamin Whitcole“).



Введеніе въ философію религіи.

Лекціи А. А. Мейера (1910—11 г.).

Прошлою зимой талантливымъ лекторомъ А. А. Мейеромъ въ Гагаринской аудиторіи (Общество Народныхъ Университетовъ) читался систематическій курсъ „Введеніе въ философію религіи“. Этотъ курсъ имѣлъ цѣлью ознакомить слушателей съ тѣми данными исторіи религіи и исторіи философіи, знаніе которыхъ необходимо для сознательнаго отношенія къ проблемамъ религіи. Лекціи эти, хотя и освѣщались индивидуальностью самого лектора, но не теряли при этомъ своего глубокого объективнаго значенія, выставляя лишь наиболѣе ярко цѣнность тѣхъ мыслей, съ которыми лекторъ былъ въ согласіи; они вносили въ каждое какое бы то ни было міровоззрѣніе свое новое и дополняющее и могли дѣйствительно помочь укрѣпиться сознательному отношенію къ религіи, хотя съ нѣкоторыми мнѣніями лектора можно и не согласиться. Лекторъ, между прочимъ, ставитъ ученіе буддизма на одну доску съ атараксіей и апатіей, къ которымъ пришло въ концѣ концовъ пантеистическое воззрѣніе грековъ.

„Въ буддизмѣ—говоритъ Мейеръ—полное отрицаніе личности, жизнь въ немъ какъ бы пришла къ самоубійству и остановилась, если не на небытіи, то на какомъ то иномъ бытіи“. Съ этимъ совершенно нельзя согласиться. Если буддизмъ отрицаетъ абсолютную цѣнность личности, такъ какъ она—нѣчто временное, преходящее, то онъ не отрицаетъ однако индивидуальности, Высшаго Я человѣка, которое вѣчно; и если буддизмъ освѣщаетъ земную, ограниченную, жизнь только какъ явленіе,—то онъ утверждаетъ и ставитъ своимъ идеаломъ высшую и болѣе интенсивную жизнь. „Смотрѣть на сознаніе Нирваны (говоритъ Безантъ въ своей книгѣ „Древняя мудрость“), какъ на уничтоженіе, только потому, что границы земного сознанія исчезли, похоже на то, какъ если бы человѣкъ, не видѣвшій ничего кромѣ ночника, сталъ утверждать, что свѣтъ не можетъ существовать безъ свѣтильни, погруженной въ масло“.

А. А. Мейеръ дѣлаетъ въ теченіе своего курса нѣсколько подобныхъ ошибокъ относительно великихъ религій Востока, основываясь, очевидно, на изслѣдованіяхъ европейскихъ востоковѣдовъ, часто грѣшащихъ, къ сожалѣнію, недостаточнымъ знаніемъ эзотеризма Востока и потому дѣлающихъ рядъ невѣрныхъ выводовъ. Несмотря на эти пробѣлы, лекціи А. А. Мейера несомнѣнно представляютъ много живаго и интереснаго матеріала и мы привѣтствуемъ ихъ, какъ первую попытку выдвинуть въ народной аудиторіи вопросы религіозные.

Началъ свой курсъ А. А. Мейеръ съ обозрѣнія гипотезъ о возникновеніи религіи, начало которой остается отъ насъ скрытымъ; мы знаемъ только, что нѣтъ ни одного народа, у котораго не было бы никакой религіи. Наиболѣе сильными гипотезами являются гипотезы Спенсера (изъ поклоненія душамъ предковъ), натуралистовъ Тайлора, Пешеля, Ревилля и др. (изъ вѣры въ одухотворенность природы) и идеалистовъ, особенно Макса Мюллера, который усматриваетъ начало религіи въ чувствѣ „безконечности". Новѣйшіе изслѣдователи (Мориллье, Леманъ) вводятъ для объясненія возникновенія религіезнаго культа, который долженъ быть признанъ существеннѣйшимъ элементомъ религіи, понятія магическихъ дѣйствій, какъ дѣйствій особаго порядка.

Затѣмъ Мейеръ отмѣтилъ единство всѣхъ миѳовъ, имѣющихъ первоначально религіозное значеніе, въ исторіи разныхъ народовъ. Основные миѳы; о небѣ—отцѣ, землѣ—матери и огнѣ (свѣтѣ), умирающемъ и воскресающемъ сынѣ—Словѣ. Слово это зажигалось и въ „небѣ", такъ сказать, человѣка, подымало изъ его обычнаго состоянія и вводило въ экстазъ. Многобожіе же миѳологической религіи, первоначально оно или нѣтъ,—(Максъ Мюллеръ, Шеллингъ, Лессингъ, напримѣръ, полагали, что человѣчеству было присуще вообще сознаніе одного и что только постепенно оно утеряло это сознаніе),—не заключается въ признаніи многихъ личныхъ боговъ, а лишь свидѣтельствуетъ о неопредѣленности, неясности опыта о божественномъ, открывающагося во множествѣ силъ. По мнѣнію Мейера смыслъ всѣхъ религіозныхъ культовъ и жертвоприношеній—это пріобщеніе человѣка къ Божественному Началу, а вовсе не умилостивленіе, какъ полагаютъ нѣкоторые позднѣйшіе писатели. На этомъ основываются и всѣ культы Діонисическаго характера. Миѳы о Діонисѣ, богѣ страждущемъ, т. е. вѣчно умирающемъ и вновь воскресающемъ (см. „Эллинская трагедія страждущаго Бога" Вяч. Иванова, „Новый Путь") или о богѣ такого же характера существовали у всѣхъ народовъ (и у Негровъ), кромѣ, повидимому, Евреевъ. Въ Греціи, какъ противопоставленіе богу Діонису и его культу, явился культъ бога Аполлона, культъ сдерживающій, такъ сказать, „выходъ изъ себя", полагающій границы и устанавливающій,

такимъ образомъ, формы красоты, признающій извѣстную власть. Выразителемъ первой тенденціи является Гераклитъ, второй—Элеаты. Гераклитъ (за 500 л. до Р. Хр.), этотъ „первый христіанинъ до Христа" (такъ назвалъ его христіанскій философъ Іустинъ), утверждалъ въ своемъ ученіи вѣчный процессъ измѣненія и генезиса міра; у него впервые мы встрѣчаемся съ понятіемъ Мірового Логоса или Слова, заключающаго въ себѣ первую причину и разумное основаніе всѣхъ вещей. Попыткой примиренія этихъ двухъ теченій является ученіе Пиѳагорейцевъ, нашедшихъ въ понятіи числа символъ единомножественности бытія и построившихъ мистическое ученіе о числѣ, какъ о сущности міра. На ряду съ религіями естественными, признающему лишь явленія божественныхъ силъ, существовали и религіи пророческія, истины которыхъ признавались открытыми Божествомъ черезъ особо для того призванныхъ лицъ—пророковъ, что по еврейски значитъ одержимыхъ божественными силами или передатчиками воли Божества. Пророки, подобно философамъ Греціи, боролись съ политеизмомъ народной религіи, но не во имя болѣе чистаго пантеизма, а во имя служенія одному внѣ-міровому божеству. Различіе между философами и пророками опредѣляется тѣмъ, что философы сводили свою дѣятельность къ отысканію божественной истины, пророки же—къ утвержденію культа истиннаго Божества. Философы, хотя и порывали какъ-бы съ вѣрованіями народа, но пользовались тѣми же самыми миѳами, лишь очищая ихъ, а потому по существу ихъ истины никогда и не расходились съ народными; порвали же съ ними совершенно, такъ называемые, „софисты", это—скорѣе просто извѣстный общественный классъ, обладающій все же общимъ міровоззрѣніемъ, чѣмъ философская школа. Они утверждали, что человѣкъ можетъ имѣть только мнѣнія, чувственныя восріятія и представленія, но не можетъ обладать метафизическимъ знаніемъ самой истины, будучи вообще „мѣрою всѣхъ вещей" (Протагоръ).

Изъ этого класса вышелъ Сократъ; но онъ не могъ ограничить себя рамками этого ученія и пошелъ далѣе, взявъ формулой изреченіе съ Дельфійскаго храма „Познай самого себя"—(это знаменательно, говоритъ Мейеръ: люди, подходящіе къ религіозному сознанію, начинаютъ пользоваться обыкновенно древними изреченіями!)—и утвердилъ, ощущая въ самомъ себѣ гораздо большее „Я", возможность знанія самой истины. Самъ Сократъ ничего не писалъ, и о немъ, какъ и о неотразимомъ впечатлѣніи отъ самой его личности мы знаемъ лишь отъ его учениковъ Ксенофонта и, главнымъ образомъ, Платона. На „вечеряхъ любви", которыя онъ устраивалъ со своими учениками, говорилъ онъ наиболѣе яркія свои истины, какъ-бы „выходя изъ себя", въ какомъ то экстатическомъ состояніи, благодаря овладѣвающему имъ

чувству повышенной любви къ людямъ, къ своимъ ученикамъ; творческое начало этой любви и даетъ возможность, утверждалъ Сократъ, „открытія въ себѣ блага“, метафизическое знаніе самой истины.

Наиболѣе геніальнымъ ученикомъ Сократа является Платонъ. Особенностью его ученія было рѣзкое раздѣленіе міра („хоризмосъ“) на міръ „бытія“ и на міръ „быванія“. Міръ бытія—это міръ идей и цѣнностей, міръ же быванія—это міръ уже искаженныхъ идей, идей, скрытыхъ подъ фактами, и существующій лишь благодаря „снисхожденію„ этихъ идей, стремящихся къ „не—бытію“. Чтобы достигнуть міра идей, міра истиннаго познанія, надо пройти, утверждалъ Платонъ, двѣ ступени. Первая ступень—очищеніе („cattersis“), которое состоитъ въ отбрасываніи изъ сознанія всего, могущаго заслонять истину, всего „привычнаго“ (какъ наиболѣе опаснаго для чистаго познанія, такъ какъ легко принимается нами не за его цѣнность), всего связаннаго съ какими-нибудь нашими интересами, чтобы достигнуть возможности составить себѣ общія понятія; вторая ступень—діалектика, т. е. нахожденіе еще болѣе общаго въ этихъ общихъ понятіяхъ; эта работа состоитъ собственно, по Платону, въ „работѣ воспоминанія“, такъ какъ это есть нашъ возвратъ въ міръ бытія. И вотъ, только выйдя такимъ образомъ изъ міра обычныхъ чувственныхъ воспріятій, мы, благодаря экстазу,—т. е. размышленію, соединенному съ „eros“ (любовью, какъ творческимъ началомъ),—можемъ войти въ міръ созерцанія идей. Въ своемъ ученіи о Государствѣ, о „Civitas Dei“ („Градѣ Божіемъ“) Платонъ сдѣлалъ теоретическую попытку обоснованія города людей, подготовляющихъ себя и другихъ къ міру бытія. Это городъ философовъ и мудрецовъ, аристократовъ духа (паразитовъ и бродягъ съ обыкновенной точки зрѣнія), людей свободныхъ, т. е. не имѣющихъ никакихъ привязанностей къ вещамъ міра быванія (жены и дѣти у нихъ тоже были общія) и которыхъ должны были кормить другіе классы, классы людей, предрасположеннныхъ болѣе къ міру быванія. Эти мудрецы часто удалялись изъ города и пребывали въ одиночествѣ, чтобы потомъ, по временамъ возвращаясь, воздѣйствовать на людей, являясь такимъ образомъ духовными властителями и закваскою человѣчества. Эта попытка—проблема религіозной жизни человѣчества, поднимающейся надъ общественностью, осталась лишь утопическою попыткою, такъ какъ идеи въ ней реализованы были очень слабо и она была совершенно лишена универсальности, историчности, а также чувства человѣческой личности (напримѣръ, отношеніе къ женщинамъ и рабамъ), въ чемъ ужъ виноватъ не Платонъ, а вообще все языческое міровоззрѣніе.

Вторымъ послѣ Платона философомъ древности былъ Аристотель; его отношеніе къ міру противоположно Платону, а отношеніе къ міру

и опредѣляетъ мысли человѣка, а не наоборотъ. Аристотель утверждалъ единство, реальность и цѣнность по сю-сторонняго міра, міра вещей, состоящихъ изъ матеріи и формы (здѣсь онъ все-же не могъ избѣжать дуализма). Его ученіе играло огромную роль въ религіозномъ міровоззрѣніи Среднихъ Вѣковъ, потому что оно доказывало существованіе Бога, какъ формы формъ, а это доказательство было очень цѣнно для средневѣковсго мыслителя, хотя и было слабымъ мѣстомъ ученія. Для пониманія христіанскихъ идей, кромѣ этихъ философскихъ школъ древности, изъ которыхъ одна кончила критицизмомъ (Платона), а другая—эклектизмомъ (Аристотеля), важна еще школа стоиковъ, берущая свое начало изъ сократическихъ школъ. Кромѣ матеріи и формы, она ввела еще третье понятіе—„пневма", т. е. дыханіе, духъ огненный и летящій, жизнь, пронизывающая весь міръ и все заполняющая. Начало же міра, идея его—есть Логосъ, Міровой Разумъ.

Всѣ религіи древности были религіями пантеистическими, т. е. все, проявляющееся въ этомъ, только по сю-стороннемъ мірѣ, вся совокупность его множества и было божествомъ,—но оно не было тою „полнотою", которую признало христіанство, полнотою не въ смыслѣ совокупности, а въ смыслѣ единства все завершающаго и стоящаго „*надъ*" міромъ, какъ нѣчто большее, для котораго символы этого міра являлись недостаточными. Пробуждающаяся человѣческая личность не могла удовлетворяться пантеизмомъ—(какъ на окончательное примиреніе съ пантеизмомъ Мейеръ указываетъ на буддизмъ)—и конецъ, къ которому пришелъ онъ, характеризуется атараксіей и апатіей. И хотя въ Греціи, послѣ теченій скептицизма, атеизма и,—какъ исканія религіи,—синкретизма, опять возникли культы діонисическаго характера, но эти культы часто теперь обращались просто въ развлеченіе и разгулъ низменныхъ инстинктовъ, вслѣдствіе неудовлетворенности и потери вкуса къ жизни, не имѣющей въ себѣ ничего несомнѣннаго, никакой самодовлѣющей цѣнности.

Только Іудейское богосознаніе включало Бога, какъ личность, противостоящую всему міру, но для присоединенія къ этой религіи требовалось полное отрицаніе діонисическаго культа. Какъ примиреніе того и другого,—но примиреніе не въ эклектическомъ ихъ суммированіи, а въ синтетическомъ соединеніи антитезъ въ чемъ то третьемъ,—явилось Христіанство. Отсутствіе же у Евреевъ культа діонисическаго характера Мейеръ объясняетъ тѣмъ, что самъ Еврейскій народъ являлся какъ-бы „страдающимъ отрокомъ Божіимъ", чающимъ въ будущемъ своего воскресенія, съ которымъ связывалась и идея освобожденія Израиля изъ подъ чужеземнаго ига. Первая синтетическая, философская попытка соединенія еврейства съ язычествомъ была сдѣ-

лана философомъ евреемъ Филономъ, воспитаннымъ между греческимъ народомъ и жившимъ въ Александріи уже во время Іисуса, но ничего о Немъ не знавшимъ. Его ученіе соединяло въ себѣ еврейскую Библію съ греческой философіей (Платонъ).

Филонъ училъ, что Богъ есть „monos"—мѣсто всѣхъ потенцій, а міръ—реализація этихъ потенцій, которыя въ Богѣ; по реализаціи—Богъ внутри міра, имманентенъ ему, а по существу—внѣ міра, трансцендентенъ, и сотворяетъ весь міръ Своимъ Словомъ—Логосомъ, который у Бога. Очень цѣненъ взглядъ Филона на религіозное откровеніе; онъ говорилъ, что человѣчество, получая его, никогда не объемлетъ его полностью, а постигаетъ лишь доступное своему пониманію на той ступени развитія; и если нѣкоторые символы Библіи являются уже недостаточными для сознанія, то все же они исторически вѣрны и заключаютъ въ себѣ истины: надо только ихъ раскрыть полнѣе и перевести ужъ на другой языкъ... Но ученіе Филона только и осталось бы философскимъ синтезомъ, если бы не явился Христосъ. Явленіе же Христа,—а не Его ученіе, такъ какъ подобныя этому ученію существовали и раньше,—создало религію, привнеся въ ученіе образъ Абсолютной Личности. И христіанами можно называть только тѣхъ, говоритъ Мейеръ, кто признаетъ самый фактъ жизни и смерти I. Христа, а не тѣхъ, кто только признаетъ значеніе за Его этическимъ ученіемъ. Нѣкоторые ученые называютъ данныя о жизни I. Христа собраніемъ миѳовъ о еврейскомъ Богѣ діонисическаго порядка (теперь—Древсъ въ Германіи), но это сближеніе миѳа съ историческомъ фактомъ говоритъ, по мнѣнію Мейера, о чемъ то большемъ. Миѳъ о страдающемъ, умирающемъ и воскресающемъ существѣ, о Діонисѣ, говоритъ объ основной схемѣ бытія, о силѣ, нисходящей и вновь восходящей къ Богу, о Логосѣ или—по еврейскому ученію—о Славѣ Божіей. Та правда, которая заключается въ миѳѣ о Діонисѣ, заключается и въ миѳѣ о Христѣ, только познается тамъ еще глубже и полнѣе.

Историческихъ документовъ о Христѣ не существуетъ—(только одно мѣсто у Іосифа Флавія, но очевидно—позднѣйшая вставка),—но это и не важно для христіанскаго сознанія, такъ какъ историческое внѣшнее описаніе факта не приблизило бы къ пониманію Воплощенія; важны же для этого всѣ преданія и традиціи, которыя вскрываютъ внутреннее метафизическое содержаніе его; къ тому же, съ точки зрѣнія христіанской догматики, Христосъ и долженъ былъ притти въ „уничиженіи, а не во славѣ" человѣческихъ, а исторія съ малымъ и уничижимымъ въ глазахъ вѣка сего не считается. Реализмъ же миѳовъ пребываетъ въ жизни каждаго, а въ Первомъ Человѣкѣ, Богочеловѣкѣ должны были воплотиться всѣ миѳы, всѣ древнія обѣтованія... Въ томъ

Ликѣ, который явилъ въ Себѣ Христосъ, стала страшно углублена идея страданія, отказа отъ жизни во имя страданія, въ которомъ рождается „Я" человѣка и которое говоритъ о какомъ то преображеніи и воскресеніи.

Касаясь христіанской догматики и ея исторіи, Мейеръ устанавливаетъ, что догма это есть внутреннее слово дѣйствительности, подлежащее постоянному дальнѣйшему разсмотрѣнію, но разсмотрѣнію не личному, не отдѣльнаго человѣка, а церкви и народа; когда же замираетъ сознаніе церкви, никто не можетъ измѣнить догмата, хотя и можетъ, конечно, установить свой собственный взглядъ, который послѣ и учтется церковью. Тотъ свободенъ, кто обладаетъ догматами, которые скрываютъ за собою богатства творчества общественнаго религіознаго сознанія (если, конечно, не обладаетъ интуитивнымъ познаніемъ истины, что—выше); тотъ свободенъ, кто всему вѣритъ и все испытуетъ, такъ какъ гарантія свободы сознанія, говоритъ Мейеръ, въ ирраціональности, въ неподчиненіи мыслямъ. Первый, кто сталъ учить о Самомъ Христѣ, это былъ Апостолъ Павелъ, и первая община— Языко-Христіанская (были еще Іудео-Христіанскія, изъ секты Ессеевъ), которая стала называть себя христіанами, образовалась изъ кружка поклонниковъ Адониса, бога діонисическаго характера (они всегда привѣтствовали другъ друга, между прочимъ, такъ: „Господь (Адонисъ) воскресъ"—„Воистину воскресъ"), въ Антіохіи, куда пришелъ Апостолъ Павелъ. Ученіе Апостола Павла заключается въ томъ, что Іисусъ— Мессія не вопреки смерти, не несмотря на то, что пострадалъ, а именно *потому*; Онъ—освободитель отъ „грѣха, смерти и закона" именно фактомъ своей смерти. Гдѣ грѣхъ, несвобода (подчиненіе внѣшней необходимости, закону)—тамъ и смерть. Жизнь—это свободное творчество, нарушеніе „закона", а не подчиненіе ему. Христосъ, воплотивъ въ Себѣ грѣшную природу, преодолѣлъ ее и преобразилъ свое тѣло, подчинивъ его другимъ законамъ... Первые христіанскія общины не придавали большого значенія воззрѣніямъ людей (для вступленія только требовалось признаніе во Христѣ воплощеніе Слова) и мало занимались установленіемъ догматовъ, но главнымъ образомъ они совершали „вечери любви", на которыхъ „постигали Христа". Только въ борьбѣ съ гностиками стали развиваться и устанавливаться догматы. Гностики— это школа учениковъ Іоанна Крестителя въ Месопотаміи, которая слилась съ ученіемъ Зороастра.

Она ставила во главу угла гнозисъ—знаніе (а не вѣру), котораго надо было достигать мистическимъ опытомъ. Александрійская школа катехизаторовъ, отмежевываясь отъ этого ученія, создала христіанскую философію; однимъ изъ первыхъ апологетовъ былъ Іустинъ,

который установилъ догматъ о Сынѣ Божіемъ, Логосѣ, рождающемся отъ Бога. Въ противовѣсъ же гностикамъ великій мыслитель и ораторъ, пользовавшійся всемірной славой, Оригенъ утвердилъ свое ученіе о Тайнѣ, т. е. существованіи такой истины, которая ужъ не можетъ быть достояніемъ гнозиса. Ученіе его о Богѣ было близко къ ученію Филона, на жизнь же міра Оригенъ смотрѣлъ, какъ на постоянныя смѣны періодовъ извѣстнаго состоянія, а на вѣчность, какъ на болѣе долгій періодъ (эонъ эоновъ). Послѣ періодовъ опредѣленныхъ состояній міра, въ которыхъ всегда происходитъ борьба „архонта—князя міра сего“ съ Богомъ, міръ достигаетъ такого состоянія, въ которомъ имъ владѣетъ только Богъ, въ которомъ все вновь возстановляется и возвращается въ первоначальное бытіе; но за этимъ состояніемъ—(апокатастасисъ)—слѣдуетъ опять эоны. Это ученіе Оригена было осуждено въ 6-мъ вѣкѣ христіанской догматикой, которая настаиваетъ на „послѣдней вѣчности“.

Въ 3-мъ столѣтіи была попытка возродить язычество—неоплатонизмъ, подъ вліяніемъ котораго находился будущій великій христіанскій философъ Августинъ. Принадлежа къ средѣ римской золотой молодежи и выдѣляясь изъ нея своею особенною любовью къ пороку, страданіямъ и печали, онъ занимался разными философскими проблемами, любилъ Цицерона, а къ религіи относился отрицательно. Случайно столкнувшись съ манихейскою сектой, онъ сдѣлался манихейцомъ, а черезъ 10 лѣтъ, переживъ скепсизъ, подошелъ къ неоплатонизму и, наконецъ, къ разсмотрѣнію христіанскихъ вѣрованій. Затѣмъ, познакомившись съ Оригеномъ, принялъ христіанство. Въ сочиненіяхъ Августина можно найти зародыши всѣхъ идей, которыя развивали новѣйшіе философы, какъ напримѣръ: Кантъ, Декартъ, Шопенгауеръ. Возможность познанія Августинъ установилъ черезъ *„утвержденія сомнѣнія“* и черезъ утвержденіе переживаній, присущихъ этой работѣ, а, утвердивъ ихъ, онъ утвердилъ и свое внутреннее „я“. Въ этомъ внутреннемъ мірѣ, въ своемъ „я“ Августинъ находитъ Бога и дѣлается мистикомъ. Особенной его философской заслугой можно считать постановку вопроса о „свободѣ воли“, соединенной съ ученіемъ о злѣ. Зло, по Августину,—это есть путь убыванія души, метафизическая же сущность души—благо. Когда утверждается привязанность къ чему нибудь одному, несовершенному, безъ „перехода къ дальнѣйшему“—тогда является зло. Правильное, религіозное отношеніе то, при которомъ всѣ вещи въ мірѣ берутся, какъ строчки одной цѣлой поэмы, если же останавливаются на какой нибудь одной,—то является „суетное“ отношеніе. Зло временно, и во времени все наказуется, но въ вѣчности все учитается общей красотою, гармоніей цѣлой жизни человѣка, и все „будетъ воз-

вращено" (апокатастасисъ). Задача человѣка не въ отбрасываніи тѣла, а въ его преображеніи — „не совлечься тѣломъ, но облечься безсмертнымъ". Свобода воли и предопредѣленіе по Августину не противорѣчатъ другъ другу.

Волевой актъ, который раскрывается въ человѣческомъ „я" — не случайное движеніе, но опредѣляется его „основнымъ актомъ", сущностью человѣческой личности, и только и свободны тѣ движенія, которыя опредѣляются имъ и поскольку опредѣляются имъ. Причина же основного волеваго акта внѣ времени (сходство съ Кантомъ): человѣческая личность опредѣляетъ себя свободнымъ творческимъ актомъ изначала въ присутствіи Божественной Воли. Отказъ отъ Воли Божіей есть утрата личности, переходъ въ „природное" состояніе, грѣхопаденіе. Искупленіе можетъ совершиться дѣйствіемъ („харисъ")—благодатью, т. е. подаваніемъ безъ заслугъ. Какъ-бы „природные" люди не были прекрасны — спасеніе имъ не дастся; только возлюбивъ тѣхъ, которые уже перестали быть тѣломъ Адама и становятся „личностью", — Богъ дѣлаетъ ихъ Сынами Своими. Существуетъ два града: Божій и Адамовъ, градъ ветхаго человѣка; они создаются двумя родами любви къ себѣ: святое утвержденіе личности, раскрывающее въ ней Бога и — ложное, гдѣ Богъ замѣняется любовью къ себѣ, какъ явленію природы, и происходитъ „мимо—глядѣніе" Бога. Отказъ отъ себя природнаго, ветхаго и приводитъ къ созданію „вышняго града", полагающаго свою „славу" въ Богѣ, а не въ самомъ себѣ... На церковь Августинъ смотрѣлъ не какъ на общество вѣрующихъ, а какъ на Царствіе Божіе, реализующееся на землѣ, какъ на тѣло Бога, душу всего міра; къ церкви принадлежатъ всѣ люди, общающіе съ Богомъ (многіе философы и мудрецы древности); она то и есть—вышній градъ, и каждый, кто ищетъ реализаціи его, стремится къ устроенію соединеннаго союза—„церкви", уже предназначенъ къ спасенію. — Послѣ Августина, послѣдняго философа древняго міра, начался періодъ борьбы съ варварами (передвиженіе народовъ), угрожающими всей культурѣ того міра. Если христіанская церковь многаго изъ содержанія культуры и не могла оцѣнить, то она все же сохранила то, въ чемъ эта культура имѣла свое завершеніе, духъ ея Церковь могла устоять передъ варварами и побѣдить ихъ, только замѣнивъ древніе культы своими, именно христіанской практикой, таинствами и обрядами, а не ученіемъ; могла подойти къ варварамъ, только принеся въ жертву многое не важное, чтобы сохранить важное. Она побѣдила варваровъ, но при этомъ сама страшно огрубѣла, что и видно по всей монашеской литературѣ того времени, легендамъ и сказаніямъ (6—8 столѣтія). До времени Декарта (9-й вѣкъ), процвѣтала средне-вѣковая философія—схоластика, родоначальникомъ которой былъ

干Иригенъ. Онъ поставилъ вопросъ объ отношеніи догматики къ философіи, т. е. принимаемой на вѣру догмой съ свободнымъ исканіемъ истины. Онъ утвердилъ авторитетъ церкви, т. к. въ церковномъ преданіи сохранено все, что открыло человѣчество въ теченіе вѣковъ. Все конечно должно быть провѣрено, но разумомъ всего человѣчества, а не отдѣльнаго человѣка; а такъ какъ догматъ не просто утвержденіе мысли, но символъ, утверждающій бо́льшее, чѣмъ можетъ вмѣстить мысль, потому-то, что заключающееся въ догмѣ можетъ быть вскрыто лишь послѣднимъ разумомъ—разумомъ Богочеловѣческимъ... Каждый обрядъ, религіозное дѣйствіе имѣютъ свою цѣнность, говоритъ Мейеръ, т. к. подводятъ человѣка къ мистицизму, а внутренній мистическій опытъ дается уже только на извѣстной высотѣ духовнаго развитія.

Н. Т.



Силы нашей души утрачиваются тамъ, гдѣ люди дѣйствуютъ такъ, какъ если бы у нихъ не было духа, но лишь плоть, или если бы плоть была ихъ главной и господствующей частью. Тѣло ничто; оно есть лишь обитель души.

Раболѣпіе въ религіи является низостью и несовершенствомъ, раболѣпствуетъ всякій человѣкъ, который смотритъ на религію какъ на тяжелую задачу и несетъ ее какъ бремя.

Тотъ, кто вѣритъ сказанному Богомъ безъ внутренняго опыта, не вѣритъ въ Бога.

Наше несовершенство есть основаніе для скромности.

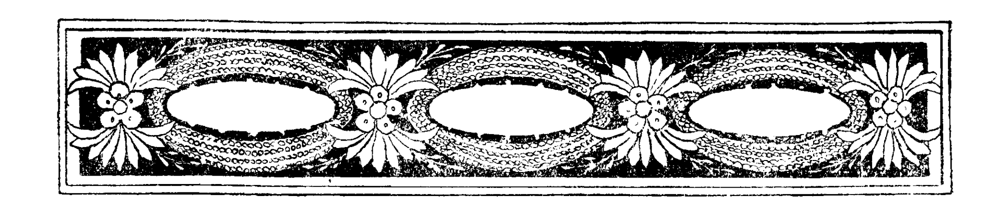
Въ мірскихъ вещахъ, что было въ употребленіи, то истрачено. въ умственныхъ и духовныхъ вещахъ что не было въ употребленіи, того и не имѣется.

Религія есть всегда одно и то же, но вещи, относящіяся къ религіи, не всегда тѣ-же.

Совѣсть есть намѣстникъ Бога; Богъ пребывающій внутри насъ.

Самое важное для человѣка, это быть самимъ собой.

(Изреч. христіанскаго мистика „Beniamin Whitcole").



„Локсъ“.

Рождественскій разсказъ.

Въ долинѣ, лежащей между двумя 'пурпурно-зелеными Эксмурскими холмами, виднѣлся полуразрушенный сѣнной сарай. Онъ находился въ четырехъ миляхъ отъ маленькой деревни, по срединѣ которой течетъ рѣка Барль, въ трехъ миляхъ отъ ближайшаго жилища на востокъ, отъ старой фермы, виднѣвшейся на отшибѣ деревни, а на западъ въ трехъ миляхъ отъ маленькой хижины, немногимъ большей чѣмъ пастушій шалашъ, гдѣ Майльсъ Крюисъ жилъ безпробудно пьянствуя, пока не умеръ отъ delirium tremens.

Въ этомъ самомъ сараѣ, въ настоящее время почти разрушенномъ, происходила битва одной души; битва была изъ очень тяжелыхъ, хотя и бушевала она не въ человѣческой душѣ, а въ слѣпой и такъ мало знакомой намъ душѣ собаки. Такимъ образомъ намъ не узнать, пока мы не станемъ гораздо мудрѣе, въ *чемъ* состояла эта битва; намъ доступно было только одно: наблюдать, *что* душа повелѣвала собакѣ, и какъ послѣдняя выполняла ея повелѣнія.

Майльсъ Крюисъ, жившій въ трехъ миляхъ отъ сѣнного сарая въ маленькой хижинѣ, былъ по рожденію джентльмэнъ. Его отецъ долго выносилъ пьяницу сына, несмотря на то, что послѣдній былъ грубъ и золъ, когда напивался. Отецъ его родился въ началѣ 19-го столѣтія въ Девоншайрѣ и былъ склоненъ считать пьянство сравнительно невиннымъ и даже благороднымъ порокомъ.

Но когда Майльсъ Крюисъ вздумалъ жениться на одной изъ служанокъ своей матери, тогда отецъ выгналъ его изъ дома и больше уже не видался съ нимъ никогда. Майльсъ поселился въ деревнѣ, въ изгнаніи, гдѣ жена и родила ему сына; шесть мѣсяцевъ позднѣе она умерла. Народъ говорилъ, что она была рада

умереть, потому что къ этому времени ей стало уже ясно, какого рода жизнь ожидаетъ ее съ мужемъ джентльмэномъ.

Вскорѣ послѣ ея смерти Майльсъ Крюисъ поселился съ ребенкомъ въ уединенной хижинѣ, о которой было упомянуто. Здѣсь его позоръ былъ болѣе или менѣе скрытъ отъ постороннихъ взглядовъ; онъ взялъ для сожительства съ собой и для ухода за ребенкомъ цыганку, которая бродила по окрестностямъ. Она раздѣляла его оргіи и присоединила ко всѣмъ остальнымъ ужасамъ, происходившимъ въ хижинѣ, еще и ужасъ отъ распутной женщины.

Никто не навѣщалъ хижину. Майльсъ Крюисъ не принадлежалъ къ крестьянскому сословію, а люди его класса не хотѣли признавать его; въ то же время и родственники цыганки отвернулись отъ нея, негодуя, что она соединила свою судьбу съ ирландцемъ.

Дитя умершей служанки вырастало среди этихъ условій. То была одинокая и грустная маленькая жизнь. Было вообще чудомъ, что онъ могъ выжить при такихъ условіяхъ. Кромѣ человѣческаго населенія хижины, которое состояло изъ пьяницы, цыганки и ребенка, тамъ жилъ еще оселъ цыганки, мудрое и терпѣливое животное, которое ютилось въ углу хижины и большая, нечистокровная сторожевая собака Локсъ, которая была принесена цыганкой въ возрастѣ щенка, чтобы стеречь запасы торфа. Кромѣ того, когда цыганка отправлялась странствовать съ своимъ осломъ, было небезопасно оставлять хижину безъ защиты отъ проходящихъ бродягъ въ то время, когда Майльсъ Крюисъ лежалъ пьяный на полу; мебели у нихъ, правда, было мало, но иногда водились деньжонки.

Щенокъ выросъ въ огромнаго звѣря; въ немъ была помѣсь двухъ самыхъ крупныхъ породъ—датскаго дога и оленьей собаки. Онъ былъ страннаго перечнаго цвѣта; одинъ изъ его глазъ былъ карій, а другой—холоднаго блѣдно-голубого цвѣта.

У собаки была очень скверная наружность, хотя съ той долей красоты, которая нераздѣльна съ силой и энергіей. У нея была преступная душа. Она любила всѣ собачьи грѣхи и практиковала ихъ. Она была такъ-же свирѣпа и дика, какъ самъ Майльсъ Крюисъ; но животное вносило больше интеллекта и энергіи въ свои преступленія. Оно относилось къ своимъ хозяевамъ съ свирѣпымъ презрѣніемъ, что составляетъ величайшее изъ собачьихъ преступленій, и если защищало ихъ добро, то только изъ воинственныхъ инстинктовъ, а никакъ не изъ вѣрности къ нимъ. Локсъ не допускалъ иныхъ воровъ, кромѣ самого себя. Ни одинъ человѣкъ,

дорожащій жизнью, не рѣшился бы ударить его. Собака обладала инстинктами бандита и предпочитала украденную пищу или отнятую у болѣе слабаго. Она бы навѣрно охотилась за овцами, которыя паслись на болотѣ, если бы у нея не было инстинктивнаго знанія, что это ремесло черезчуръ опасное. Локсъ былъ совершенно лишенъ собачьяго рыцарства; онъ былъ способенъ отгонять Молли, собачку Комбовъ, отъ ея чашки и съѣдать всю ея пищу, все время преступно рыча на обиженную; онъ позволялъ себѣ рвать и калѣчить маленькихъ собакъ. Онъ убилъ на мѣстѣ невиннаго щенка, который пытался поиграть съ нимъ и изъ одной дьявольской злобы преслѣдовалъ разбитую ревматизмомъ и беззубую старую овчарку фермера Копльстона—ветерана, котораго уважали во всей окрестности.

Всѣ респектабельныя собаки проявляютъ вѣжливость къ слабому полу и обходятся терпѣливо и кротко съ старыми и малыми. Локсъ былъ изгнанъ изъ компаніи своей породы; ни одна приличная собака Эксмура не имѣла съ Локсомъ никакого дѣла, кромѣ драки. И это было—повидимому—совсѣмъ по вкусу преступному псу, такъ какъ драка была единственной радостью его жизни. Онъ рыскалъ по болотамъ всегда въ одиночку, большей частью умѣренной рысью, тогда какъ по деревенской улицѣ проносился какъ буря, со всѣми пріемами разбойника, вызывая враговъ и справа, и слѣва, то своимъ каримъ глазомъ, то холоднымъ голубымъ. Немногія собаки принимали его вызовъ. Всѣ дѣлали видъ, что сильно заняты чѣмъ нибудь постороннимъ, когда четвероногій бандитъ мчался по деревнѣ. Покидая поле дѣйствія, Локсъ каждый разъ стремился оскорбить ихъ, выражая имъ свое презрѣніе цѣлой тучей пыли, взметаемой его огромными задними лапами.

Даже самъ Майльсъ Крюисъ относился съ почтеніемъ къ свирѣпому псу. Возвращаясь съ своихъ странствій по болотамъ, онъ пробирался—рыча и тяжело ступая лапами—прямо къ очагу. Вмѣсто того, чтобы ударить его, Майльсъ отодвигался и давалъ мѣсто наиболѣе сильной душѣ изъ всѣхъ, жившихъ подъ кровлей хижины. Локсъ появился въ домъ сварливымъ и необщительнымъ щенкомъ, когда ребенку минуло только десять лѣтъ. Когда мальчику исполнилось двѣнадцать, а собака была во цвѣтѣ силъ, случилась та битва въ сѣнномъ сараѣ, о которой я упомянулъ. Разсказывая объ этой битвѣ, мнѣ придется пустить въ ходъ человѣческія мѣрки, чтобы измѣрить глубины нечеловѣческой души, ибо другихъ я не знаю.

Дѣло было во время празднованія дня рожденія дочки одного богатаго деревенскаго фермера. Дѣти играли въ полѣ, примыкающемъ къ торфяному болоту и отгороженномъ отъ него заборомъ. Жена фермера увидала Линни Крюисъ, выглядывавшаго изъ-за забора; это былъ застѣнчивый и неловкій мальчикъ, смотрѣвшій жадными глазами на игравшихъ дѣтей. У фермерши было доброе материнское сердце, и она пригласила мальчика „поиграть съ другими".

И тогда Линни вошелъ, застѣнчиво озираясь и не зная, какъ нужно играть. Дѣти играли въ фанты, въ одну изъ довольно глупыхъ деревенскихъ игръ съ поцѣлуями, невинную, когда играютъ дѣти и теряющую свою невинность, когда въ ней участвуютъ большіе. Маленькая дочка фермера, выкупая свой фантъ, должна была „поцѣловать того, кого любитъ больше всего". Маленькая дѣвица переводила свой взглядъ съ одного товарища на другого и кончила тѣмъ, что подошла къ Линни Крюисъ и поцѣловала его.

Линни покраснѣлъ какъ маковъ цвѣтъ; это былъ первый поцѣлуй, который онъ получилъ со смерти матери, а ея поцѣлуевъ онъ не помнилъ. Жена фермера дала ему на прощаніе кусокъ пирога и пригласила его „приходить опять". Но онъ не пришелъ, потому что стоя за изгородью съ своимъ пирогомъ, онъ услыхалъ, какъ одна изъ маленькихъ дѣвочекъ сказала поцѣловавшей его: „а ты сказала, что любишь *меня* больше".

„И люблю", сказала маленькая дѣвица, „а его поцѣловала потому, что никто не любитъ его".

Это было вполнѣ резонно. Но услыхавъ эти слова, мальчикъ бросилъ свой пирогъ и съ плачемъ побѣжалъ домой. Не доходя до хижины, онъ бросился въ густой верескъ и долго лежалъ тамъ, рыдая. Черезъ нѣсколько мгновеній онъ почувствовалъ горячее и сильное дыханіе на своей шеѣ.

Онъ поднялся, сѣлъ и увидалъ, что большая злая собака, до которой никто не осмѣливался дотрагиваться, стояла надъ нимъ. Въ порывѣ острой боли и оскорбленнаго чувства, мальчикъ охватилъ руками жесткую собачью шею и прижимаясь мокрымъ отъ слезъ лицомъ къ груди собаки, продолжалъ плакать, какъ болѣе счастливыя дѣти плачутъ на груди своей матери. Это была какъ бы мольба о помощи слабаго къ сильному. Никто не можетъ сказать, какія мысли пробудились въ мозгу животнаго. Огромная собака не зарычала на этотъ разъ; медленно, медленно начала она опускаться къ землѣ вмѣстѣ съ своей ношей, пока не легла такъ, что руки мальчика сохранили свое положеніе и его мокрое лицо

осталось прижатымъ къ мохнатой шерсти собаки. Когда Линни поднялся и вытеръ глаза, поднялась и собака и лизнула его въ щеку; затѣмъ она послѣдовала за мальчикомъ въ домъ, *послѣдовала*, а не пошла впередъ, какъ это было въ ея обычаѣ.

Съ этого момента собака Локсъ и мальчикъ Линни сдѣлались товарищами. Когда Крюисъ и цыганка напивались, они имѣли обыкновеніе бить Линни, чтобы заставить его плакать и просить пощады. Это было ихъ развлеченіемъ. Вотъ, въ одну изъ такихъ минутъ они и узнали о новомъ товариществѣ. Опьянѣвшая женщина начала грозить ребенку и схватила уже ремень, висѣвшій на стѣнѣ.

Собака, лежавшая у очага, медленно встала; когда цыганка повернулась съ оружіемъ въ рукахъ, между нею и мальчикомъ стояло могучее животное, злобно оскаливъ зубы, съ пылающими глазами и страшно взъерошенной шерстью. Женщина взмахнула ремнемъ, но не осмѣлилась ударить. Локсъ поднялся на заднія лапы, положилъ переднія лапы на грудь цыганки и, раскрывъ пасть, страшно зарычалъ. Женщина закричала и выпустила ремень. Локсъ также выпустилъ ее, и если когда либо собака злобно смѣялась, конечно Локсъ смѣялся въ ту минуту. Если бы онъ не былъ настолько цѣннымъ сторожемъ, его застрѣлили-бы въ тотъ же день.

Съ тѣхъ поръ Линни не били въ присутствіи его новаго союзника. Тѣмъ не менѣе жизнь мальчика была ужасна. Когда Крюисъ обезумѣвалъ отъ пьянства, приходилось и женщинѣ, и мальчику спасать свою жизнь бѣгствомъ изъ хижины. Даже и Локсъ отступалъ и уходилъ, хотя съ большимъ достоинствомъ и какъ бы протестуя негодующимъ рычаніемъ.

Когда Линни исполнилось 14 лѣтъ, старый фермеръ умеръ и его ферма по близости отъ деревни была куплена пріѣзжимъ ученымъ джентльмэномъ, которому понравился старый домъ и его уединенное положеніе. Однажды Линни, выгнанный отцемъ, оставался цѣлыхъ два дня внѣ дома. Не рѣшаясь, можетъ быть изъ гордости или изъ застѣнчивости, попросить пищи и разсказать о своемъ затруднительномъ положеніи, мальчикъ просидѣлъ все время въ болотѣ съ собакой. Локсъ раздобылъ себѣ павшую овцу и вернулся въ самомъ прекрасномъ настроеніи, но издавая противный запахъ. Линни былъ не въ состояніи ѣсть испорченную баранину и заплакалъ отъ слабости и голода.

Въ такомъ видѣ его нашелъ шедшій по болоту новый владѣлецъ фермы; распросивъ его очень ласково и очень осторожно, онъ подѣлился съ нимъ сандвичами, которыми запасся въ виду

продолжительной прогулки. Послѣ того, какъ они поѣли, незнакомый джентльмэнъ задалъ еще нѣсколько вопросовъ, а когда мальчикъ снова залился слезами, незнакомецъ положилъ ласково свою руку на его плечо. Въ то же мгновеніе раздался шумъ: порывистый скачокъ, громкое рычаніе, и—съ быстротою молніи человѣкъ былъ опрокинутъ чѣмъ то горячимъ, трепещущимъ, какимъ то ураганомъ, пронесшимся надъ нимъ. Незнакомый джентльмэнъ лежалъ навзничь на примятомъ верескѣ, а мальчикъ, охвативъ руками освирѣпѣвшее чудовище, заслонялъ собой раскрытую пасть, тянувшуюся къ горлу опрокинутаго человѣка.

Съ трудомъ удалось оттащить Локса. Новый владѣлецъ фермы поднялся; Линни сдѣлалъ то, что ни одна живая душа не осмѣлилась бы сдѣлать съ Локсомъ: онъ выдралъ его за уши и выбранилъ. Одну короткую секунду казалось, что огромная собака загрызетъ своего молодого товарища; его рычаніе походило на стонъ; онъ припалъ къ землѣ, весь ощетинившись, дрожа каждымъ нервомъ, прерывисто дыша и уткнувъ морду въ землю, пока Линни осыпалъ его ударами и бранилъ его. Когда мальчикъ выпустилъ его ошейникъ, онъ всталъ и медленно пошелъ, непримиренный и полный гнѣва, но щадящій того, кого любилъ.

„Онъ подумалъ, что вы хотите обидѣть меня“, сказалъ Линни.

„Въ такомъ случаѣ онъ былъ правъ. Приходите ко мнѣ каждый разъ, когда вздумается, и приводите съ собой собаку. И помните, что если это опять случится....

„Это“ всегда случается, сказалъ печально Линни.

„Въ такомъ случаѣ приходите и оставайтесь у меня сколько понадобится. Не бродите по болотамъ. Приходите ко мнѣ и приводите собаку“.

„Это“ случилось снова; Линни воспользовался приглашеніемъ своего новаго друга и былъ принятъ съ сердечнымъ привѣтомъ; но онъ не смогъ „привести“ собаку.

Локсъ былъ не таковскій, чтобы его можно было привести, куда онъ не хотѣлъ идти. У него были свои взгляды. Онъ думалъ, что защищалъ Линни отъ врага; теперь онъ зналъ, что это не такъ и въ сознаніи этомъ была горечь. Онъ опрокинулъ нападавшаго на его возлюбленнаго, а этотъ возлюбленный прибилъ его и соединилъ свои силы съ чужимъ противъ него.

Линни прибилъ и оскорбилъ его. Изумленный и взбѣшенный, Локсъ не только пощадилъ его жизнь, но и простилъ ему. Съ этого дня его обожаемый Линни и этотъ чужой человѣкъ встрѣчались постоянно.

Мальчикъ былъ умный и вдумчивый. Его новый другъ заинтересовался имъ и дѣлалъ все, что могъ, чтобы научить и воспитать его. Линни переживалъ теперь настоящее счастье. Онъ оставался все менѣе дома и все болѣе на фермѣ. Но Локсъ никогда не ходилъ туда. Онъ сопровождалъ Линни до изгороди, окружавшей небольшой выгонъ, по которому шла дорожка на ферму; здѣсь онъ останавливался, ощетинивался и поворачивалъ назадъ съ тяжелымъ стономъ. Ни разу онъ не поддавался на льстивыя ласки своего врага и замѣстителя.

Однажды онъ встрѣтилъ его наединѣ. Кроткій ученый, обернувшись, увидѣлъ внезапно огромное животное, притаившееся позади живой изгороди, съ смертельной ненавистью въ глазахъ. Кроткіе безстрашные человѣческіе глаза встрѣтились съ глазами Локса, и собака, зарычавъ, пошла прочь. Однажды, когда Линни шелъ на ферму, Локсъ неистовствовалъ, носясь по деревнѣ подобно разрушительному демону; онъ убилъ кошку и маленькую собаку, опрокинулъ дѣвушку, которая доила корову и пролилъ все ея молоко; онъ завершилъ свои разбойничьи похожденія ожесточенной битвой съ Тимомъ, сильной собакой шотландской породы, принадлежавшей викарію и принимавшей всѣ непріятельскіе вызовы, не разбирая, имѣлись-ли шансы на побѣду, или не имѣлись. Да и самъ викарій былъ неукротимый спорщикъ.

Результатомъ этой битвы была тяжкая болѣзнь Тима, а у Локса было разорвано ухо. Повидимому, это укротило его тревожное настроеніе. Когда Линни вернулся съ фермы, онъ радостно замахалъ хвостомъ. Въ слѣдующій разъ, когда его идолъ вступилъ на выгонъ, ведущій къ фермѣ, Локсъ отправился домой, улегся поперекъ двери и забавлялся тѣмъ, что не впускалъ въ хижину ни Крюиса, ни цыганку, пока не вернулся Линни.

„Въ вашей собакѣ много человѣческаго“, сказалъ кроткій ученый Линни. „Бѣдное животное! Оно ревнуетъ. Если души животныхъ подвигаются къ человѣчности, какъ нѣкоторые думаютъ, въ такомъ случаѣ сѣмена добра и зла, радости и страданія должны быть посѣяны много ранѣе того, какъ ихъ пожнетъ человѣкъ. Вашъ Локсъ и Молли Копельстона уже достигли индивидуальности; но они такъ-же не похожи другъ на друга, какъ вы не похожи на стараго Копельстона. Если человѣкъ строитъ себѣ будущее своими поступками, эти два пса возводятъ для себя совершенно различное будущее. Посмотрите на Молли, послушную и кроткую, неподвижную и осторожную, и на этотъ бѣшеный

фонтанъ энергіи. Интересно прослѣдить, гдѣ начинаются причины видимыхъ нами послѣдствій".

Зима, о которой была рѣчь, отличалась жестокими холодами и въ срединѣ января поднялась свирѣпая снѣговая метель. Еще до начала метели цыганка съ своимъ осломъ отправилась за провизіей. Крюисъ, Линни и Локсъ остались одни. Линни въ этотъ день собирался пойти на ферму, но погода задержала его.

Локсъ, смутно радуясь этому, улегся въ самомъ хорошемъ настроеніи у ногъ Линни, покинувъ свое обычное мѣсто у очага. За послѣднее время онъ дѣлалъ это каждый разъ, когда имѣлъ возможность быть поближе къ своему идолу; казалось, онъ боялся, чтобы Линни внезапно не ускользнулъ отъ него; въ этомъ чувствовался странный паѳосъ, до того несвойственна была Локсу такая покорность.

Въ домѣ было очень мало пищи, но къ сожалѣнію—вдоволь водки. Крюисъ принялся пить. А къ вечеру, когда буря разбушевалась и морозъ усилился до чрезвычайности, Крюисъ дошелъ до настоящаго бѣшенства; онъ осушилъ послѣднюю бутылку и заоралъ на Линни, посылая его за другой. Бѣдный Линни попробовалъ протестовать, и тогда обезумѣвшій человѣкъ вскочилъ съ намѣреніемъ ударить мальчика. Локсъ поднялся, рыча, и сталъ между отцемъ и сыномъ. Но Крюисъ, сохранившій еще искру сознанія, не посмѣлъ ударить собаку. Лишь разразился дикими ругательствами. Шатаясь, подошелъ онъ къ двери, открылъ ее и крикнулъ сыну, чтобы тотъ уходилъ съ глазъ долой.

Крутящійся снѣгъ ворвался въ хижину и вѣтеръ завылъ такъ зловѣще, словно въ мукахъ застонала погибающая душа.

„Отецъ", молилъ мальчикъ со слезами, „вы не можете сдѣлать этого. Вы не можете меня выгнать въ такую ночь. Я умру. Лучше ужъ убейте меня".

Пьяный человѣкъ разразился проклятьями и потянулся къ ружью, которое висѣло на стѣнѣ. Оно не было заряжено, цыганка вынула изъ предосторожности зарядъ, но Линни не зналъ того и—пустился бѣжать. Локсъ послѣдовалъ за нимъ. Нѣсколько мгновеній свѣтъ изъ двери освѣщалъ ихъ путь, но вскорѣ порывъ вѣтра захлопнулъ дверь и вокругъ ихъ сдѣлалось совершенно темно. Снѣгъ залѣплялъ глаза, наметенные сугробы мѣшали идти, мракъ сгущался и пугалъ, ледяной вѣтеръ захватывалъ дыханіе, холодъ леденилъ сердце. Линни боролся отчаянно и слѣдовалъ за Локсомъ. Сила бури сказалась даже на сильной собакѣ; когда они достигли сѣнного сарая у подножія Эксмурскихъ холмовъ,

мальчикъ былъ близокъ къ обмороку; онъ упалъ на снѣговой сугробъ, образовавшійся внутри сарая, застоналъ и закрылъ глаза, съ трудомъ переводя дыханіе. Локсъ улегся около него и началъ лизать его лицо и руки. Линни попытался обнять мохнатую шею своего вѣрнаго товарища, но не могъ. Онъ еще не вышелъ изъ дѣтскаго возраста, а такая борьба могла обезсилить и взрослаго человѣка. Онъ началъ засыпать.

Ни одинъ человѣкъ не могъ бы сказать, подозрѣвалъ-ли Локсъ, какая опасность грозила предмету его обожанія; ни одинъ человѣкъ не могъ знать, *какую* борьбу вынесъ онъ въ эту ночь. Нужно только не забывать, что въ теченіе цѣлаго года онъ не переставалъ слѣдить за посѣщеніями Линни того новаго друга, котораго Локсъ ненавидѣлъ всѣми силами своей изумленной, ревнивой и страстной души. Въ теченіе цѣлаго года онъ упорно боролся и съ лаской, и съ приказаніями Линни и отказывался переступить черту, за которой открывалась дорога къ дому ненавистнаго соперника. Локсъ привелъ Линни подъ защиту кровли; онъ легъ рядомъ и лизалъ его руки и лицо. *Онъ* исчерпалъ всѣ свои ресурсы, больше онъ не могъ сдѣлать ничего для Линни; но можетъ быть тотъ человѣкъ на фермѣ могъ помочь? Локсъ поднялся, медленно подошелъ къ двери сарая и сталъ смотрѣть; обрывокъ разорванной цѣпи на его ошейникѣ позванивалъ, когда онъ шелъ. Онъ тоже былъ истощенъ и цѣпенѣлъ отъ жестокаго холода. Снѣгъ пересталъ падать, но вѣтеръ бушевалъ по прежнему, холодъ захватывалъ дыханіе и глубокіе сугробы мѣшали идти.

Въ это время ученый сидѣлъ, грѣясь у горящаго очага; по другую сторону очага сидѣла его сестра, тихая пожилая лэди, а у ея ногъ лежала собака, преданный членъ семьи ученаго.

„Что за ночь!“ сказала сестра, „надѣюсь, что нѣтъ ни одного заблудившагося; въ такую бурю нѣтъ спасенія и можетъ быть завтра мы услышимъ о какой нибудь жертвѣ“.

Пока она говорила, послышался легкій звукъ за дверью. Они сидѣли въ комнатѣ, которая служила кухней на фермѣ; дверь открывалась въ маленькій, окруженный стѣною садъ. Слабый металлическій звонъ раздался за дверью, собака у очага залаяла. Тогда звукъ затихъ и послышалось тяжелое дыханіе, визгъ и царапанье большой собаки за дверью. Собака внутри завыла, ученый всталъ и открылъ дверь; вѣтеръ ворвался съ воемъ, снѣгъ запорошилъ весь маленькій садъ, покрывъ бѣлыми подушками кусты лавенды у самой двери. Тамъ не было никакой собаки. Ученый

закрылъ дверь и сѣлъ на прежнее мѣсто; опять раздался звонъ цѣпи, царапанье и визгъ у самой двери. Собака у очага вскочила и побѣжала, воя, къ двери. Снова дверь была открыта и снова за ней лежалъ чистый снѣгъ, безъ признака какихъ бы то ни было слѣдовъ.

„Господи, Боже мой, ужъ не привидѣніе ли это собаки?" сказала сестра ученаго. „И ни одного слѣда лапъ на порогѣ! А между тѣмъ дверь сотрясалась отъ царапанья большой собаки".

„Это—собака Линни Крюиса. Я знаю звукъ ея ошейника".

„Но вѣдь ты знаешь, что Линнину собаку нельзя было притянуть сюда никакими веревками".

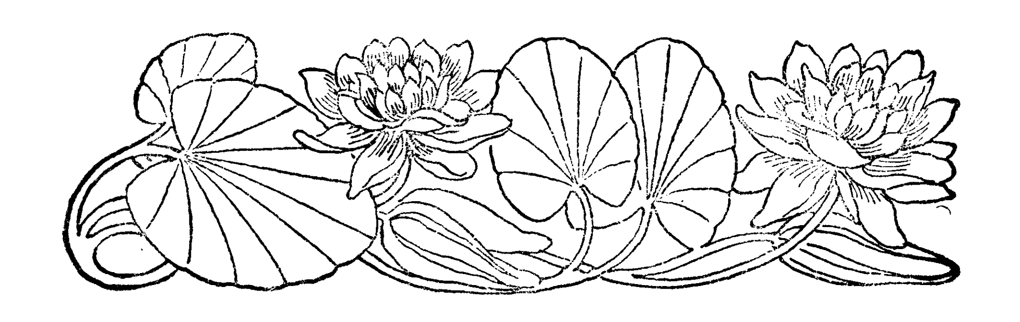
Ученый прислушивался, держась за ручку двери. Еще разъ послышался визгъ и царапанье лапъ.

„Очень хорошо", сказалъ ученый спокойно, какъ бы отвѣчая невидимому существу, „я сейчасъ иду; подожди, пока я добуду фонарь и разбужу людей".

Онъ поднялъ спящихъ работниковъ и они пошли съ лопатами и фонарями, закутавшись отъ холода и захвативъ съ собой водки. Имъ пришлось выдержать тяжелую стычку съ бурей. Не было видно никакихъ слѣдовъ на гладкихъ сугробахъ на дворѣ фермы, не было слѣдовъ и на выгонѣ. Но въ полѣ, въ нѣсколькихъ ярдахъ отъ того плетня, сдѣлавшагося границей, за которую ревнивая тоска Локса не дозволяла ему переступить, лежалъ трупъ большой собаки, уже похолодѣвшій, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ она упала, истощенная борьбой съ холодомъ и бурей. Слѣды ея лапъ были на половину занесены, но ихъ все же можно было различить, хотя и съ трудомъ; они вели къ сѣнному сараю, гдѣ въ эту ночь въ мукахъ рожденія возникала въ душѣ звѣря новая душа. Мальчикъ, за котораго Локсъ умеръ, остался жить. Онъ больше не возвращался въ хижину Майльса Крюиса. Онъ прожилъ добрую и полезную жизнь и всегда сохранялъ нѣжное воспоминаніе о своемъ дикомъ, но вѣрномъ товарищѣ и—думалось ему—придетъ когда нибудь день, когда онъ такъ или иначе уплатитъ свой долгъ той душѣ, которой онъ помогъ родиться на свѣтъ.

Переводъ съ англійскаго Е. П.





Обозрѣніе Теософической литературы.

„Le Lotus Bleu“ приводитъ in extenso двѣ лекціи, прочитанныя А. Безантъ въ іюнѣ текущаго года въ Парижской ложѣ и рѣчь, озаглавленную „Le Message de Giordano Bruno“, произнесенную ею въ большой аудиторіи Сорбонны при стеченіи публики въ нѣсколько тысячъ человѣкъ.

Въ первой лекціи: „Учителя Мудрости и Путь къ Нимъ“ она разъяснила, что изъ себя представляютъ эти Высокія Существа, закончившія человѣческую эволюцію и принимающія дѣятельное участіе въ очищеніи и просвѣтленіи міра. Путь къ Нимъ былъ издревле извѣстенъ и христіанству, и восточнымъ религіямъ. Какъ на Западѣ, такъ и на Востокѣ онъ по существу своему одинаковъ и разница состояла лишь въ томъ, что путь, по которому шли христіанскіе подвижники, былъ по преимуществу эмоціоналенъ и мистиченъ, восточный же путь былъ болѣе интеллектуаленъ и научно разработанъ. Оба они содержатъ ступени очищенія, просвѣтленія, ведущія къ высшимъ посвященіямъ. Но главнымъ и необходимымъ факторомъ для того, чтобы приблизиться къ Учителямъ Мудрости и удостоиться стать Ихъ помощниками въ ускореніи эволюціи міра, является совершенное отреченіе отъ личной жизни, личныхъ желаній, личныхъ стремленій, какъ бы высоки они ни были, и готовность безкорыстно и беззавѣтно служить человѣчеству.

Вторая лекція имѣла темой историческое развитіе современной Пятой Расы съ ея пятью суб-расами и нарожденіе новой, шестой суб-расы, имѣющее возникнуть въ Сѣверной Америкѣ, гдѣ этнологи уже нашли новый типъ человѣчества, очень утонченный и интеллектуальный, подтверждая тѣмъ предсказаніе

Е. П. Блаватской, что въ Америкѣ именно зародится данная суб-раса. Въ связи съ вопросомъ объ образованіи Шестой Коренной Расы, она тоже писала, къ великому негодованію ученыхъ, что эта раса будетъ имѣть и свой материкъ, который поднимется со дна Тихаго Океана. Нынѣ же сама наука предсказываетъ нарожденіе новаго материка, имѣющаго появиться въ Великомъ Океанѣ, въ силу того, что дно его теперь уже испытываетъ сильныя колебанія (до тысячи землетрясеній въ мѣсяцъ), вслѣдствіе чего на поверхности его уже появились и выростаютъ на нашихъ глазахъ новые острова. Слѣдовательно и тутъ положенія Е. П. Блаватской подтверждаются новѣйшими научными данными.

Въ лекціи о Джіордано Бруно А. Безантъ изложила главныя положенія его философіи: имманентность Бога во вселенной, нравственная эволюція человѣка, значеніе мысли, единство жизни, дѣйствующей въ матеріи,—положенія, приведшія его на костеръ. „Идеи эти распространяются теперь во всей Европѣ, во всемъ мірѣ и имя имъ—теософія". Лекція имѣла огромный успѣхъ и нѣкоторыя фразы вызвали особенно одобреніе публики: „Безчестіе хуже смерти; смерть разрушаетъ тѣло, безчестіе губитъ душу". „Пламя костра, сжегшаго Джіордано Бруно, стало лучами солнца свободы совѣсти, которое сіяетъ нынѣ надъ Европой". „Вы можете выбирать между паденіемъ въ тину и восхожденіемъ на вершины; вы достигнете вершинъ путемъ любви къ истинѣ и къ красотѣ. Но помните, что разъ выборъ сдѣланъ, надо принять и его послѣдствія".

Вся парижская пресса и нѣкоторыя провинціальныя газеты отозвались на эту лекцію, отмѣтивъ высокій идеализмъ лектора, осуществляемый ею въ жизни.

Въ Adyar Bulletin мы читаемъ статью Ч. Ледбитера о пищѣ. Онъ разъясняетъ всю важность чистыхъ, магнетическихъ вибрацій пищи, поглощаемой, нами и совѣтуя тщательно слѣдить за чистотой ея приготовленія, указываетъ на значеніе магнетическихъ токовъ, исходящихъ изъ рукъ лицъ, приготовляющихъ ее. Въ заключеніе онъ говоритъ, что многія женщины, мнящія себя изящными и тонкими, ужаснулись бы, если бы онѣ могли видѣть тѣ существа съ кровавыми разинутыми ртами, что толпятся вокругъ нихъ въ мясной лавкѣ, гдѣ онѣ выбираютъ „трупы, усѣивающіе собою поле битвы между низменной жаждой крови и Божественной Жизнью, воплощенной въ животномъ царствѣ".

Придетъ время, когда тѣ, что поддерживали эти ежедневныя гекатомбы безполезнаго убіенія формъ, чрезъ которыя Логосъ

терпѣливо силится проявить Себя, очутятся лицомъ къ лицу съ Нимъ и услышатъ, какъ Голосъ, вызвавшій къ жизни міры, произнесетъ страшную истину: „Такъ какъ вы сдѣлали это одному изъ сихъ братьевъ Моихъ меньшихъ, то сдѣлали Мнѣ".

Въ статьѣ „Дѣйствіе молитвы на характеръ" выясняется все значеніе молитвы для формированія духовнаго облика человѣка и приводится, между прочимъ, интересное подтвержденіе теософическихъ данныхъ наукой. Докторъ Барадюкъ, спеціалистъ по нервнымъ болѣзнямъ, демонстрировалъ въ Парижѣ, что интенсивная молитва выливается въ форму огненнаго языка, а д-ръ Пиблсъ (Peables) разсказываетъ въ одномъ изъ своихъ трудовъ, какъ согласно условію шесть набожныхъ лицъ собрались въ помѣщеніи, находящемся на вершинѣ Эйфелевой башни на молитвенное собраніе, во время котораго была снята фотографія, ясно и отчетливо изобразившая мысли и стремленія присутствовавшихъ „поднимавшіяся въ видѣ столба ѳиміама, какъ бы несясь прямо къ престолу Всевышняго".

Въ Adyar Bulletin помѣщена небольшая статья, очень утѣшительная для того, кто долгое время направлялъ всѣ свои усилія на достиженіе какой-нибудь цѣли въ области самосовершенствованія и все же ея не достигнулъ, безпрестанно падая и падая на пути. Авторъ этой статьи сравниваетъ этотъ процессъ съ веревкой, которую фабрикантъ испытываетъ на прочность, натягивая ее, пока она не лопнетъ. Если прочность ея должна быть, скажемъ, въ 100 очковъ, но она лопнетъ при 105 или 110, то она значитъ годна въ дѣло; точно также и люди, могущіе быть использованы для работы, испытываются до крайняго напряженія, и если они выдерживаютъ его свыше нормы, то хотя бы они въ концѣ концовъ и пали, они все же доказали, что обладаютъ силой, требуемой для совершенія того или другого труда.

На ежегодной конвенціи въ Англіи въ нынѣшнемъ году предсѣдательствовала А. Безантъ и согласно отчету, помѣщенному въ Adyar Bulletin, въ своей рѣчи она коснулась двухъ важныхъ вопросовъ: вопроса объ особо внимательномъ отношеніи ко вновь вступающимъ молодымъ членамъ Т. О., такъ какъ вслѣдствіе важности даннаго историческаго момента, къ Обществу присоединяются нынѣ души, уже работавшія вмѣстѣ въ прежнихъ жизняхъ—и вопроса о терпимости. Она отмѣтила склонность, начинающую проявляться въ теософической сферѣ, склонность какъ бы считать обязательными для всѣхъ извѣстныя мнѣнія или положенія, опираясь на авторитетъ того или другого

лидера. Она предостерегаетъ общество отъ этой тенденціи. „У насъ еретиковъ нѣтъ", сказала она. Каждый изъ насъ свободенъ исповѣдывать свои убѣжденія, каковы бы они ни были, исповѣдывать ихъ сильно и неотступно, но никто не имѣетъ права предписывать другому, что именно онъ долженъ думать и говорить. „Истина есть Свѣтъ и тѣ, что имѣютъ глаза, видятъ его, а тѣ, что его не видятъ, должны ждать, пока глаза ихъ откроются. Истина—какъ солнце. А солнце не споритъ, не требуетъ признанія; оно только свѣтитъ. Такъ и Истина. Она вѣчно сіяетъ, но иногда глаза наши затуманены облаками предразсудковъ, самомнѣнія; но съ каждымъ днемъ тучи все больше и больше будутъ разсѣиваться, и глаза наши—раскрываться.

Итакъ сохранимъ полную свободу въ нашей средѣ; пусть и истина и всѣ заблужденія будутъ высказаны открыто; заблужденія скорѣе гибнутъ при солнечномъ свѣтѣ, чѣмъ когда они скрыты подъ землей. Докажемъ нашу любовь, нашу лойяльность Истинѣ своей вѣрой въ ея Сіяніе. И прежде всего не будемъ отождествлять лойяльность Истинѣ съ лойяльностью личности; но будемъ помнить, что лойяльность личности правильна только въ томъ случаѣ, если эта личность воплощаетъ въ себѣ по вашему мнѣнію большую долю Истины, чѣмъ другая; это равносильно лойяльности Истинѣ,—воплощенной Истинѣ—и такая лойяльность подниметъ васъ и никогда не сдѣлаетъ васъ узкими, ханжами или суровыми по отношенію къ тѣмъ, что не видятъ Истины именно такъ, какъ вы ее видите".

Въ англійскомъ журналѣ *The Lotus Journal* мы читаемъ отчетъ объ образованіи ордена Круглаго Стола для дѣтей отъ 13—21 г. Основными принципами его являются: чистая жизнь, открытый умъ, чистое сердце, любознательность, братское отношеніе ко всему міру, неослабное служеніе Любви.

Въ американскомъ *Theosophic Messenger* сообщено, что д-ръ Кильнеръ—не теософъ и не оккультистъ,—открылъ возможность наблюденія человѣческой ауры путемъ химическихъ процессовъ. Онъ говоритъ, что она состоитъ изъ силы, эманирующей изъ тѣла, невидимой какъ и всѣ силы, но которую можно обнаружить путемъ воздѣйствія на окружающій эфиръ или атмосферу. Онъ дѣлитъ ее на три части: на эфирный двойникъ, внутреннюю и наружную ауру.

Въ *The Path* мы имѣемъ прекрасную статью о дружбѣ, выясняющую все значеніе вѣрной, искренней, безкорыстной дружбы, которая, обладая перечисленными качествами, является общеніемъ

между духомъ и духомъ и возобновляется во многихъ послѣдовательныхъ воплощеніяхъ и, наконецъ, обращается въ безсмертную дружбу. Она пробуждаетъ всѣ факторы образованія характера, воспитывая великодушіе, честность, терпимость, правдивость, самообладаніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ истинная дружба составляетъ зерно, изъ котораго выростаетъ любовь ко всему человѣчеству.

Въ томъ же журналѣ есть другая статья, озаглавленная „Дѣти Свѣта". Авторъ называетъ такъ всѣхъ „малыхъ сихъ", „нищихъ духомъ", которые составляютъ, несмотря на всю свою скромность, самые существенные и неотъемлемые жизненные центры какъ Т. О-ва, такъ и всякой организаціи, преслѣдующей безкорыстныя цѣли. Они тихи, мнѣнія своего не высказываютъ и мнѣнія ихъ, можетъ быть, и не очень глубокомысленны съ нашей интеллектуальной точки зрѣнія, но мы должны всегда помнить, что они сіяютъ тѣмъ истиннымъ свѣтомъ, что̀ одинъ только освѣщаетъ путь, и мы должны благоговѣйно преклоняться передъ величіемъ, которое мы не способны еще вполнѣ оцѣнить.

Интересна статья Роберта Гарднера, „The Negative and the Positive Path", открывающая новые горизонты.

Негативнымъ путемъ, путемъ отрицанія онъ называетъ практику Востока, достигающаго просвѣтленія и ощущенія космической жизни чрезъ отрѣшеніе отъ жажды жить, жажды ощущеній, жажды роста. Онъ противопоставляетъ ему Западный путь, теперь лишь намѣчающійся и приводящій къ познанію той же космической Единой жизни путемъ изученія матеріи, работы въ матеріи и чрезъ жизнь чувствъ и ощущеній.

Этотъ новый путь, говоритъ онъ, сдѣлался возможнымъ для насъ благодаря тому, что человѣчество въ своемъ нисхожденіи въ матерію пріобрѣло новыя соціальныя, нравственныя и умственныя способности; узкая тропа индивидуальнаго Я превратилась въ болѣе широкій путь соціальнаго Я и космическое сознаніе будетъ все менѣе и менѣе дѣломъ искусственнаго, усиленнаго роста и все болѣе и болѣе станетъ естественнымъ ростомъ всего человѣчества. Смерть стараго Я и отреченіе отъ него будетъ поглощаться побѣдой новаго отождествленнаго съ міромъ Я. „Цѣль космическаго сознанія одна и та же, достигнута ли она отрѣшеніемъ или утвержденіемъ. Но на позитивномъ пути, который Западный умъ начинаетъ раскрывать, лозунгомъ является не убіеніе жизни, плоти и міра", а „подъемъ надъ матеріей, овладѣніе ею, проникновеніе ея дыханіемъ и огнемъ Вѣчнаго, съ тѣмъ, чтобы побѣдить смерть раздѣленія жизнью единства".

Въ нѣмецкомъ журналѣ „Die Theosophie“, одинъ изъ библіотекарей Адіарской библіотеки, ванъ-Маненъ разсказываетъ намъ, какъ въ данную библіотеку случайно попалъ одинъ исписанный листъ, очевидно вырванный изъ какой-то древней книги. Путемъ своего необычайнаго ясновидѣнія, Ч. Ледбитеръ открылъ, что листъ этотъ входитъ въ составъ книги, являющейся переводомъ, сдѣланнымъ однимъ изъ великихъ мудрецовъ, съ документа, составлявшаго величайшую драгоцѣнность еще въ Атлантидѣ.

Д-ръ Гюббе-Шлейденъ въ короткой замѣткѣ устанавливаетъ тѣ четыре свойства, что должны сопутствовать преподанію Истины: распознаваніе доли Истины во всякомъ мнѣніи—*терпимость*; выборъ аспекта Истины, подходящаго къ каждому данному случаю—*осторожность;* умѣнье распознавать, какъ, гдѣ и какимъ образомъ можно плодотворно раскрыть Истину—*приспособленіе* и наконецъ, форма, въ которую она должна быть облечена—*красота.*

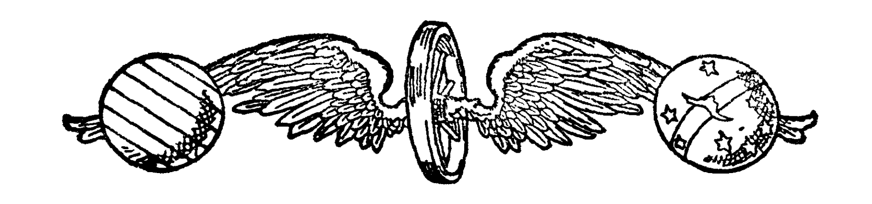
Вышелъ въ свѣтъ второй томъ книги Ч. Ледбитера „The Inner Life“, представляющей изложеніе вечернихъ бесѣдъ въ Адіарѣ. Она полна необъятнаго интереса и содержитъ много цѣнныхъ свѣдѣній относительно астральной жизни, эволюціи расъ и т. п.

Итальянская Секція издала брошюру, озаглавленную: „Членамъ Т. О-ва“, гдѣ собранъ цѣлый рядъ статей нашихъ лидеровъ, касающихся дѣятельности теософа, работы теософа въ самомъ О-вѣ и внѣ его. Прочитавъ эту книжку, вновь вступающій членъ можетъ составить себѣ ясное понятіе о значеніи предстоящей ему внутренней и внѣшней работы.

Въ октябрьскомъ номерѣ „Bolletino della Societa teosofica italiana“ помѣщенъ in extenso докладъ А. А. Каменской „О русскихъ бардахъ“, прочитанный ею на одномъ изъ теософическихъ собраній въ Генуѣ въ сентябрѣ текущаго года.

В. Пушкина.





Хроника Теософическаго движенія.

═ 17 ноября была 3-я годовщина со дня основанія Россійскаго Теософическаго Общества въ С.-Петербургѣ. Въ этотъ день члены собрались для дружеской бесѣды за чаепитіемъ.

20—21 ноября состоялось общее годовое собраніе Р. Т. О-ва, на которомъ были произведены выборы Предсѣдателя, 2 членовъ Совѣта и Ревизіонной Комисіи. Предсѣдателемъ избранъ на слѣдующее трехлѣтіе А. А. Каменская въ Совѣтъ вступили Э. Д. Пантеніусъ и П. И. Тимофѣевскій. Въ Ревизіонную Комисію избраны: Е. В. Родзевичъ, Ю. Н. Кирпичникова, Е. Ф. Писарева, Н. И. Эрасси, К. К. Латынинъ.

На собраніи прочитанъ и утвержденъ годовой отчетъ О-ва и сообщено о работѣ текущаго года.

═ Предсѣдательница Кіевскаго отдѣла сдѣлала въ октябрѣ турнэ и прочла рядъ лекцій по Теософіи въ Ростовѣ-на-Дону, въ Харьковѣ и Полтавѣ.

═ Предсѣдательница Калужскаго отдѣла, Е. Ф. Писарева, прочла 22 октября въ Художественномъ Кружкѣ лекцію о самоубійствѣ.

Въ томъ-же помѣщеніи, 23 октября, членъ Р. Т. О-ва, П. Д. Успенскій сдѣлалъ докладъ о „Сверхчеловѣкѣ“.

23 ноября въ залѣ Ж. В. Б. О-ва Е. Ф. Писарева прочла докладъ: „Сила мысли“ въ открытомъ собраніи Р. Т. О-ва.

═ 26 ноября въ залѣ Соляного Городка Е. М. Кузминъ прочелъ публичную лекцію на тему: „Беклинъ и задачи искусства“.

═ 26 октября состоялось первое открытое собраніе Р. Т. О-ва въ настоящемъ сезонѣ, въ С.-Петербургѣ, въ помѣщеніи Женскаго В.-Б. О-ва.

═ Р. Т. О-во получило въ даръ завѣщанные А. П. Ганенфельдъ библіотеку и 100 р.

═ 4 ноября Ц. Л. Гельмбольдтъ сдѣлала въ закрытомъ собраніи Московскаго отдѣла Р. Т. О-ва докладъ: „Духовная жизнь Англіи".

═ 6 ноября А. А. Каменская прочла въ открытомъ собраніи Московскаго отдѣла Р. Т. О-ва лекцію на тему: „Задачи духовной культуры въ свѣтѣ Теософіи".

═ Въ декабрѣ состоится въ Берлинѣ десятый годовой съѣздъ Нѣмецкой Секціи Международнаго Теософическаго Общества.

9 декабря будетъ дѣловое собраніе.

10 декабря—рядъ докладовъ и пренія.

11 декабря—продолженіе преній и бесѣдъ.

12 декабря 8 ч. веч. (Wilhelmstrasse, 92—93) д-ръ Р. Штейнеръ прочтетъ лекцію. Художественныя иллюстраціи къ докладу исполнитъ М. Сиверсъ.

Во время съѣзда будетъ читаться для членовъ Р. Т. О-ва серія лекцій д-ра Р. Штейнера: „о Пневматеософіи". Одна изъ этихъ лекцій будетъ публична.

═ На съѣздѣ Кубанской *) Секціи Теософическаго Общества (7-ая годовщина) былъ снова выбранъ генеральнымъ секретаремъ на слѣдующее трехлѣтіе г. Рафаэль де-Албеаръ.

═ Въ мѣстечкѣ Швенингенъ (Бельгія) устроена при Теософическомъ центрѣ санаторія для теософовъ, желающихъ отдохнуть и возстановить свои силы въ хорошихъ условіяхъ и симпатичной атмосферѣ. Столъ вегетаріанскій. При центрѣ библіотека и читальня.

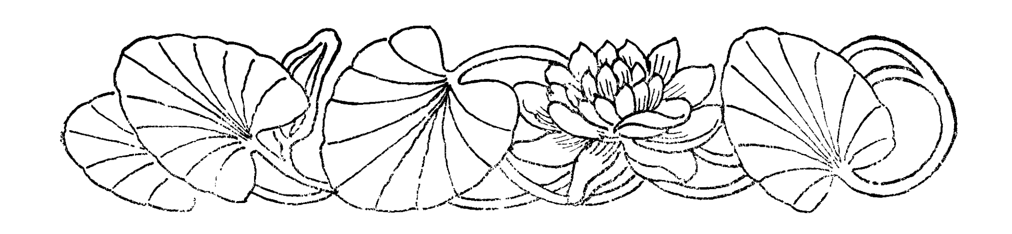
═ Главная квартира Теософическаго Общества въ Англіи переѣхала 10 ноября временно на новое мѣстожительство въ Лондонѣ: 19, Tavistock Square, W. C.

Alba.



---

*) Островъ Куба.



Хроника жизни.

— Въ газетѣ „Рѣчь“ было напечатано: „За послѣднее время многія выходки „націоналистовъ“, вызывая негодованіе, не встрѣчаютъ, однако, достаточнаго отпора въ обществѣ, по вполнѣ понятнымъ причинамъ: „націоналистамъ“ предоставлена свобода говорить все, что имъ угодно, тогда какъ ихъ противники лишены этой возможности.

Но бываютъ случаи, когда молчать нельзя, какъ бы ни былъ связанъ языкъ. Такова статья А. Столыпина („Нов. Вр.“, № 12775).

Онъ говоритъ:

„Необходимо понять, что расовыя особенности такъ отщепили еврейское племя отъ остальнаго человѣчества, что создали изъ нихъ особыя существа, несовпадающія съ нашимъ пониманіемъ людской природы.

„Мы можемъ ихъ наблюдать, какъ мы наблюдаемъ и изучаемъ животныхъ, мы можемъ чувствовать къ нимъ отвращеніе такого же порядка, какъ наше отвращеніе къ гіенѣ, шакалу, или пауку, но говорить о ненависти къ нимъ, значило бы поднимать ихъ до нашего уровня. Англичане же устроились такъ, что на островахъ Великобританіи нѣтъ ни одного волка, но ни одинъ англичанинъ не станетъ ни говорить, ни думать о своей враждѣ къ этому вредному хищнику...

„Только утвержденіе въ народномъ сознаніи понятія о существѣ еврейской расы не какъ о существѣ одной породы, но какъ о поддѣлкѣ подъ человѣка, съ которою не должно быть никакихъ точекъ общенія и соприкосновенія, можетъ послужить къ постепенному оздоровленію народнаго организма, къ приведенію самого еврейскаго племени въ состояніе достаточнаго безсилія, чтобы обезпечить его безвредность, или его исчезновеніе. Исторія знаетъ о вымершихъ племенахъ. Наука должна поставить не племя, но характеръ еврейства въ условія вымиранія“.

Мы не хотимъ касаться еврейскаго вопроса по существу. Для человѣка, любящаго свою народность любовью человѣческой, а не звѣриной, ясно, что евреи, какъ всякій народъ, достойны свободы, уваженія и братской любви.

Но, помимо вопроса объ отношеніи русскихъ къ евреямъ, мы считаемъ необходимымъ указать, насколько въ статьѣ Столыпина *оскорблено достоинство самого русскаго народа.*

Христіанскій народъ, для котораго явленіе Христа въ Израилѣ не сказка и не орудіе политическаго изувѣрства, а живая истина, не можетъ не признать такой націонализмъ грубымъ кощунствомъ и надругательствомъ надъ святыней народной.

Поликсена Соловьева, З. Гиппіусъ, Д. Философовъ, Д. Мережковскій".

== Русская путешественница В. М. Масалова прочла недавно рядъ лекцій во многихъ городахъ Россіи, и между прочимъ въ Екатеринодарѣ.

Въ первой, вступительной части своего чтенія В. М. Масалова съ рѣдкимъ оживленіемъ передаетъ свои путевыя впечатлѣнія,—„акварели", какъ она ихъ назвала, набросанныя ею во время ея путешествія по Британской Индіи. Главный городъ Индіи, Калькутта, съ ея тропической природой и флорою, съ ея пальмами, бананами, тамариндами, исполинскими царингинами, съ дикой, разноцвѣтной смѣсью восточной толпы, со слонами на улицахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ плодами утонченной европейской цивилизаціи—съ трамваями, автомобилями, роскошными дворцами и отелями, залитая электрическимъ свѣтомъ, Калькутта, столица тропиковъ, центръ не только административной, но и умственной жизни богатѣйшей страны міра... Путешествіе по желѣзной дорогѣ внутрь Индіи, свобода въ обращеніи и благопристойность туземцевъ, ихъ полная трезвость и уваженіе къ женщинѣ, ручные тигры, дворцы розоваго камня, голубыя собаки...

Священный городъ Бенаресъ на берегахъ Ганга — центръ духовной жизни индусовъ, разнообразіе религіозныхъ толковъ туземцевъ, уличная жизнь толпы, почитаніе священной рѣки—Ганга... Все это и многое еще прозвучало такъ живо, такъ естественно, такъ одухотворенно! Жаль, что это интересное чтеніе не сопровождалось иллюстраціями на экранѣ. Не бывшему въ Индіи кое-что могло быть не вполнѣ яснымъ, вслѣдствіе необходимой сжатости лекціи; но автору настоящаго очерка это доставило тѣмъ большее наслажденіе, что живо воскресило въ памяти многое, видѣнное лично на тропическомъ Востокѣ. Во второй и главной части чтенія лекторша описываетъ различныя религіи туземцевъ Индіи. Ихъ вѣру въ переселеніе душъ, то огромное

почтеніе, которымъ у индусовъ пользуется душа преимущественно передъ тѣломъ. „У насъ многіе еще сомнѣваются, въ существованіи души... Въ Индіи въ этомъ никто не сомнѣвается, но многіе готовы усомниться въ существованіи своего тѣла!“ Эта фраза прозвучала какъ ударъ хлыста по нервамъ! — Тысячи факировъ почти голыхъ, худыхъ, жалкихъ снуютъ вездѣ и показываютъ желающимъ опыты укрощенія змѣй и другіе свои „фокусы“. Правда у змѣй вырваны ядовитые зубы, а многіе изъ фокусовъ основаны просто на ловкости рукъ, но не всѣ — иные опыты основаны на духовной силѣ факира, развитой имъ долгими годами волевой работы.

Лекторша лишь вскользь упомянула объ опытахъ факировъ, извѣстныхъ по описаніямъ многихъ путешественниковъ. Большую часть лекціи она посвятила описанію сознательнаго развитія нашей духовной, волевой силы. Сила эта безконечна. Развитіе ея безпредѣльно. Въ насъ, европейцахъ, она находится въ зачаточномъ состояніи, дремлетъ, почти никогда не развивается, а если иногда и получаетъ развитіе, то какъ то случайно, а не сознательно. Но не вездѣ это такъ. Въ Японіи есть школы, въ которыхъ учатъ развивать силу воли. Въ Индіи, помимо невѣжественныхъ факировъ, есть цѣлый классъ людей, правда, весьма немногочисленный, поставившій своей исключительной задачей развитіе своей духовной силы. Люди эти называются *іогами*, всѣ безусловно вегетаріанцы, ведутъ строго цѣломудренную жизнь; они подготовляютъ себя годами, учатся дышать особымъ воздухомъ, ходить, воспитывать силу воли исполненіемъ уроковъ, и, въ результатѣ, они достигаютъ такой духовной силы, которая по понятіямъ нашей обыденной жизни кажется чудесной. Они могутъ много дней и недѣль оставаться безъ пищи. Они пріучаются безусловно господствовать надъ своимъ настроеніемъ,— всегда ровны, никогда не сердятся. Гнѣвъ и раздраженіе порождаютъ болѣзнь и укорачиваютъ нашу жизнь. Они могутъ читать чужія мысли и запечатанныя письма. Могутъ нѣкоторое время не дышать, прекращая жизнь и возобновляя ее произвольно. Могутъ воздѣйствовать на растенія, животныхъ и людей силой своей воли, ускоряя, напр., ростъ (какъ выше приведено). Одинъ іогъ (по словамъ Е. П. Блаватской) убилъ тигра своимъ взглядомъ. На людей воздѣйствіе это извѣстно подъ терминомъ гипнотизма (внушенія). Воздѣйствіе на чужую волю можетъ происходить не только въ усыпленномъ состояніи, но и въ бодрствующемъ. Какъ на примѣръ такого волевого воздѣйствія на другого человѣка В. М. Масалова указала на тотъ фактъ, что силою воли возможно внушить другому лицу не чувствовать боли отъ укола и тутъ же вызвалась сдѣлать такой опытъ съ желающими изъ публики. Явился молодой человѣкъ лѣтъ 25 и

юная гимназистка, и лекторша обоимъ проткнула щеку булавкой отъ дамской шляпки тутъ же на глазахъ публики, причемъ не только не вышло ни капли крови, но оба заявили, что никакой боли они не ощущаютъ.

Въ заключеніе лекторша коснулась слегка вопроса о продолжительности человѣческой жизни и о безсмертіи. Человѣческій организмъ вѣчно обновляется. Смерть не есть неизбѣжный законъ природы. Смерть есть логическое послѣдствіе нашей ненормальной, неумѣренной, нездоровой жизни. Профессоръ Мечниковъ считаетъ безсмертіе возможнымъ, а долголѣтіе достижимымъ при извѣстномъ режимѣ и при современныхъ условіяхъ жизни. Во всѣхъ странахъ извѣстны случаи помолодѣнія стариковъ и старухъ, когда они получали въ полномъ смыслѣ расцвѣтъ молодости, въ родѣ превращенія Фауста. Индійскіе іоги, въ противоположность факирамъ, выглядятъ всегда тѣлесно здоровыми, молодыми, жизнерадостными; жизнь ихъ продолжается очень долго. Часто долѣе 100 лѣтъ. Но вѣдь они несовершенны; вѣдь, они только немногимъ совершеннѣе духовно, чѣмъ обыкновенные люди.

Самая манера чтенія В. М. Масаловой увлекаетъ. Необычайная простота и прямолинейность въ развитіи темы, тонкій художественный тактъ, предостерегающій ее отъ переутомленія аудиторіи излишними подробностями, соединяется у ней съ чисто женской граціей, а одухотворенные глаза горятъ фанатической преданностью и вѣрою въ духовную мощь человѣка. Собравшаяся аудиторія наградила лекторшу дружными апплодисментами.

═ Заграницей религіозное движеніе все болѣе и болѣе захватываетъ студенческіе круги, и религіозно-этическіе союзы молодежи образуютъ стройную организацію, обнимающую собою почти 2.000 универтитетовъ съ числомъ членовъ болѣе 105.000 студентовъ и профессоровъ. Цѣль всемірнаго студенческаго союза заключается: въ объединеніи христіанскаго студенчества и облегченіи сношеній между отдѣльными членами его, въ содѣйствіи тому, чтобы студенты становились учениками Христа, признавая Его своимъ Богомъ и своимъ Спасителемъ, чтобы они возрастали и развивались въ своей духовной жизни. Всемірный христіанскій студенческій союзъ ничего не разрушаетъ. Онъ признаетъ всѣ христіанскія вѣроисповѣданія со всѣмъ ихъ догматическимъ и обрядовымъ матеріаломъ. Поступая въ составъ всемірнаго союза, союзъ отдѣльной страны вовсе не долженъ отказываться отъ своей національной церковной самобытности. Союзъ заботится, чтобы каждый членъ его былъ какъ можно глубже религіозенъ въ той формѣ исповѣданія, которую онъ выбралъ; онъ ограничивается по большей части практическими вопросами личной нравственности. Изъ догмати-

ческихъ вопросовъ союзъ поставилъ необходимымъ основнымъ принципомъ вѣру въ Божество Іисуса Христа. Въ Америкѣ уже около половины студенчества состоитъ въ союзѣ... Въ Москвѣ и въ Петербургѣ тоже уже появились христіанскіе студенческіе кружки. Офиціальные представители церковности относятся къ союзу какъ то недовѣрчиво, боясь, что въ средѣ его нѣтъ-нѣтъ, да и откроются какія либо такія религіозныя теченія, которыя могутъ быть поставлены въ вину всѣмъ участникамъ союза; многихъ смущаетъ, вѣроятно, международный характеръ и какъ бы внѣвѣроисповѣдное положеніе членовъ союза. (Свѣдѣнія почерпнуты изъ замѣтки Лукинскаго въ газ. „Россія").

Въ Одессѣ тоже существуетъ „Религіозно-философскій кружокъ студентовъ Императорскаго Новороссійскаго Университета". Въ его уставѣ говорится: 1) цѣль кружка поддерживать въ своихъ членахъ религіозное чувство и религіозное вѣдѣніе, т. е. чувство и сознаніе реальнаго бытія Божія и Вездѣприсутствія Его Святого Всемогущаго Духа, Слова и Изреченія Коего мы ставимъ себѣ задачею изучать, проникаясь заключенною въ нихъ мудростью. Библію и Евангеліе мы признаемъ за Слово Божіе, провозглашенное черезъ людей, преисполненныхъ Святымъ Духомъ; 2) въ число членовъ кружка могутъ вступать только тѣ студенты, которые раздѣляютъ убѣжденія, кратко и ясно выраженныя въ Символѣ Вѣры (Никео-Цареградскомъ) и признаютъ, что Церковь, основанная на землѣ Сыномъ Божіимъ І. Х., непобѣдима темными силами („вратами адовыми"). Памятуя завѣтъ Спасителя: „блаженъ, иже о Мнѣ не соблазнится", мы считаемъ безумнымъ отступиться отъ чистой и святой вѣры только потому, что нѣкоторая часть духовенства и христіанъ нашихъ временъ ведутъ себя недостойно христіанскаго званія. Это можно поставить въ вину людямъ, но не вѣрѣ; 3) кружокъ поэтому заботится о поддержаніи въ своихъ членахъ нравственности, то есть поведенія, сообразнаго съ высокими завѣтами Евангелія. Мы твердо убѣждены, что люди безчестные, злобные, мстительные, развратные не имѣютъ права называть себя христіанами и быть способными съ пользою служить обществу и народу, особенно русскому, который донынѣ есть единственный народъ, сохранившій любовь и благоговѣніе къ Богу и создателю всего міра Іисусу Христу; 4) для этой цѣли члены кружка рядомъ рефератовъ на собраніяхъ своихъ раскрываютъ точный смыслъ завѣтовъ Евангелія, помня, что добросовѣстное исполненіе на дѣлѣ даже одной какой нибудь заповѣди (напримѣръ, о любви къ врагамъ и обидчикамъ) Евангелія дѣлаетъ человѣка чище, благороднѣе, ибо вѣрный въ „маломъ" способенъ быть вѣренъ во „многомъ". Путь къ спасенію человѣчества есть проникновеніе Духомъ Евангелія каждой

5*

отдѣльной человѣческой личности. „Такъ да свѣтитъ свѣтъ нашъ предъ людьми, чтобы они видѣли наши добрыя дѣла и прославили Отца нашего Небеснаго“ Іисуса Христа; 5) члены кружка должны заботиться о водвореніи мира между враждующими изъ-за убѣжденій товарищами, напр., о мирѣ между академистами и студентами лѣваго блока. Для этого мы должны стоять внѣ партій, а въ политическихъ воззрѣніяхъ товарищей можемъ привѣтствовать и одобрять одно лишь благородное, доброе, свѣтлое, вообще Истину и Правду, а отнюдь не темныя страсти, озлобленіе, вражду, какими бы громкими фразами эти страсти ни прикрывались; 6) кружокъ помѣщаетъ статьи и сообщенія своихъ членовъ въ разрѣшенной правительствомъ студенческой газетѣ „Академистъ“, редактируемой товарищемъ Михаиломъ, до тѣхъ поръ, пока не изыщетъ средствъ на изданіе своего органа: „Студентъ-Христіанинъ“. Черезъ посредство вышеназванной газеты и публичныхъ лекцій кружокъ проводитъ идеи Евангелія въ общество и среду товарищей; 7) кружокъ возглавляется комитетомъ, состоящимъ изъ предсѣдателя, который есть лишь „первый между равными“, „primus inter pares“, секретаря и казначея. Общія собранія кружка происходятъ не менѣе раза въ мѣсяцъ на частной квартирѣ, или въ аудиторіяхъ Университета, съ вѣдома и разрѣшенія г. ректора.

= Лѣтомъ этого года въ Петербургѣ открылось „Этическое общество“. Въ уставѣ этого общества говорится о его цѣляхъ, правахъ и раіонѣ дѣятельности: 1) общество, раіонъ дѣятельности коего распространяется на г. С.-Петербургъ, имѣетъ цѣлью разрабатывать вопросы нравственности и содѣйствовать проведенію нравственныхъ идеаловъ въ жизнь; 2) для достиженія этой цѣли общество съ соблюденіемъ дѣйствующихъ по сему предмету узаконеній: а) устраиваетъ собранія, чтенія и публичныя лекціи; б) издаетъ полезныя книги, брошюры, сборники и т. д.; 3) общество имѣетъ печать съ своимъ наименованіемъ.

Общество можетъ состоять изъ неопредѣленнаго числа дѣйствительныхъ и почетныхъ членовъ, пользующихся во всемъ равными правами. Членами могутъ быть совершеннолѣтнія лица, желающія работать для осуществленія цѣли общества и внесшія 25 руб. единовременно, или вносящія 2 руб. ежегодно. Членскій взносъ уплачивается въ первый годъ при самомъ избраніи, а въ послѣдующіе годы въ теченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ года. Членъ, не уплатившій взноса въ указанный срокъ, считается выбывшимъ. Членами не могутъ быть учащіеся. Почетными членами избираются лица, трудившіяся на пользу Общества не менѣе двухъ лѣтъ. Лицо, желающее поступить въ члены Общества, подаетъ въ его Совѣтъ заявленіе со свѣдѣніями о своей дѣятельности за подписью двухъ членовъ и прилагаетъ установленный

взносъ. Избраніе производится въ собраніи открытой баллотировкой простымъ большинствомъ голосовъ. Членъ, который нарушилъ интересы Общества, можетъ быть исключенъ по постановленію Собранія, принятому большинствомъ двухъ третей голосовъ.

— 17 октября, въ Соляномъ городкѣ, состоялась лекція извѣстной писательницы И. Гриневской на тему „Бабизмъ и поэма Бабъ".

Несмотря на наше близкое сосѣдство съ Персіей, мы до сихъ поръ мало знаемъ персидскій народъ, какъ и вообще нашихъ восточныхъ сосѣдей, знакомясь съ ними лишь на почвѣ коммерческихъ сношеній или на полѣ битвы. Но, какъ говоритъ писательница, чтобы познать народъ, надо ознакомиться со скрытыми въ немъ идеалами и съ носителями ихъ. Однимъ изъ выдающихся носителей идеаловъ, зародившихся въ Персіи въ началѣ прошлаго вѣка, былъ Али Мохамметъ, прозванный „Бабъ", по персидски „дверь", по мѣсту, которое онъ занималъ въ школѣ,—„врата Истины", которыми онъ былъ для своего народа. Религіозныя идеи Али развились подъ вліяніемъ Суфи—мистической секты Ислама, принимающей божественное происхожденіе человѣка, какъ частицы міра, наполненнаго Богомъ, допускающей безконечное совершенствованіе человѣка путемъ перевоплощеній до сверхчеловѣчества и окончательного сліянія съ Божествомъ.

Али пламенно возсталъ противъ приверженцевъ мертвой буквы Корана, но не противъ самого Корана. Не разрушителемъ онъ выступилъ, но съ тѣмъ, чтобы оживить старое ученіе, чтобы напомнить забытое, возстановить искаженные завѣты Моисея и Іисуса. Самъ онъ считалъ себя лишь Предтечей Тому, Кто долженъ явиться. Онъ и его приверженцы говорили: мы вѣримъ въ Бога, въ святыя книги, полученныя съ неба; мы не дѣлаемъ никакой разницы между ними; мы преданы Высочайшему Божеству.

Бабизмъ вывелъ Исламъ изъ догматическаго оцѣпенѣнія и сталъ мостомъ отъ просвѣтленнаго магометанства къ христіанству.

Вопреки Корану, Бабъ вѣрилъ, что на свѣтѣ все чисто, и эта вѣра привлекла къ нему сердца персидскихъ женщинъ. Одна изъ нихъ, красавица Хурэтъ, открыто стала на сторону Баба, и сбросивъ съ себя покрывало—символъ рабства женщины, выступила ревностной проповѣдницей его идей.

Ея любовь къ Бабу, совмѣстная работа, трагическая смерть пророка и миссія Хурэтъ быть дальнѣйшей носительницей и распространительницей его идей, составляютъ содержаніе драматической поэмы „Бабъ", содержаніе которой писательница изложила во второй части своей лекціи.

Лекція была иллюстрирована пѣніемъ персидскихъ пѣсенъ.

— Приступая къ изданію „Извѣстія Общества Толстовскаго Музея“, редакція, по порученію этого Общества, объявила: „главная цѣль и задача „Извѣстій“ заключается въ пропагандѣ идеи Толстовскаго Музея, а также въ широкомъ ознакомленіи печати и общества съ дѣятельностью и составомъ самого Музея. Для достиженія этой цѣли, мы, прежде всего, будемъ публиковать всѣ оффиціальные документы, исходящіе отъ чрезвычайныхъ, общихъ и годовыхъ собраній Общества, извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта Общества. Отчеты комисій, казначея и пр. отвѣтственныхъ лицъ и учрежденій Общества также всегда будутъ печататься въ нашихъ „Извѣстіяхъ“. Описаніе отдѣльныхъ коллекцій, списки всего ранѣе и вновь пожертвованнаго въ Музей или имъ пріобрѣтеннаго будутъ постепенно печататься въ каждомъ номерѣ „Извѣстій“. Кромѣ всѣхъ этихъ свѣдѣній, мы предполагаемъ, по мѣрѣ возможности, печатать въ „Извѣстіяхъ“ произведенія Льва Николаевича, до сего времени не опубликованныя, а также статьи, воспоминанія, дневники и пр., такъ или иначе связанные съ личностью и дѣятельностью Л. Н. Толстого.

Въ „Извѣстіяхъ“ возможно полнѣй будетъ зарегистровываться текущая, русская и иностранная, библіографія, какъ произведеній самого Л. Н., такъ и книгъ, брошюръ, статей и замѣтокъ о Л. Н. Толстомъ, его писаніяхъ, жизни и дѣятельности. Ясно сознавая, что наша работа можетъ быть осуществлена наилучшимъ образомъ лишь при дружномъ содѣйствіи и непосредственномъ участіи всѣхъ почитателей генія Льва Николаевича, мы твердо надѣемся, что въ ближайшее же время найдемъ, какъ въ Россіи, такъ и заграницей, поддержку и сочувствіе въ нашемъ дѣлѣ, среди широкихъ слоевъ народа и общества.

„Извѣстія“ будутъ выходить десять разъ въ годъ, причемъ каждый номеръ мы предполагаемъ иллюстрировать нѣсколькими снимками. Запросы, справки, рукописи и матеріалы, касающіеся „Извѣстій“, просимъ адресовать такъ: Петербургъ, Толстовскій Музей, Вас. Остр., 1 линія, д. № 24, кв. 8, въ редакцію „Извѣстій Общества Толстовскаго Музея“.

Въ № 1 „Извѣстій“ были помѣщены письма Л. Н. къ М. В. Алехину. Вотъ нѣкоторыя выдержки изъ писемъ: „Сущность дѣла то, что человѣкъ ѣстъ теперь большею частью во много разъ больше, чѣмъ это нужно для наилучшаго проявленія его силъ (подъ силами я разумѣю наивыгоднѣйшее отношеніе для человѣческой дѣятельности духовныхъ и физическихъ силъ) и что поэтому всѣмъ полезно постничество, сознательное уничтоженіе чревобѣсія, т. е. пріученіе себя къ наименьшему количеству пищи, при которомъ достигается наивыгоднѣйшее состояніе. Наивыгоднѣйшее же это состояніе достигается, я

думаю, при потребленіи гороздо меньшаго количества пищи, чѣмъ вообще это считается нужнымъ... Я знаю въ себѣ то состояніе, которое ближе всего подходитъ къ тому, въ которомъ я всегда желалъ бы быть: большая ясность мысли, способность переноситься въ состояніе другого, понимать его и легкость физическая, подвижность, отсутствіе сознанія своего тѣла... Если вамъ покажется, что я напрасно толкую о такомъ предметѣ, то простите. Я считаю этотъ предметъ изъ практическихъ приложеній къ жизни несомнѣнно самымъ важнымъ"... Въ одномъ изъ послѣдующихъ писемъ онъ говоритъ о смерти: „Вы говорите, что смерти не должно бы быть, что смерть только отъ того, что мы дурны. Я согласенъ съ этимъ, но только съ той оговоркой, что смерти для каждаго изъ насъ для самого себя не должно быть и можетъ не быть, если бы мы были чисты, какъ вы говорите, если бы мы были совершенны. То есть, что мы видѣли бы смерть другихъ людей, но не видали бы, не чувствовали бы своей. Смерть другихъ людей, т. е. исчезновеніе жизни изъ тѣла людей мы не можемъ не видѣть, и другіе увидятъ исчезновеніе жизни изъ нашего тѣла; но сами мы, если бы были безгрѣшны, мы бы ничѣмъ не были приводимы къ мысли о смерти: мы не боялись бы ея, не думали бы о ней, какъ не думаемъ о перемѣнѣ вещества въ нашемъ тѣлѣ, главное не испытывали бы никакихъ страданій и боязни ихъ.... И если бы у насъ не было этихъ страданій, мы бы не думали о смерти, и организмъ нашъ прекращалъ-бы свое существованіе такъ, что мы бы и не замѣтили этого. Въ этомъ смыслѣ могло бы не быть смерти".... Насчетъ той мысли, что по Христу надо оставить жену и дѣтей, Л. Н. говоритъ: „Я думаю, что это можно сдѣлать только по взаимному согласію и есть другое слово Христа—и болѣе обязательное—мужъ и жена не двое, а одна плоть и что Богъ соединилъ, того человѣкъ не можетъ разъединить. Надо не жениться......, но женившись и имѣя дѣтей, нельзя нарушить того, что сдѣлано, нельзя стереть грѣхъ, а надо нести послѣдствія его"..

Въ „Извѣстіяхъ" имѣется опись всего пожертвованнаго вѣрнымъ почитателемъ генія Л. Н. Толстого покойнымъ Владиміромъ Михайловичемъ Воиновымъ и его сыномъ Олегомъ; оно составляетъ большую часть всего, что находится въ Музеѣ. Тамъ имѣются: 1) автографы 2) книги и брошюры—частью сочиненія Л. Н. Толстого и литературы о немъ (болѣе 200 названій); 3) журналы ежемѣсячные и еженедѣльные (болѣе 80 названій), газеты, а также вырѣзки изъ журналовъ и газетъ; 4) отдѣльные листы; 5) портреты Л. Н.: рисунки художниковъ Л. О. Пастернака (19), Ю. И. Игумновой (12), Шестопалова, офорты, литографіи и проч. (болѣе 100); 6) скульптурныя изображенія: бюсты, барельефы, жетоны; 7) изображенія Л. Н. Толстого на разныхъ пред-

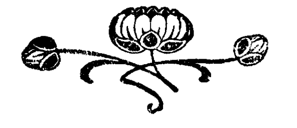
метахъ, какъ-то; печатки, прессъ-папье, пепельницы и т. п., на кружкахъ, коробкахъ отъ карамели и папиросъ, на плакатахъ, афишахъ, картонахъ для календарей и т. п.; 8) каррикатуры и шаржи (болѣе 125); 9) ноты, посвященныя памяти Л. Н. Толстого; 10) иллюстраціи къ произведеніямъ Л. Н. Толстого.

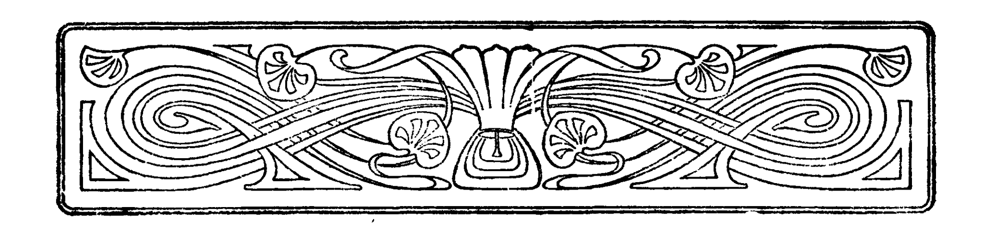
== **Изъ художественнаго міра.** Крупнѣйшимъ событіемъ современной художественной жизни является постановка въ Художественномъ театрѣ „Братьевъ Карамазовыхъ". За модными, успѣвшими уже опошлиться литературными словами о Діонисѣ и Апполонѣ, за мечтами о возрожденіи театральнаго „дѣйства", о „возрожденіи трагедіи" скрывается — говоритъ въ статьѣ объ этомъ Любовь Гуревичъ (газета „Рѣчь")—дѣйствительно назрѣвшая потребность въ возвратѣ къ настоящей драмѣ яркихъ характеровъ, стремительныхъ столкновеній, къ драмѣ, которая явилась бы выраженіемъ духовной и жизненной діалектики, борьбы противоположныхъ силъ, стремленій, идей, направляющихъ жизнь. Романы Достоевскаго полны огромными монологами, и каждый изъ этихъ монологовъ, даже такихъ, какъ монологи Ивана Карамазова, въ дѣйствительности есть драматическій діалогъ. Къ нимъ примѣнимы слова Отто Людвига, сказанныя имъ въ его „Shakespeare Studien", о монологахъ Гамлета: „Не кажется ли вамъ, что самыя мысли страстно жестикулируютъ здѣсь? Ибо есть мысли, которыя въ то же время являются и чувствами, какъ есть чувства, превращающіяся въ мысли... Все здѣсь стремится стать видимымъ, слышимымъ, осязаемымъ; мысль переходитъ въ ощущеніе, ощущеніе въ слово, слово въ образъ, образъ въ движеніе. И все это есть жизнь, единая, нераздѣльная жизнь, увлекающая за собою наше нераздѣльное существо"... Однако, постановка „Карамазовыхъ" была шагомъ безумной смѣлости. И не потому только, что самый фактъ инсценированія романа вызывалъ всеобщее, вполнѣ законное смущеніе, или что приходилось,—во избѣжаніе грубой ломки великаго произведенія,—прибѣгать къ новымъ пріемамъ: выводить чтеца и т. п. Сознательно идя на этотъ компромиссъ, приходилось еще считаться съ огромными трудностями и опасностями другого рода. Вѣдь всякая живая душа при чтеніи этого романа уже завершила для себя, такъ или иначе, своей собственной творческой фантазіей, образы Достоевскаго и полюбила ихъ такими, какими они привидѣлись ей... Можно было сказать заранѣе и съ безусловной увѣренностью, что многое, многое вообще будетъ несовершенно,—если не уродливо, то блѣдно, неубѣдительно, непохоже на Достоевскаго...

И какъ же огромно должно быть сценическое исполненіе для того, чтобы уходя изъ театра, чувствовать, что отрывки, осколки романа, несмотря на всѣ недостатки постановки, вызывали въ душѣ какой-то

сумасшедшій вихрь, въ которомъ художественный восторгъ сливался съ человѣческимъ ощущеніемъ заданной Богомъ неразрѣшимой загадкой... Л. Гуревичъ отмѣчаетъ далѣе нѣкоторые типы, созданные Художественнымъ театромъ и останавливается на фигурѣ Ивана Карамазова, въ изображеніи Качалова: „Глубочайшая сознательность проникаетъ все существо Ивана. Ему не уйти отъ себя—ни отъ работы своей все провѣряющей, безконечно дерзкой, ядовитой, геніально глубокой мысли, подкапывающейся подъ всѣ святыни, ни отъ своей совѣсти, которой онъ не можетъ найти мѣста въ системѣ своихъ идей... Споръ дьявола и Бога въ его душѣ, все напряженнѣе, все горячечнѣе. Это ужъ безуміе. Вотъ онъ, этотъ кошмаръ: „Иванъ и чортъ". Длинная, неслыханная въ театрѣ по внѣшней простотѣ сцена: одинокій человѣкъ тихо говоритъ самъ съ собою передъ колеблющимся пламенемъ свѣчки... Вѣрилъ ли Достоевскій въ живого Бога и чорта, или,—вопреки тому, что принято думать, — только „хотѣлъ" вѣрить, какъ признается Иванъ, —все равно: трагедія въ томъ, что чортъ, какъ и Богъ, живутъ и спорятъ въ немъ, въ Иванѣ... Пламя свѣчки играетъ на немъ рѣзкими, фантастическими тѣнями, растетъ ужасъ на сценѣ,—и кажется, что фантастически растетъ самая фигура Ивана, когда онъ вдругъ медленно приподнимается на диванѣ, и голосъ чорта въ немъ, визгливо и изступленно, провозглашаетъ его устами, что человѣкъ—богъ и все позволено человѣку—богу... Глубокая, незабываемая сцена, великій образецъ сценическаго искусства, почти неуловимаго въ своей изумительной тонкости и художественномъ благородствѣ"... Л. Гуревичъ отмѣчаетъ, что эта постановка со всѣмъ, что въ ней есть потрясающаго и замѣчательнаго, со всѣми ея основными особенностями,—была лишь новымъ этапомъ театра на его прежнемъ пути, новымъ раскрытіемъ его художественныхъ силъ, накоплявшихся въ немъ, благодаря той строгой и утонченной школѣ сценическаго творчества, которую проходили здѣсь артисты, благодаря постоянной борьбѣ ея руководителей съ соблазнами всякой „театральности" и того дешеваго внѣшняго драматизма, которымъ продолжаетъ щеголять старый, внутренно-мертвѣющій театръ...

Н. Т.





Изъ газетъ и журналовъ.

— Профессоръ Харьковскаго университета В. И. Багалей въ сборникѣ своихъ сочиненій даетъ характеристику одного изъ оригинальнѣйшихъ русскихъ людей, философа Григорія Саввича Сковороды, надъ могилой котораго надпись гласитъ: „Міръ ловилъ меня, но не поймалъ“. Въ чемъ же заключается сущность христіанской философіи Сковороды, ея индивидуальная особенность? Сковорода проводилъ идею о двухъ началахъ въ мірѣ—вѣчномъ и тлѣнномъ, и о превосходствѣ перваго надъ вторымъ. Этими двумя началами проникнуты всѣ три міра—большой, или космосъ; малый—микрокосмъ (т. е. человѣкъ) и символическій (т. е. Библія). Въ Библіи подъ буквальнымъ ея смысломъ (матеріей) таится высшій духовный (начало вѣчности, самъ Богъ). Цѣль человѣка состоитъ въ самопознаніи и Богопознаніи, но оба эти процесса сводятся къ одному—Богопознанію; самопознаніе приводитъ насъ къ Богопознанію и, наоборотъ, Богопознаніе необходимо для самопознанія и даже міропознанія.... Ученіе его, по существеннымъ свойствамъ своимъ, должно быть названо идеальнымъ, далекимъ отъ условій дѣйствительности. Но Сковорода осуществилъ этотъ идеалъ, во всемъ его объемѣ, во всей его полнотѣ и неприкосновенности, въ собственной жизни: онъ жилъ такъ, какъ училъ, и училъ такъ, какъ жилъ. Его широкое образованіе, умъ, краснорѣчіе открывали передъ нимъ возможность достиженія самыхъ высокихъ степеней въ церковной іерархіи, а онъ добровольно выбралъ себѣ званіе нищаго странника, чтобы сохранить внутреннюю свободу и быть учителемъ народа въ широкомъ и благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова... онъ остался бездомнымъ бѣднякомъ, безсемейнымъ „старчикомъ“, мудрецомъ, говорившимъ, однако, постоянно, что избранный имъ жребій даетъ ему то, чего не могло бы дать ни богатство, ни высокій чинъ, именно—счастье, душевный миръ и сердечное веселье. Сковорода до такой степени отвлекался отъ всего земного и погружался въ духовное, что приходилъ иногда въ состояніе,

напоминающее экстазъ. Его жизнь требовала сильнаго подъема духа, ибо была безпрерывнымъ подвигомъ. Онъ постоянно прислушивался ко внутреннему голосу своей совѣсти и только ею руководился во всѣхъ своихъ поступкахъ. Хотя онъ и не отрицалъ денегъ вообще, но самъ былъ въ буквальномъ смыслѣ безсребренникомъ, онѣ не нужны ему были при томъ образѣ жизни, который онъ себѣ усвоилъ.

— Недавно вышедшая книга Юшкевича „Новыя вѣянія" въ значительной мѣрѣ интересна потому, что чутко улавливаетъ повышенное вниманіе общества къ религіознымъ вопросамъ, которое Юшкевичъ объясняетъ общими причинами, имѣющими лишь косвенное и временное отношеніе къ революціонной волнѣ и ея паденью... Юшкевичъ отмѣчаетъ, что въ писаніяхъ нашей „богостроительной" литературы изъ подъ пера Булгакова, Бердяева, Струве, Мережковскаго и другихъ одновременно струится тоска по религіи и тоска по деревнѣ или по духу деревень, „который былъ духомъ Бога" (выраженіе Верхарна). Признавая реальную основу этой тоски, Юшкевичъ отмѣчаетъ, однако, что въ ихъ религіозныхъ исканіяхъ бездна литературщины и словесности, и что этотъ бунтъ противъ города потерявшей связи съ широкими народными массами интеллигенціи не можетъ имѣть больше, чѣмъ платоническое значеніе.

Второй интересной чертой книги Юшкевича нужно считать отраженное въ ней усиліе марксизма перестроиться сообразно съ измѣнившимся настроеніемъ общества и такимъ образомъ, чтобы дать просторъ религіи, которая такъ долго была у марксистовъ въ загонѣ. Это направленіе, которое можно назвать эмоціональнымъ, опять воскресило надежды тѣхъ, для кого дорога была идея возсоединенія науки и религіи и изъ такихъ попытокъ наиболѣе значительной слѣдуетъ считать философскій методъ Джемса, который носитъ названіе прагматизма.

Третьей интересной темой въ книгѣ Юшкевича можно считать попытку прогноза въ области религіознаго творчества, сдѣланную опять таки съ точки зрѣнія марксизма. Гюйо предсказываетъ въ будущемъ крушеніе всѣхъ религій, Юшкевичъ же предвидитъ въ близкомъ будущемъ царство позитивизма, хотя это и звучитъ странно послѣ того, какъ наблюдательность автора усмотрѣла возрожденіе мистицизма и религіозности въ наше время, но объясняется тѣмъ, что общество тяготѣетъ, по мнѣнію Юшкевича, къ пантеизму, въ которомъ „мотивъ созерцательности, настроеніе самоотдаванія, самопогашенія, чувство связности, вселенскости играетъ огромную роль". Въ центрѣ религіозной проблемы Юшкевичъ вслѣдъ Гюйо ставитъ вопросъ о смерти. Гюйо теряющимъ дорогого человѣка совѣтуетъ хранить его въ воспоминаніяхъ, гдѣ онъ можетъ продолжать свою жизнь, и далѣе предается ка-

кимъ-то мало понятнымъ фантазіямъ о такого рода эволюціи человѣческой психики, когда жизнь покойника въ воспоминаніяхъ оставшихся будетъ чѣмъ-то въ родѣ безсмертія; въ томъ же духѣ размышляетъ о смерти и Юшкевичъ,—но утѣшить отдѣльную личность разсужденіями о жизни въ цѣломъ, о безсмертіи вида и тому подобными примѣрами „лопушьяго безсмертія"—это все равно, какъ справедливо замѣтилъ Мережковскій, что кормить голоднаго нарисованнымъ хлѣбомъ. Смерть—послѣдній врагъ, который будетъ покоренъ,—сказалъ апостолъ Павелъ. И для истинно вѣрующаго онъ дѣйствительно покоренъ, покоренъ личнымъ безсмертіемъ души человѣческой, но ужъ никакъ не тонкостями „коллективнаго міроощущенія", рекомендуемаго марксистами. (Изъ замѣтки о книгѣ Юшкевича въ газетѣ „Кіевлянинъ").

═ Въ журналѣ „Русская Школа" есть замѣтка Старожицкой о книгѣ Фёрстера „Sexualethik. Sexualpädagogik" (Сексуальная этика. Сексуальная педагогика). Выраженное въ „Sexualethik" воззрѣніе Фёрстера на половую потребность опредѣляетъ дальше всю его педагогическую систему: половое чувство—это животная, унижающая человѣка потребность; высшая нравственность въ совершенной побѣдѣ надъ ней, въ аскезѣ; нравственная норма—строгая подчиненность полового чувства требованіямъ разума, долга, религіи, альтруизма. Отсюда совершенное несогласіе Фёрстера съ теоріями свободной любви, отсюда и практическая система, предлагаемая имъ, какъ средство борьбы съ господствомъ эротическаго въ нашей жизни... Главное положеніе его педагогики: развивайте въ юношахъ, если хотите сдѣлать ихъ нравственными людьми, сильную волю, здоровое міровоззрѣніе и серьезное отношеніе къ себѣ и другимъ. Онъ противъ подробнаго ознакомленія юношества съ половой жизнью: такъ какъ объясненіе не достигаетъ обыкновенно своей цѣли, потому что мало „знать" объ опасности, мало хорошо изучить врага, — надо „умѣть" съ нимъ бороться, быть вооруженнымъ, а этого никакое объясненіе не даетъ. Надо не на разумъ и знанія полагаться въ этомъ дѣлѣ, а на волю, дисциплинированную и направленную въ сторону борьбы съ чувственными побужденіями. Въ юношескомъ возрастѣ, особенно склонномъ къ идеальнымъ воззрѣніямъ, надо научить воспитанниковъ уважать женщину, цѣнить семью, быть рыцарственнымъ, щадить слабаго; внушить имъ чувство долга, уваженіе къ самому себѣ, отвращеніе къ пошлости и слабости духа. Воспитанный такимъ образомъ юноша, много разъ боровшійся съ самимъ собой, знающій свою силу и испытавшій радость побѣды,—говоритъ Фёрстеръ, — „не склонится предъ первымъ натискомъ чувственности, а постарается и это требованіе тѣла подчинить своему духу". Въ итогѣ чтенія этой книги, говоритъ Старожицкая, является

очень цѣнное указаніе для педагога, что не однимъ знаніемъ надо вооружать нашу молодежь противъ половой испорченности и соблазновъ чувственности, но развитіемъ характера, выдержки и запасомъ серьезныхъ, честныхъ правилъ поведенія.

== Въ статьѣ „Общественныя и семейныя начала въ дошкольномъ воспитаніи“ Н. Лубенецъ подводитъ итоги всѣмъ высказаннымъ противъ дѣтскаго сада мыслямъ, — (въ Россіи противниками дѣтскихъ садовъ являются К. Д. Ушинскій и П. Ф. Лесгафтъ):—1) Дѣтскій садъ, снимая съ родителей заботу о дѣтяхъ, дѣлаетъ излишнимъ семью и тѣмъ самымъ подрываетъ основы соціальной жизни. 2) Въ дѣтскомъ саду нивеллируются всѣ индивидуальныя различія. 3) Методъ воспитанія тамъ — стадный, заставляющій дѣтей исполнять по плану однѣ и тѣ же маленькія, безсмысленныя и безполезныя работы. Въ результатѣ, вмѣсто индивидуальной личности, получается шаблонъ. 4) Система дѣтскаго сада расходится съ природой ребенка, съ послѣдовательнымъ ходомъ его развитія (мнѣніе П. Ф. Лесгафта). 5) Создавъ дѣтскій садъ, Фребель не далъ воодушевляющей теоріи этого дѣла, не выяснилъ природы ребенка и соотвѣтствующихъ ей дѣйствій, а потому остался только бездушный шаблонъ, могущій лишь заглушить всякое индивидуальное проявленіе дѣтей. 6) Семья не можетъ быть замѣнена школой, начинающейся съ трехлѣтняго возраста ребенка. Чѣмъ раньше отдѣлить ребенка отъ семьи, тѣмъ менѣе будетъ вліяніе послѣдней и тѣмъ менѣе у ребенка будетъ привязанности къ ней. 7) Обезпеченные родители ни въ коемъ случаѣ не должны отдавать ребенка въ дѣтскій садъ. 8) Дѣтскій садъ оказываетъ школѣ помѣху, но не помощь, такъ какъ дѣти изъ дѣтскаго сада учатся хуже другихъ, шаловливы, разсѣяны, безпокойны и трудны въ воспитательномъ отношеніи. Но, говоритъ Н. Лубенецъ, вслѣдствіе обѣднѣнія значительныхъ слоевъ населенія, повышенной борьбы за существованіе, родители принуждены работать внѣ дома, ради заработка они покидаютъ семейный очагъ, и дѣти остаются заброшенными, лишенными всякаго воспитанія. Одновременно съ этимъ начинаетъ пробуждаться и общественное сознаніе. Провозглашаются принципы солидарности, сотрудничества, морали общественной. Выдвигается вопросъ объ общественномъ воспитаніи. Кругъ интересовъ женщины значительно расширяется. У нея является стремленіе къ образованію и общественной дѣятельности. Конечно, говоритъ Н. Лубенецъ, было бы идеально хорошо, если бы мать могла совмѣщать воспитаніе своихъ дѣтей, безъ посторонней помощи, съ другими обязанностями и удовлетвореніемъ своихъ умственныхъ, личныхъ и общественныхъ потребностей, оставаясь при этомъ воплощеніемъ разумнаго спокойствія и педагогическаго такта. Но такія женщины представляются рѣдкими исклю-

ченіями... и все-таки воспитаніе не должно быть исключительно семейнымъ, изолированнымъ. Въ защиту дѣтскихъ садовъ Лубенецъ говоритъ, что они берутъ дѣтей лишь на то время, когда родители заняты хозяйственными и другими заботами и дѣти предоставляются надзору невѣжественныхъ нянекъ и боннъ, и что, если работы въ дѣтскомъ саду съ точки зрѣнія примѣненія ихъ къ жизни и безполезны, то ими преслѣдуются воспитательныя цѣли: дисциплина ума, рукъ и всѣхъ способностей ребенка, конечно, если эти сады ведутся людьми свѣдущими, преданными дѣлу и понимающими сущность идеи, а не только усвоившими внѣшнюю сторону системы. Фребель, боясь искаженій своихъ мыслей, говорилъ: „подражайте идеѣ, а не формѣ".

═ Въ „Духовномъ Христіанинѣ" была статья В. А. Данилова (человѣка религіи-знанія) подъ названіемъ „Жизнь, познаніе и совершенство". Онъ говоритъ, что на запросы томящейся души люди обыкновенно отвѣчаютъ въ трехъ направленіяхъ: 1) подбирая подходящія мѣста въ Библіи и Евангеліи для отвѣта на поставленный вопросъ, въ этомъ случаѣ люди отвѣчаютъ не какъ они понимаютъ, а какъ понимали и чувствовали прежде ихъ жившіе; 2) излагаютъ свое мнѣніе, подкрѣпляя текстами писанія и на основаніи текстовъ писанія и, наконецъ, немногіе — 3) на основаніи личнаго ощущенія, чувствованія или познанія, вытекающаго не изъ одного, двухъ текстовъ писанія, а изъ самаго существа Новаго Завѣта преимущественно. Эта послѣдняя форма и есть новозавѣтная, говоритъ В. А. Даниловъ. „Возлюби Господа Бога твоего твоимъ разумѣніемъ, — а не чужимъ"... Новозавѣтный человѣкъ отличается отъ старозавѣтнаго тѣмъ, что ему нужно чужое разумѣніе, чтобы достигнуть своего. Онъ, новозавѣтный человѣкъ, не можетъ быть безъ ощущенія Всемогущаго. Ибо Всемогущій для новозавѣтнаго человѣка не Господинъ, а Отецъ. Органъ познанія Всемогущаго—внутреннее религіозное чувство, но рядомъ съ этимъ чувствомъ можетъ быть у многихъ другія, болѣе сильныя чувства изъ ряда низшихъ, животныхъ, которые угнетаютъ высшее чувство... Когда освобожденіе духа отъ плоти, высшаго ощущенія отъ звѣринаго „хочу" подвинется болѣе и болѣе, вмѣстѣ начнется и болѣе полное ощущеніе Всемогущаго, и человѣкъ достигнетъ, наконецъ, такой высоты, что ощущеніе изъ „налетающаго", временнаго, станетъ постояннымъ, пребывающимъ религіознымъ чувствомъ... Въ этомъ состояніи человѣкъ уже не нуждается знать, какъ тотъ или другой думалъ о Богѣ, какъ тотъ или другой ощущалъ Бога. Ибо онъ самъ уже будетъ ощущать Бога... Начнется особенный міръ ощущеній, ощущеній безъ отношенія къ злободневной сутолокѣ настоящаго, закрывающей шумомъ возни своей грубой, корыстной, то, что творится высшее, переходящее въ да-

лекое будущее... „Невозможное для человѣка, возможно для Бога", прозвучитъ во внутреннемъ мірѣ человѣка отраднымъ голосомъ осуществленной надежды; когда человѣкъ достигнетъ достаточной высоты ощущенія своего и забудетъ, въ стремленіи къ очищенію, къ совершенству, про корысть желанія познать, а станетъ всецѣло растворяться въ мірѣ бытія и жизни — тогда только, въ безкорыстіи служенія, во внутреннемъ мірѣ, въ святая святыхъ человѣка, начнетъ страница за страницей открываться книга жизни, и проникновеніе въ тайны бытія станетъ возможнымъ",

═ Въ журналѣ „Христіанинъ" напечатана выдержка изъ сочиненія Вл. Соловьева „Духовныя основы жизни", подъ заглавіемъ „Образъ Христа, какъ провѣрка совѣсти". Обязательная задача личной и общественной нравственности, говорится тамъ—та, чтобы Христосъ, въ Которомъ обитаетъ вся полнота Божества тѣлесно, „вообразился" во всѣхъ и во всемъ. Отъ каждаго изъ насъ зависитъ содѣйствовать достиженію этой цѣли, воображая Христа въ нашей личной и общественной дѣятельности. Всѣ согласны, что рамки юридическаго закона нисколько не опредѣляютъ дѣятельности человѣка, стремящагося къ совершенству. Можно никогда не убивать, не красть и не нарушать никакого уголовнаго закона, и быть, однако, безнадежно далеко внѣ Царствія Божія... Недостаточны для положительнаго руководства къ совершенствованію и рамки закона нравственнаго и сами Евангельскія заповѣди, принимаемыя, какъ отдѣльныя внѣшнія предписанія по буквѣ, а не по духу... А наилучшая и единственная провѣрка, это: передъ тѣмъ, какъ рѣшиться на какой-нибудь поступокъ, имѣющій значеніе для личной или для общественной жизни, вызвать въ душѣ своей нравственный образъ Христа, сосредоточиться на немъ и спросить себя, могъ ли бы Онъ совершить этотъ поступокъ или другими словами — одобритъ Онъ его или нѣтъ, благословитъ меня или нѣтъ на его совершеніе?.. Если бы всѣ люди съ доброю волею, какъ частныя лица, такъ и общественные дѣятели и правители христіанскихъ народовъ, стали обращаться теперь къ этому вѣрному способу во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ, то это было бы уже началомъ второго пришествія и приготовленіемъ къ страшному суду Христову, — „яко время близъ есть".

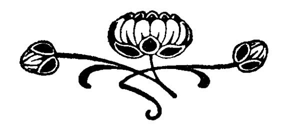
═ Тамъ же есть замѣтка Е. Поселянина о молитвѣ. Мы суживаемъ,—говоритъ онъ,—значеніе и время молитвы. Мы считаемъ, что молитва въ насъ дѣйствуетъ только тогда, когда мы станемъ предъ иконами и начнемъ сказывать съ дѣтства знакомыя слова готовыхъ молитвъ, или когда пріемъ въ сердце произносимыя діакономъ съ высокаго амвона прошенія ектеніи, или подъ таинственно тихіе звуки

херувимской, склонивъ колѣни и голову, унесемся куда то вдаль. Или, когда въ какой-нибудь нуждѣ или горѣ, чувствуя, что Богъ, одинъ только Богъ можетъ помочь намъ, что Онъ — послѣднее наше прибѣжище, — мы отъ всѣхъ силъ своихъ призовемъ Его, будетъ ли то въ домѣ, на улицѣ, въ гибели или въ спокойныхъ съ виду обстоятельствахъ. Молитва далеко не ограничивается тѣми случаями, когда намъ нужно что нибудь у Бога выпросить. Молитвы просительныя—это низшая степень молитвы, эгоистичная... Любованіе Богомъ, безграничное Ему удивленіе, вызывающее на глаза умиленныя слезы, а сердце переполняющее благодарностью за то, что Онъ намъ открылся и далъ Себя чувствовать, есть одна изъ высшихъ ступеней молитвы... Понять дивную красоту какой нибудь картины природы, тронуться ею до волненія, до слезъ, и тогда, въ восхищеніи, прильнуть къ невидимой рукѣ Небеснаго Творца... Уловить счастливо гармонію звуковъ, и въ ней почувствовать отголосокъ тѣхъ несказанныхъ пѣсенъ и звуковъ, что раздаются въ благословенной тишинѣ райскихъ садовъ, и за этими звуками, оторвавшись отъ земли, вознестись вдругъ туда, въ вышину, къ Богу—это будетъ тоже молитва.

═ Въ „Вегетаріанскомъ Обозрѣніи“, въ первыхъ пяти книжкахъ шла статья Владиміра Черткова „Объ убійствѣ живыхъ существъ“. Заканчивая свою статью, онъ резюмируетъ общее содержаніе всего высказаннаго имъ. Всякое убійство живого существа есть поступокъ несправедливый и жестокій, а потому — нравственно незаконный для сознательнаго человѣка. Разборъ предполагаемыхъ пагубныхъ послѣдствій для существованія и здоровья человѣчества при воздержаніи отъ убійства животныхъ обнаруживаетъ, что послѣдствія эти вовсе не такъ страшны, какъ обыкновенно предполагается. Разборъ другихъ возраженій противъ признанія нравственной незаконности убійства животныхъ также обнаруживаетъ неосновательность этихъ возраженій. Сознаніе того, что „жизнь одна“, и вытекающее изъ этого чувство единенія, солидарности и жалости по отношенію ко всему живому, суть наивысшія свойства человѣческой души. Слѣдуетъ открыто и смѣло признавать всякое сознательное убійство, хотя бы и самаго мелкаго насѣкомаго, поступкомъ, съ нашей стороны неправильнымъ и нравственно предосудительнымъ. Въ этомъ стремленіи къ достиженію того, чего „вполнѣ“ достичь человѣку почти невозможно, намъ могутъ помочь мудрыя слова Толстого о приближеніи къ идеалу: „Истинный идеалъ религіи, истинной религіи — онъ же идеалъ христіанства, тѣмъ и великъ, что онъ такъ великъ, что человѣкъ въ тѣлѣ никогда не можетъ достигнуть его; а между тѣмъ можетъ всегда, во всѣхъ условіяхъ, постепенно приближаться къ нему. Въ этомъ приближеніи и

сущность жизни человѣческой, и единственное истинное благо ея. Отчаяніе религіозныхъ людей въ томъ, что они не могутъ вполнѣ осуществить въ своей жизни того идеала, который представляется имъ, происходитъ отъ заблужденія въ томъ, что требованія ученія не въ „усиліяхъ приближенія къ идеалу“, а въ полномъ осуществленіи его въ своей жизни. Старайся дойти до чего можешь, не разсуждая о томъ, что возможно и что невозможно“...

Н. Т.



Если потеряно Тао, то остается добродѣтель; потеряна добродѣтель, остается человѣколюбіе; потеряно человѣколюбіе, остается справедливость; потеряна справедливость, остается приличіе.

Приличіе—это только подобіе правды и источникъ смутъ.

Человѣкъ входитъ въ жизнь мягкимъ и слабымъ.

Онъ умираетъ жесткимъ и крѣпкимъ.

Всѣ существа, растенія и деревья входятъ въ жизнь мягкими и нѣжными и умираютъ засохшими и жесткими.

Жесткость и сила—спутники смерти.

Поучать словами не нужно. Нужно только самому быть свободнымъ отъ страстей.

Нѣтъ ничего въ мірѣ мягче и слабѣе воды, и нѣтъ ничего, что бы превосходило воду въ ея разрушительномъ дѣйствіи на жесткое и крѣпкое.

Слабое побѣждаетъ крѣпкое, мягкое побѣждаетъ жесткое.

Нѣтъ человѣка, который не зналъ бы этого, а никто не поступаетъ такъ.

(Изреченія „Лао-Тце“).



Письма къ читателямъ.

> Для *двумѣрныхъ существъ* имѣется ужасный „половой вопросъ“; для *людей* существуетъ вопросъ о любви.
>
> Tertium Organum П. Успенскаго.

Много говорятъ въ наше время объ *обезцѣненіи* жизни. Что это значитъ? Это значитъ, что содержаніе жизни могло бы быть драгоцѣнно, но какія-то условія понизили высокую цѣнность жизни и сдѣлали ее не интересной, не привлекательной, до полнаго равнодушія къ ней, до желанія уйти изъ нея. Отсюда—пугающая всѣхъ эпидемія самоубійствъ. Среди другихъ причинъ, которыхъ я сейчасъ касаться не буду, обезцѣненье жизни произошло оттого, что сознаніе истекшаго вѣка пріучило насъ разсматривать жизнь только въ одномъ ея физическомъ разрѣзѣ. И привычка эта провела такія глубокія борозды въ сознаніи современныхъ интеллигентныхъ людей, что они разучились понимать жизнь во всей ея сложной полнотѣ.

Кромѣ физическаго разрѣза, правда—наиболѣе виднаго и понятнаго для средняго ума—въ жизни есть еще большія глубины и большія высоты, которыя матерьялистическое міропониманіе совсѣмъ не беретъ въ расчетъ. Всѣ проблески сверхфизическаго сознанія оно или обзываетъ „мистикой“, или стремится свести въ область патологіи, и съ гордостью заявляетъ, что признаетъ только однѣ точно измѣримыя величины. Но гордиться тутъ нечѣмъ. Наоборотъ. Благодаря тому, что вниманіе людей такъ долго фиксировалось на одномъ низшемъ планѣ жизни, современное сознаніе закрылось для высшаго смысла жизни и стало до того упрощеннымъ и плоскимъ, что въ тонко чувствующихъ людяхъ вызвало тоску и даже отвращеніе отъ самой жизни. Въ зависимости отъ этой плоскости сознанія и произошло то пониженіе всего уровня человѣческаго творчества, которое мы такъ тяжело переживаемъ во всемъ: и въ общественной дѣятельности, и въ литературѣ и искусствѣ, и больше всего—такъ какъ это вѣнецъ человѣческой психики—больше всего въ любви. Я говорю о любви въ широкомъ смыслѣ, во всѣхъ

ея видахъ и проявленіяхъ, но сегодня мнѣ хочется остановиться на любви между полами.

Послѣдовательный матерьялистъ не признаетъ въ основѣ міроваго порядка иного начала, кромѣ механическаго, слѣдовательно и вся человѣческая этика для него—только естественный продуктъ постепеннаго развитія; отсюда неизбѣжно и то упрощенное, сведенное къ одной физической плоскости отношеніе къ половой любви, которое я считаю одной изъ косвенныхъ причинъ растущей между молодежью эпидеміи самоубійствъ.

Если жизнь Вселенной не руководится нравственнымъ началомъ, тогда—дѣйствительно—*все* позволено, позволенъ и развратъ. И мы видимъ, какъ на нашихъ глазахъ самое прекрасное и яркое изъ всѣхъ человѣческихъ чувствъ, жажда отдать себя, свои силы и свою нѣжность любимому существу, превращается въ „половой вопросъ“, поэзія жизни претворяется въ физіологическую проблему.

Въ одной изъ статей Владиміра Соловьева есть интересное опредѣленіе любви; я не могу привести подлинныхъ выраженій, но вѣроятно не ошибусь въ смыслѣ его толкованія. Онъ говоритъ, что одиночество человѣка, его обособленіе отъ остальнаго міра—временное. Въ цѣляхъ *самопознанія* и *самоопредѣленія*, прибавлю я отъ себя.

Оно сохраняется его эгоизмомъ, его яркимъ чувствомъ своей центральности по отношенію всего, что *не* я, которое строитъ плотную стѣну между нимъ и остальнымъ міромъ. Разрушить эту стѣну трудно. Нужна большая сила, чтобы пробить въ ней брешь. Эту большую силу, этотъ большой огонь, сжигающій оплотъ, которымъ наше я отгородилось отъ остального міра, мы имѣемъ въ любви между мужчиной и женщиной. Кто любилъ истинной любовью, тотъ знаетъ какое глубокое измѣненіе совершается въ самыхъ нѣдрахъ человѣческаго сердца, когда его одиночество кончается и въ него могучей животворящей волной вливается иная жизнь; какимъ свѣтлымъ расширеніемъ раздвигаются замкнутыя до того границы сердца, съ какой тонкой отзывчивостью дрожатъ всѣ его струны, какъ расцвѣтаютъ всѣ лучшія силы человѣка, до тѣхъ поръ для него самого невѣдомыя. Кто любилъ, тотъ пережилъ этотъ великій опытъ, и для того звучатъ не какъ пустыя слова утвержденія знающихъ, что уничтоженіе эгоизма и сліяніе съ жизнью міра влечетъ за собой великое просвѣтленіе и великое счастье для человѣческаго сердца. Этотъ опытъ и есть та сверхфизическая, потусторонняя сторона любви, которая неуловима для трехмѣрнаго сознанія; для него уловима только физіологическая сторона любви, но вѣдь это—только одинъ разрѣзъ огромнаго явленія. За этимъ разрѣзомъ цѣлый міръ чувствъ, тончайшихъ переживаній, чистѣйшихъ радостей, глубокихъ

душевныхъ вдохновеній, свѣтлыхъ прозрѣній въ высшіе міры. То, что мы смутно называемъ небомъ, раемъ, есть ни что иное, какъ сліяніе обособленной жизни съ безграничной жизнью міра, сліяніе ограниченнаго сознанія съ безграничнымъ Сознаніемъ Бога или Великаго Цѣлаго. Человѣческая любовь есть слагаемое изъ этого сліянія черезъ любимое существо съ Великимъ Цѣлымъ и изъ плотской страсти. Ни въ чемъ такъ ярко не проявляется сложность человѣческаго существа, два борящіеся полюса его природы, какъ въ человѣческой любви. И ни въ чемъ такъ ясно не сказывается скрытая цѣль этой сложности: *животное облагородить до человѣчности, человѣческое преобразить въ божественное.*

Всѣ наблюдавшіе за драмой человѣческой души на различныхъ ступеняхъ развитія знаютъ, что чѣмъ выше поднимается человѣкъ, тѣмъ блѣднѣе становится его низшій полюсъ и тѣмъ ярче и прекраснѣе разгорается высшее божественное начало его сокровенной сути. Только во времена паденія и одичанія нравовъ возможно такъ подчеркивать и такъ цинично выставлять на видъ низшій животный полюсъ, какъ это дѣлается въ наше время. Но наши высшія начала, человѣко-божескія, не выносятъ этого, отсюда—отвращеніе, тоска, потеря самоуваженія и обезцѣненье жизни. Мы потеряли стихійную невинность животнаго и потому не можемъ безнаказанно спускаться до его уровня.

Моралисты выдвигаютъ какъ единственную цѣль и оправданіе любви продолженіе человѣческаго рода, но это далеко не обнимаетъ всѣхъ явленій любви. Есть нѣчто иное, совершающееся не на физическомъ планѣ, что составляетъ драгоцѣннѣйшую сторону человѣческой любви: это—тотъ внутренній духовный обмѣнъ, который совершается на высшихъ планахъ между любящими другъ друга мужчиной и женщиной. По этому поводу есть очень интересная страница въ новой книгѣ молодого писателя Успенскаго, Tertium Organum; книгу эту можно вообще рекомендовать какъ чрезвычайно оригинальную и интересную попытку перевести на языкъ нашихъ обыкновенныхъ понятій высшее сознаніе человѣка. Онъ говоритъ:

„Искусство идетъ дальше обыкновеннаго человѣческаго зрѣнія, и поэтому есть стороны жизни, о которыхъ можетъ и имѣетъ право говорить только искусство. Таковъ вопросъ о любви. Только искусство умѣетъ подходить къ любви, только искусство умѣетъ говорить о ней.

„Любовь всегда была и есть главная тема искусства. И это вполнѣ понятно. Здѣсь сходятся всѣ нити человѣческой жизни, всѣ эмоціи; черезъ любовь человѣкъ соприкасается съ будущимъ, съ вѣчностью, съ расой, къ которой онъ принадлежитъ, со всѣмъ прошлымъ человѣчества и со всей его грядущей судьбой.—Въ соприкосновеніи половъ,

въ ихъ влеченіи другъ къ другу, лежитъ великая тайна жизни, *тайна творчества*. Отношеніе *скрытой* стороны жизни къ *явной*, т. е. проявленіе *реальной* жизни въ нашей *кажущейся*, особенно ярко вырисовывается въ этой вѣчно трактуемой, вѣчно разбираемой и обсуждаемой—и вѣчно непонимаемой области, въ отношеніяхъ половъ. Обыкновенно отношенія мужчинъ и женщинъ разсматриваютъ, какъ необходимость, вытекающую изъ необходимости продолженія человѣческаго рода на землѣ. Рожденіе—вотъ raison d'être любви съ религіозной, моральной и научной точки зрѣнія. Но въ дѣйствительности творчество заключается не въ одномъ только продолженіи жизни, а прежде всего и больше всего въ *творчествѣ идей*. Любовь является огромной силой, производящей идеи, будящей творческую способность человѣка.

„Когда сольются двѣ силы, заключающіяся въ любви—сила жизни и сила идеи—человѣчество *сознательно* пойдетъ „къ своимъ высшимъ судьбамъ". Пока только искусство чувствуетъ это.

„Все, что говорится о любви „реалистически", всегда грубо и плоско.

„Ни въ чемъ такъ рѣзко не проявляется различіе глубокаго „оккультнаго" пониманія жизни и поверхностнаго „позитивнаго", какъ въ вопросѣ о любви".

Далѣе авторъ Tertium Organum говоритъ, что для оккультнаго пониманія, любовь есть именно то, чѣмъ она рисуется искусству, т. е. *психологическое явленіе*, въ которомъ приходятъ въ дѣйствіе и звучатъ всѣ самыя тонкія струны души, въ которомъ, какъ въ фокусѣ собираются и проявляются всѣ высшія силы человѣческой природы. Это ихъ испытаніе, ихъ экзаменъ и орудіе ихъ эволюціи. Въ то же время, именно *этой* стороной жизни человѣкъ соприкасается съ чѣмъ-то *большимъ*, часть чего онъ составляетъ.

Для двумѣрныхъ существъ, живущихъ на плоскости и движущихся по двумъ направленіямъ—*производства* и *потребленія*, существуетъ ужасный „половой вопросъ".

„Для *людей* существуетъ вопросъ о любви.

„Любовь—это индивидуализированное чувство, направленное на опредѣленный объектъ, на *одну* женщину или на *одного* мужчину. Другая или другой не могутъ замѣнить любимаго.

„Половое чувство"—это не индивидуализированное чувство, тутъ годится всякій болѣе или менѣе подходящій мужчина, всякая болѣе или менѣе молодая женщина.

„Любовь—орудіе *познанія*, она сближаетъ людей, открываетъ передъ однимъ человѣкомъ душу другого, даетъ возможность заглянуть въ душу природы, почувствовать дѣйствіе космическихъ силъ.

„Любовь—это признакъ *породы*...

„Это—орудіе совершенствованія расы. Когда изъ поколѣнія въ поколѣнія люди *любятъ*, т. е. ищутъ красоты, чувства, взаимности, то они вырабатываютъ типъ, ищущій любви и *способный* на *любовь*, типъ эволюціонирующій, восходящій. Когда изъ поколѣнія въ поколѣніе люди сходятся, какъ попало, безъ любви, безъ красоты, безъ чувства, безъ взаимности—или по соображеніямъ, *посторонним любви*, изъ расчета, изъ экономическихъ выгодъ, въ интересахъ „дѣла" или „хозяйства", то они теряютъ инстинктъ любви, инстинктъ отбора. Вмѣсто „любви" у нихъ вырабатывается „половое чувство", безразличное и не служащее отбору, не только не сохраняющее и не улучшающее породу, но наоборотъ, теряющее ее. Типъ мельчаетъ, физически и нравственно вырождается.

„Любовь—орудіе *отбора*.

„Половое чувство—орудіе *вырожденія*".

Разбирая далѣе отношеніе современнаго сознанія къ вопросу о любви, Успенскій указываетъ, что наука, для которой единственная цѣль любви—продолженіе рода человѣческаго, не объясняетъ почему въ человѣчество вложена сила, влекущая два пола другъ къ другу *въ безконечно большемъ размѣрѣ, чѣмъ это нужно*. „Для цѣлей продолженія рода утилизируется только одна малая дробь той силы любви, которая вложена въ человѣчество. Куда же идетъ главное количество силы? Мы знаемъ, что ничто не исчезаетъ. Если энергія *есть*—она должна во что-нибудь „*перейти*". „Въ творчество *по всѣмъ направленіямъ*" отвѣчаетъ авторъ; онъ утверждаетъ, что *всякое идейное творчество* является результатомъ энергіи, возникающей изъ эмоцій любви. Исторія подтверждаетъ этотъ смѣлый выводъ. Мы знаемъ, что въ эпохи наибольшаго расцвѣта искусства и наивысшаго художественнаго творчества то, что можно назвать побочной силой любви т. е. тотъ огромный избытокъ силы, влекущей два пола другъ къ другу, на который указываетъ цитируемый авторъ, выражался всегда въ такой полной гаммѣ высокихъ эмоцій, волненій, новыхъ идей и смѣлыхъ грезъ, которая и служила вдохновеніемъ для человѣческаго творчества.

И наоборотъ, въ эпохи паденія нравовъ, когда эмоціи любви понижаются, а съ ними вмѣстѣ понижается темпъ жизни и ея привлекательность, родникъ духовнаго творчества высыхаетъ, искусство мельчаетъ, литература вырождается. Всѣ эти признаки на-лицо въ наше время. Ихъ приписываютъ внѣшнимъ причинамъ. Но это—не вѣрно. Въ свободной и сытой Австраліи замѣчаются тѣ же явленія.

Здѣсь мы опять подходимъ къ коренному вопросу міросозерцанія: Матерьялизмъ или Идеализмъ?

Преимущество Матерьялизма—*точность* познанія. Но еще большой вопросъ: покрываютъ ли собой положительныя стороны этой точности стороны отрицательныя?

Мнѣ скажутъ: но вѣдь результатъ этой точности вся великолѣпная культура 19-го и 20-го вѣка. Но культура должна строиться не для великолѣпія, а для *счастья* людей. А кто рѣшится утверждать, что она принесла людямъ счастье?

Пропуская наше сознаніе черезъ узкую щель однихъ матерьяльныхъ интересовъ, позитивизмъ сдѣлалъ его дѣйствительно очень отчетливымъ; но въ то же время онъ закрылъ отъ насъ весь великій міровой просторъ, изъ котораго человѣческая душа черпаетъ свои вдохновенія, а безъ вдохновенія она можетъ только умирать, а не жить.

Мало того, сдѣлавъ наше сознаніе столь ограниченно отчетливымъ, позитивизмъ сдѣлалъ его въ то же время *невѣрнымъ*: когда смотришь на міровыя событія сквозь щель, теряешь всѣ вѣрные размѣры и всѣ соотношенія, вниманіе невольно устремляется на тотъ крошечный отрѣзъ, въ которомъ самъ человѣкъ, его собственное *я*, его личныя эмоціи и вкусы являются центромъ міра; эгоизмъ разрастается неизбѣжно, всѣ личныя переживанія получаютъ болѣзненную остроту и преувеличенное значеніе, самолюбіе и личная чувствительность пріобрѣтаютъ колоссальные размѣры, а воспріимчивость къ тому, что переживаютъ другіе, атрофируется. Благодаря этому, между человѣкомъ и его окружающими обрываются живыя нити взаимной симпатіи и довѣрія, исчезаетъ вѣрное пониманіе другой души, возникаетъ пессимизмъ, нравственное одиночество.

Самымъ вѣрнымъ средствомъ для борьбы съ этимъ настроеніемъ вырожденія—къ сожалѣнію широко распространеннымъ среди нашей молодежи,—является *развитіе и укрѣпленіе эмоцій любви.*

Необходимо провести черезъ сознательную тонкую культуру всѣ свои отношенія къ ближнимъ, къ членамъ своей семьи, къ товарищамъ, знакомымъ, и—можетъ быть—болѣе всего къ своей возлюбленной. Въ любви мужчины къ женщинѣ и женщины къ мужчинѣ какъ въ сильномъ свѣтовомъ фокусѣ сходятся *всѣ* эмоціи любви. Въ лучахъ этого свѣта человѣкъ временно преображается: онъ дѣлается красивѣе, смѣлѣе, глубже, благороднѣе, подъ ихъ животворнымъ вліяніемъ проясняется его пониманіе, углубляется его сочувствіе. Такое расцвѣтаніе и хорошеніе неизбѣжно у человѣка влюбленнаго; но оно вспыхиваетъ на короткое время и быстро угасаетъ, потому что любить постоянно *совершенной любовью*—мы еще не въ состояніи.—Отчего влюбленный человѣкъ хорошѣетъ? Потому что черезъ него начинаетъ просвѣчивать тотъ свѣтъ Божественной Любви, въ которомъ и источникъ, и тайна всякой красоты, земной и небесной.

Тотъ же свѣтъ свѣтитъ въ праведникахъ и святыхъ, только въ нихъ онъ горитъ ярче и не погасаетъ, какъ у людей несовершенныхъ.— Вспомнимъ Франциска Ассизскаго, Іоанна Дамаскина, о. Зосиму Достоевскаго. Художники, видящіе дальше другихъ, изображаютъ ихъ свѣтлыми, любовно раскрытыми для всѣхъ и для вся. Святые—тѣ же влюбленные, только они влюблены въ Бога и въ красоту его Творчества. Это—лишь разныя ступени любви, и чѣмъ любовь выше и безкорыстнѣе, тѣмъ продолжительнѣе и полнѣе счастье любящаго. Не даромъ создалось прозвище „блаженный". Душа народа, творящая языкъ, угадываетъ великія тайны и намекаетъ на нихъ въ аналогіяхъ.—Этой преемственности человѣческой любви отъ высочайшаго Источника жизни моралисты совсѣмъ не улавливаютъ. Смѣшивая животное влеченье съ человѣческой любовью, они клевещутъ на человѣка: какъ только онъ поднялся надъ животнымъ состояніемъ, онъ уже *не можетъ* грѣшить противъ закона своей души безъ стыда и безъ тяжелаго недовольства собой.

И въ этомъ смѣшеніи повинны не только узкіе моралисты или морализирующіе аскеты, но и такіе свѣтлые умы, какъ нашъ Л. Н. Толстой. Когда онъ прикасается къ этому вопросу въ своихъ романахъ и статьяхъ, *) онъ повторяетъ такую же клевету на человѣка.

Онъ раздѣляетъ *нераздѣлимое*, беретъ одну физіологическую сторону любви, наводитъ на нее электрическій свѣтъ своего огромнаго таланта, а весь невидимый огонь любви, все ея огромное психологическое содержаніе, весь трепетъ повышеннаго темпа жизни, всю гамму человѣческихъ эмоцій, отъ пламеннаго горѣнія до свѣтлыхъ слезъ восторга, всю вдохновляющую и героическую силу любви, куда отводитъ онъ все это?—Не удивительно, что ему кажется „гадкимъ" это искаженное, искусственно созданное представленіе о любви.

Закончу словами автора той же книги *Tertium Organum*: „Огонь любви, въ которомъ сгораетъ человѣчество, это—*огонь жизни*, огонь *вѣчнаго обновленія*. Моралисты съ удовольствіемъ загасили бы этотъ огонь, съ которымъ они не знаютъ что дѣлать и котораго боятся, чувствуя его силу и власть. И они дуютъ на него, не понимая, что это—*начало* всего... Если рожденіе идей есть свѣтъ, идущій отъ любви, то этотъ свѣтъ идетъ отъ *большаго огня*. И въ этомъ непрестанномъ огнѣ, въ которомъ горитъ все человѣчество, вырабатываются и утончаются всѣ силы человѣческаго духа и генія".

Другъ читателя.

---

*) „Крейцерова соната", „Половая похоть".



Письмо изъ Адьяра.

По пути въ Адьяръ.

Съ осени текущаго года я перестала удивляться быстротѣ того теченія, которое уносило меня все дальше и дальше отъ условныхъ удобствъ большихъ городовъ въ даль невѣдомой жизни, принимавшей въ близкихъ возможностяхъ осуществленія то очертанія золотыхъ куполовъ, сверкавшихъ за прочной оградой, то форму густой рощи, за которой свѣтится заря. Пароходъ, на которомъ мнѣ предстояло прожить 22 дня, представлялъ собою прочное судно для перевозки груза и принадлежалъ компаніи австрійскаго Ллойда. Благодаря его массивному сложенію, движеніе воды было едва замѣтно на немъ; зато путешествовать приходилось семь дней дольше, чѣмъ на пассажирскомъ, скороходномъ пароходѣ. Итакъ, 27 сентября (по новому стилю) я взобралась на палубу „Erzherzog Franz Ferdinand", на которой мнѣ предстояло впервые познакомиться воочію, какъ съ китами, летучими рыбами, огромными медузами и прочими морскими чудовищами, такъ и съ личностью европейскихъ миссіонеровъ, ѣдущихъ учить Индусовъ умѣнію праведно жить.

Трое изъ нихъ принадлежали къ Ордену іезуитовъ; они курили большія сигары, пили виски и вино, потребляли въ большомъ количествѣ мясо и крѣпкія приправы и неодобрительно поглядывали на русскую даму, бравшую только зелень и фрукты изъ множества подаваемыхъ ей блюдъ. Наконецъ, они отечески

замѣтили ей, что при такомъ режимѣ она не выдержитъ климата Индіи и одного года, ибо Европейцу нужно пить и ѣсть вдвое больше въ Индіи, чѣмъ въ Европѣ, чтобы поддержать свои силы. Воспользовавшись этимъ случаемъ, русская дама поспѣшила спросить, преуспѣваетъ ли миссіонерское дѣло въ Индіи.

„Видите-ли“, съ видимой охотой сказалъ старшій священникъ, уже двадцать лѣтъ пробывшій въ Индіи, „Индусы, безспорно, народъ религіозный, но они крайне поверхностны, не вдумчивы“...

„Неужели?“ искренно удивилась я; „чему же приписать глубину ихъ священныхъ Писаній, богатство и тонкость ихъ литературы, глубокій символизмъ ихъ культа, совершенство ихъ философскихъ школъ?“...

„Заблужденіе, дитя мое, страшное заблужденіе; повѣрьте мнѣ, хотя я книгъ ихъ не читалъ, но это дутая слава, нездоровое направленіе умовъ, стремящихся признать все чужое лучше своего. Надѣюсь, что вы не исповѣдуете новую теологію, необуддизмъ, альтруизмъ?“...

„Альтруизмъ“, робко переспросила я, удрученная негодующимъ тономъ собесѣдника и предчувствуя горькія слова осужденія, „альтруизмъ, мнѣ кажется, что“...

„Я такъ и зналъ; теперь это въ модѣ; да скажите пожалуйста, дитя мое, читаете ли вы Евангеліе“?

„Читаю“.

„Въ такомъ случаѣ вы должны помнить, что въ немъ сказано: возлюби ближняго, какъ самого себя. Это ясно означаетъ, что нельзя любить другихъ *больше* самого себя и что о себѣ самомъ совсѣмъ не слѣдуетъ забывать“...

„Жертва“...

„Опять вы невѣрно толкуете. Жертва возможна для Бога, такъ какъ Онъ совершененъ, а человѣкъ только Его подобіе. Неужели вы думаете, что если мы исповѣдуемъ религію Христа, то мы не должны защищаться отъ разбойниковъ или что мы должны возставать противъ войны? Ну, конечно, я такъ и зналъ“.

„Въ Геѳсиманскомъ саду“...

„Ахъ, оставьте, то былъ Христосъ, а мы человѣки. Отъ насъ совершенства не требуется. Я вижу, что вы совсѣмъ не отдаете себѣ отчета въ томъ, что самое главное для вѣрующаго человѣка“...

„Примѣръ, жизнь въ согласіи съ исповѣдуемымъ идеаломъ“...

„Совсѣмъ нѣтъ; правильное толкованіе священныхъ Писаній; истина, какъ вамъ извѣстно, одна, и пребываетъ она въ лонѣ Католической Церкви“.

Тутъ внезапно изъ воды показался хвостъ такой огромной рыбы, что всѣ пассажиры бросились къ борту и разговоръ о единой истинѣ такъ и остался на этотъ разъ неоконченнымъ.

. . . .

„Какъ долго, однако, вы бесѣдовали вчера съ іезуитами", подсѣла ко мнѣ на слѣдующій день англичанка-миссіонерка; „навѣрное, они говорили вамъ много дурного про насъ, а между тѣмъ, тамъ, гдѣ католики, непремѣнно раздоръ и интриги. Знаете ли, какъ они дѣйствуютъ въ голодные годы? Они даютъ Индусамъ деньги, а потомъ отнимаютъ у нихъ поля и имущество, если Индусы отказываются принять Христіанство. Впрочемъ, что можно ожидать отъ католиковъ, съ ихъ извращеннымъ пониманіемъ священныхъ писаній?!"

„Вчера мнѣ сказалъ католическій патеръ", отвѣтила я, любуясь плывущими мимо медузами, „что истина пребываетъ въ лонѣ Католической Церкви".

Англичанка звонко разсмѣялась. „Говорить, конечно, можно что угодно. Вѣдь истина едина и въ двухъ мѣстахъ заразъ быть не можетъ. Мы, протестанты, дѣйствуемъ совсѣмъ иначе".

„Разскажите мнѣ, пожалуйста, въ чемъ состоитъ ваша миссія?"

„Охотно; прежде всего, мы учимъ Индусовъ десяти заповѣдямъ".

„А какую изъ нихъ, по вашему, Индусы исполняютъ хуже насъ?".

„Вы шутите? Да всѣ, кромѣ первой, пожалуй, такъ какъ они безспорно очень религіозны".

„Я слышала, что число преступленій значительно больше въ Европѣ, что алкоголизма почти не существуетъ въ Индіи, что сыновнее чувство возведено въ этой странѣ почти въ культъ и что нарушеніе его, какъ свидѣтельствуютъ священныя писанія и литература Индусовъ, карается наиболѣе сурово богами"...

Въ это время мимо насъ проплыло нѣчто похожее на огромную черепаху, а на солнцѣ заблестѣла цѣлая стая летучихъ рыбъ, что послужило поводомъ миссіонеркѣ прервать бесѣду.

Красное Море. Нестерпимая жара; всѣ вентиляторы, горизонтальные и вертикальные пущены въ ходъ; какъ крылья громадныхъ летучихъ мышей, они со свистомъ и стономъ вертятся надъ столомъ обѣдающихъ, взвивая прилипшіе къ вискамъ волосы и придавая всѣмъ смѣшной и безпомощный видъ.

Ночью тѣло прилипаетъ къ подушкѣ, къ простынямъ, пальцы слипаются другъ съ другомъ, влажное бѣлье мучительно раздражаетъ кожу. Отъ береговъ раскаленной Аравіи и пустыннаго Египта вѣетъ безпощаднымъ, истребительнымъ зноемъ, не дающимъ возможности на землѣ ничему расти. Нигдѣ не видать зелени, травы, деревца.

Истомленные путешественники молчаливы; нѣкоторые не встаютъ больше съ откидныхъ креселъ, двое больны, пала лошадь и трупъ ея выбросили въ море.

Но вотъ мы обогнули край Аравіи и въ Индѣйскомъ Океанѣ повѣяло прохладой. Всѣ лица оживились, патеры опять принялись за вино...

Однажды, я сидѣла на палубѣ въ креслѣ и размышляла о своей сложной, какъ мнѣ казалось, кармѣ, какъ вдругъ услышала знакомый голосъ.

„Можетъ быть, вы мечтаете о всемірномъ братствѣ? *Никогда*, слышите ли, *никогда* этого не будетъ, пока всѣ не станутъ католиками“...

Неизвѣстной породы птичка съ ярко желтымъ брюшкомъ избавила меня отъ необходимости отвѣта, такъ какъ на пароходахъ дальняго плаванія каждое появленіе живого существа отвлекаетъ вниманіе отъ разговора, чтенія или игры и временно отодвигаетъ всѣ остальные интересы на второй планъ.

Однажды утромъ, мы тихо пристали къ берегамъ Индіи, на нѣсколько часовъ раньше предполагаемаго срока. Къ этому времени я уже давно стала убѣжденной поклонницей сквозняковъ и вѣеровъ; въ Бомбеѣ же я стала еще поклонницей англійскаго tub'a; я велѣла поставить его посреди комнаты, каждый часъ опускалась въ этотъ огромный чанъ и обливалась холодной водой, стараясь въ этотъ короткій промежутокъ времени представить себѣ, что я въ Россіи и что идетъ снѣгъ.

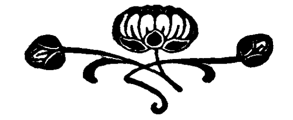
Черные слуги предупредительно и трогательно ухаживаютъ за Европейцами; женской прислуги совсѣмъ нѣтъ. Темнокожіе слуги, неслышно ступая босыми ногами по каменному полу огромной столовой, по малѣйшему движенію руки или глазъ догадываются о вашемъ желаніи.

На слѣдующій день мчусь дальше на югъ; пью горячій чай въ самые жаркіе часы дня, торговцы странныхъ игрушекъ, сосудовъ и духовъ заглядываютъ въ вагонъ иностранной лэди, лежащей на диванѣ съ двумя вѣерами въ рукахъ. Тридцать шесть часовъ ѣзды въ вагонѣ-клѣточкѣ съ продольно стоящими дива-

нами и за полчаса до Мадраса—длинная и скучная остановка для выдачи пассажирамъ свидѣтельства о томъ, что въ Бомбеѣ чума и что за ними будетъ учрежденъ дальнѣйшій надзоръ. Шесть часовъ утра. Зелень большого южнаго города.

Экипажъ катитъ вдоль улицъ съ низкими домами, въ то время, какъ сердце начинаетъ учащенно биться и глаза внимательно вглядываются въ даль. Но вотъ, по ту сторону длиннаго моста замелькали бѣлыя постройки Адьяра. Еще мигъ и мой экипажъ въѣзжаетъ въ пальмовую аллею, мягко катитъ по красному песку и подвозитъ меня къ огромному строенію, на бѣлыхъ ступенькахъ котораго ярко выступаютъ фигуры чернокожихъ людей. Я въ Адьярѣ.

М. К.



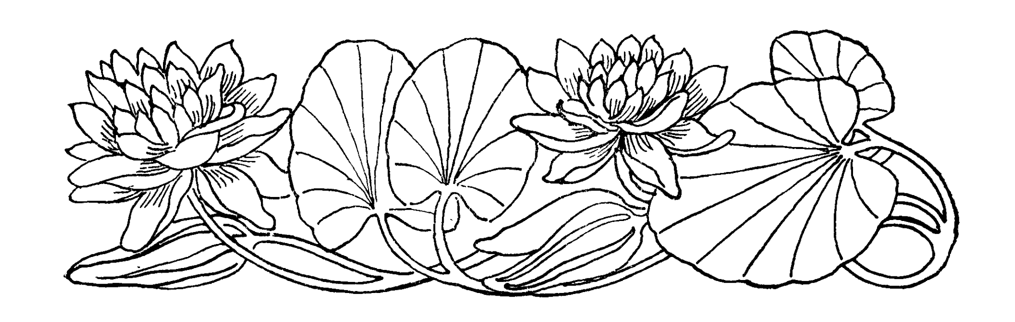
Нѣтъ большаго преступленія, какъ признавать похоть позволенной.

Нѣтъ большаго несчастія, какъ не умѣть довольствоваться.

Нѣтъ большаго порока, какъ желать пріобрѣтать.

Если самъ себѣ не вѣришь, то и тебѣ никто не повѣритъ.

(Изреченія „Л а о - Т ц е“).



Отдѣлъ духовныхъ исканій.

Среди древнихъ храмовъ.

Н. Гернетъ.

O jeunesse du monde!
(Leconte de Lisle).

На зарѣ человѣчества, послѣ безплотной „первой“ Расы, обитавшей „Вѣчный“ Островъ, бывшій на—*тогдашнемъ*—Сѣверномъ Полюсѣ, и „второй“ Расы на Гиперборейскомъ Континентѣ, гдѣ расли тогда пальмы и вѣчно сіяло Солнце, „божественной, счастливой Гипербореѣ“ Грековъ съ ея призрачными человѣческими формами, народилась третья Раса Лемуріи. Громадный Континентъ, погибшій отъ огня, простирался отъ Борнео далеко за Мадагаскаръ до „Острова Пасхи“, захватывая Цейлонъ—бывшіе горные хребты и величайшія вершины его, теперь острова, все еще живущіе. Что было его религіей? Только въ древнѣйшихъ сказаніяхъ Оккультистовъ Востока, и то смутно, указывается на довольно высокую цивилизацію Лемуріи, на большіе города, гдѣ были даже школы и храмы, на селенія, гдѣ приручались гигантскія животныя „допотопнаго“ типа,—на колоссальное, тяжелое, человѣко-подобное существо, которымъ руководили Великіе Учителя, сыны эволюцій другихъ міровъ—будущіе полу-боги легендъ, и даже ихъ боги! Храмы имѣли странныя, сказочныя формы—и понынѣ сохранилась священная лѣстница на одно изъ ихъ возвышеній, нынѣ холмъ, завершающій „Островъ Пасхи“ надъ водами Океана—усѣянный статуями Тѣхъ, Кто когда-то велъ юное человѣчество къ свѣту *).

---

*) Pierre Loti: „Записки мичмана“. Фотографія статуй въ „Lemuria“ (нѣмецк. перев.).

* * *

Душой одной постигнуть
можно душу!

Въ глубинѣ темныхъ тропическихъ лѣсовъ Мексики, въ концѣ XVII вѣка, о. Францискомъ Ximenez, доминиканцемъ, въ бургадѣ Св. Өомы была открыта дивная книга, рукопись. Другой монахъ перевелъ ее *). Въ 1849 г. ее увидѣлъ французъ, аббатъ Brasseur de Bourbourg и издалъ ее съ параллельнымъ французскимъ и мексиканскимъ (индійскимъ) текстомъ, въ 1861 г. въ Парижѣ.

Эта книга называется книгой „Лазурнаго Покрова"—„Пополь-Ву" книга народа—предка тѣхъ, кто передалъ ее испанскимъ монахамъ.

„Это *первая* книга, написанная въ давнія, давнія времена... Но видъ ея скрытъ отъ того, кто думаетъ, кто видитъ..." Она постигается душою, Будди. То была религія „человѣка душевнаго", еще не духовнаго.

Пополь-Ву раздѣленъ на четыре части, и въ первыхъ двухъ это точный списокъ древняго Пополь-Ву, вѣроятнаго оригинала „Тео-Амокстли" („божественной книги Толтековъ", т. е. буквально первой священной книги на землѣ, доступной всѣмъ людямъ).

. . . .

„То разсказъ о нашемъ существованіи въ странѣ мрака и о выходѣ на свѣтъ къ жизни", о томъ „какъ дѣлалась... параллель Неба и Земли на четырехъ концахъ (земли)"—

Были пусты небеса и воды **)...

Создатель—Владыка Лазурной Поверхности ***)...

Ни звука, ни тренія, ни колебаній, ни равновѣсія, ничто не цѣплялось за другое—тѣла не было.

Создатель—Змій пернатый, изумрудный ****).

Тѣ, кто далъ существо (срав. Станцы Т. Доктр.), уже на водахъ горя, какъ растущій свѣтъ... Ихъ объялъ цвѣтъ *зелени и лазури*—(срав. „Т. Доктр." символическіе цвѣта Высшаго и Низшаго Манаса). Это великіе мудрецы—Небо есть.

„Сердце Неба—это титулъ Бога.
И явилось съ Нимъ Слово Его.
Слова слились... стало свѣтло".

. . . .
. . . .

*) Оригиналъ въ музеѣ Мексико.

**) См. начало „Голубиной (Глубинной) книги".

***) См. „Т. Доктр.": ауры, солнца и земли—голубыя.

****) Инки-цари носили въ коронѣ зеленый малахитъ.

Съ мигомъ Зари родился человѣкъ.

Сердце Неба и Сердце Земли создаютъ словомъ, говоря; „Да звучитъ отъ васъ Наше имя, чествуйте насъ, вашихъ Матерь и Отца“.

. . . .

Ритуалъ (тайное пѣснопѣніе) начинается словами языка, нынѣ невѣдомаго: „Tulan yan hululaez...“ Пополь-Ву учитъ о Единствѣ Бога, о семи символическихъ герояхъ, спасшихся отъ „наводненія“ (перваго, „Великаго“ потопа?). Мудрецы, принесшіе первую цивилизацію Мексики, были „съ Востока“ (т. е. изъ лежавшей на Востокѣ Атлантиды?) „племени Нахюатль „изъ расы Толтековъ.“ Они и оставили послѣ себя Пополь-Ву, „священную книгу, говорившую начальникамъ среди ночной тишины.“ Но насталъ день, когда мудрецы были отозваны „на Востокъ“ и ушли, давъ обѣтъ „вернуться въ будущемъ.“ Всѣ они были „зміи, сыны зміевъ“ (древній знакъ посвященія) и одинъ изъ нихъ, во время пребыванія въ Мексикѣ, „проходитъ подземелье, въ которомъ онъ уже былъ“ (т. е. второе посвященіе).

. . . .

Вожди—Адепты изъ „Града Золотыхъ Воротъ“, столицы Атлантиды, ушли—и народъ остался подъ сѣнью ученія ихъ.

Пополь-Ву такъ описываетъ „Зинмо Тулла“ (Мексику милліонъ лѣтъ назадъ *): „Ленъ родится въ ней всѣхъ цвѣтовъ, птицы въ лѣсахъ сверкаютъ перьями, цвѣтутъ пахучія розы, сіяетъ прозрачный изумрудъ, и бирюза, и золото, и серебро мерцаютъ тамъ.“

Надъ этимъ земнымъ раемъ властвовалъ, у Natchy, вождь, названный Солнцемъ, власть его раздѣляла Женщина Правитель, всегда его ближайшая родственница. Правители, у Толтековъ, были трое „на трехъ ступеняхъ трона“, четвертымъ былъ „наслѣдникъ“ или главный священнослужитель, по прообразу трехъ „мужскихъ“ божествъ и „Матери Боговъ“ (Xochise), „Цвѣтка“ (наша славянская Лада съ цвѣткомъ, Изида съ Лотосомъ. Но чудная страна поклонялась Единому Богу: „Единъ Могучій создавшій боговъ и вѣчно живущій по кончинѣ ихъ“ (прабогъ и прабоги Славянъ). Въ Немъ она поклонялась троицѣ. „Тотъ, Кто вверху“ это и въ троицѣ Эдды „Сильный вверху“, „Равно Ему высшій“ „Высшій“ (см. Озанам'а). О Немъ Пополь-Ву говоритъ: Люди не смѣютъ дать Ему Имя“,—Египетъ говорилъ: „Тотъ, о Комъ не говорятъ!“

Мексика знала еще Ig, воплощеніе Тецкатли, т. е. „дымящагося зеркала“ (прообразъ зеркала на алтаряхъ Шинто?).

*) По Платону Poseidonis, послѣдній островъ Атлантиды, погибъ 12.000 лѣтъ назадъ.

Вездѣ по краю стояли—стоятъ и теперь—teocalli, усѣченныя пирамиды, по индійски Нанне-Я (дома Бога). На нихъ молились на зарѣ или на террасахъ домовъ, въ то время, какъ жены бросали въ очагъ thym, прежде чѣмъ приблизиться къ нему... Въ Боямѣ былъ храмъ со статуей о трехъ главахъ.

. . . .

Передъ восходомъ Солнца Новой Манвантары, когда на водахъ темнаго пространства легъ первый зеленый лучъ... Когда не было ни „солнца, ни луны и звѣзды были подъ покровомъ“, боги создали „изъ глины“ первыхъ людей. Они были „какъ мякоть,“ не стояли, не могли повернуть головы, ни „видѣть *сзади*“ („третьяго“ глаза Лемуровъ не было). Ума у нихъ не было. Боги призвали на помощь *) мага и его жену. Тѣ сдѣлали деревянныхъ людей, тоже безъ ума, безъ сердца, хоть не безъ языка.

Тогда вздулись воды и поглотили ихъ. Отъ нихъ пошли обезьяны.

Тутъ Пополь-Ву дѣлаетъ странное отступленіе. Передъ разсказомъ о твореніи „настоящихъ людей“, онъ излагаетъ исторію посвященія Хунальпу и Кебаланке, полу-боговъ. Вокругъ нихъ уже цѣлая цивилизація. Чья же, гдѣ? Въ Пополь-Ву чуется за „Лазурнымъ Покровомъ“ близость „первыхъ временъ“, жизнь пришлая съ другихъ планетъ, вѣка, когда „солнце всходило на западѣ...“

Тутъ выступаетъ таинственный градъ Xibalba (Ксибальба). Le Plongeur видитъ въ немъ лежащее въ руинахъ Palenqué... но это ничѣмъ не доказывается. Въ немъ находилось средоточіе жизни страны, храмъ „Домъ Мрака“, названный „Сердце народа“, для посвященій и храмъ Игры въ Мячъ (какъ у Басковъ), куда проникали лишь принцы крови.

Въ Uxmal'ѣ, столицѣ (какъ и Chichen Itza), Св. Святыхъ храма имѣетъ форму креста (руины еще стоятъ); на фасадѣ дворца въ Chichen Itza вырѣзанъ крестъ. Во дворцовомъ храмѣ Uxmal'я лѣсенка ведетъ къ потолку (извѣстное испытаніе въ посвященіи челы, который долженъ силой воли выйти изъ тѣла на послѣдней ступени и пройти астрально черезъ потолокъ). На западной сторонѣ семь комнатъ для Мистерій. Семь было „числомъ“ „третьей“ степени Мистерій племени Майя.

Титулъ высшаго жреца: Хакмакъ,—истинный человѣкъ.

И вотъ въ Xibalb'у полу-боговъ, братьевъ позвали „Крылатые посланники“. Юноши пошли, гонцы летѣли передъ ними. По страшнымъ высямъ, между безднами, ихъ путь сходилъ къ Xibalb'ѣ. Вотъ

*) Срав. „Тайн. Доктр.“.

передъ ними четыре дороги: Черный путь обманываетъ ихъ, они гибнутъ, но воскресаютъ. На своемъ лукѣ они переплываютъ потоки 1) грязи и 2) крови. Снова четыре пути: бѣлый, красный, зеленый и черный. Они достигаютъ Xibalb'ы и предстаютъ передъ ея двѣнадцатью принцами.

Въ храмы и ко двору Xibalb'ы и Uxmal'я стекались народы, даже „Ассирійцы и Афганцы" (что можно отнести лишь къ историческому Uxmal'ю). Одинъ изъ принцевъ носилъ имя Паталъ, т. е. то, которое Индусы даютъ теперь выходцамъ изъ Афганистана!.. Страшные, таинственные властители Xibalb'ы подвергаютъ братьевъ ряду испытаній и игрой въ мячъ—который указываетъ имъ крыса, когда-то спасенная юношами отъ гибели—и въ „Домѣ Мрака", гдѣ ихъ запираютъ въ темную ночь, среди благоуханія дворцовыхъ садовъ... Но элементы, звѣри, даже боги, повинуются героямъ, особенно помогаютъ имъ муравьи—что какъ будто указываетъ (для теософа) на принадлежность братьевъ-героевъ къ іерархіи планеты Венеры, откуда по преданію муравьи принесены на землю въ Атлантиду.

Наконецъ ихъ сжигаютъ (на „горѣ огня") и бросаютъ ихъ кости въ воду. Изъ воды они воскресаютъ какъ *люди-рыбы*... Они возвращаются ко двору Xibalb'ы подъ маскою двухъ странниковъ и, послѣ магическаго представленія передъ принцами, хитростью убиваютъ ихъ.

. . . .

Въ Мексикѣ, какъ и въ Атлантидѣ, Бѣлая Магія торжествуетъ.

Созданы „первые четыре человѣка" (т. е. первыя четыре Расы), „мужы и жены, полные красы и генія," „видѣвшіе все, что скрыто". Тогда боги находятъ, что эти люди слишкомъ „божественны" и „укоротили ихъ зрѣніе."

Еще „въ Царство Мрака" люди размножились, но тогда цивилизаціи еще не существовало и алтарю боговъ „еще не поклонялся никто".

Новые люди идутъ въ „Городъ Семи Гротовъ" (городъ Золотыхъ Воротъ съ его семью частями?). Они приносятъ себѣ оттуда „Ковчегъ" и „боговъ." Богомъ ихъ стала „Тѣнь ихъ Создателя..." Служенію храму было посвящено племя Тохиль, державшее постъ и бдѣніе „до утренней звѣзды." „Языки семи племенъ раздѣлились, но у Тохиль осталась мудрость великая" и другіе подчинились имъ. Сказано, что они „пришли изъ-за моря, но тогда моря не было" (Атлантида существовала). „Ночь же все еще длилась?" До нашихъ дней одинъ холмъ называется „Тохиль" и съ двумя другими (Тохиль, Авилка и Мамонъ „Мѣсто Зари Тохиля", гдѣ „Богъ говорилъ съ ними."

И вотъ Заря занялась. Люди воскурили фиміамъ. Поднялось Солнце „и великіе звѣри окаменѣли" (срав. „Тайн. Доктр." Станцы. Потопъ Мексики не коснулся). Князья „оставили слѣды въ камняхъ" народу, а сынамъ „скрытое величіе, чей ликъ никто не узрѣлъ."

Молодые принцы ѣздили „принимать посвященіе" „у великаго Монарха Востока" (въ городъ Золотыхъ Воротъ?). Пополь-Ву даетъ только детали посвященія, приготовлены „балдахинъ въ четыре яруса," „арка для Царя Царей" („ahan apap"), порошки разныхъ цвѣтовъ *), камень бѣлѣе мѣла „для тайнаго употребленія во время помазанія на царство" и раковины „тотъ."

Одинъ изъ жрецовъ („Ара огня"—ара рѣдкая, священная птица, т. е. жаръ-птица, фениксъ) своею волею сводилъ на алтарь съ неба священный огонь. Когда держался постъ, группы служившихъ у алтаря и молившихся были 9, 13, 17. Интересно, что на языкѣ Нахюатль „говорить" и „царствовать"—одно слово.

Въ Ка-ба-хѣ (Cahba-ha) „фонтанъ цвѣтовъ" былъ священный камень, которому цари поклонялись. Iuarros говоритъ, „онъ былъ черный, блестящій какъ зеркало, въ немъ боги отвѣчали на вопросы видимыми образами."

Донынѣ въ Рабинамѣ существуетъ родъ Измалехъ (Измалхи) изъ семьи древнихъ этихъ принцевъ Мексики. Типъ у нихъ „совершенно восточный." Одинъ изъ потомковъ принцевъ Luiché, на берегахъ „Нила" (Luiché: „мирнаго", рѣки, свергающейся съ Кордильеръ Центральной Америки и впадающей въ Тихій Океанъ) записалъ Пополь-Ву испанскими буквами и такъ сохранилъ ее.

А у Кордильеръ, среди руинъ на Амазонкѣ высятся скалы съ надписями—рунами (Liuché: руна человѣкъ) и на одной скалѣ отпечатокъ ноги учителя Сугализо, указавшаго племенамъ Мексики и Юга носить на мантіяхъ кресты...

До сихъ поръ по всей долинѣ отъ Зену до Антіохіи видны холмы надгробные князей тѣхъ временъ, и надъ ними золотые колокольчики священнаго дерева сеёва звучатъ о погребенныхъ тайнахъ..

*) Такіе „порошки" употреблялись въ старинныхъ храмахъ первыхъ Славянъ на Руянѣ, существовавшихъ до Арконы. Арабы упоминаютъ о нихъ, они были „изъ коралла" (по цвѣту стѣнъ? Храмъ Арконы тоже былъ красный) и построены по указанію краснокожихъ людей, „выкинутыхъ моремъ съ дальняго острова" (Poseidonis?). Они-ли привезли и культъ Нерты съ ея озеромъ, въ которое бросались добровольно. какъ въ вѣчно зеркальный прудъ у храма Chichen-Itza? И невидимые колокола, звучавшіе въ куполѣ храмовъ на Руянѣ, были-ли эмблемой священныхъ цвѣтовъ Ceïb'ы, того мірового огнецвѣта, что вѣчно возрождается въ культахъ народовъ, пока не закроется Лотосъ Жизни, заронивъ въ „глубину невѣдомаго" сѣмя Будущаго Космоса.

Шинто.

Лишь зеркало на алтарѣ
Шинто- -
Кто ищетъ путь себя онъ
видитъ!

За тысячи водныхъ верстъ отъ руинъ въ Мексиканскихъ лѣсахъ Дальняго Запада, среди манерной японской природы, за озерами, отражающими ирисы за навѣсами глициній прячутся храмы древнѣйшей религіи Дальняго Востока: Шинто. За портикомъ съ рогами, Тойри (такими же какъ, у храмовъ Атлантиды), каменные львы у доступа къ главному храму—преддверіе и „внутреннее святилище" одинаково пусты, бѣлы, чисты.—На алтарѣ, надъ цвѣтами, брошенными въ жертву—серебряное зеркало—„Гляди въ свою душу утромъ и вечеромъ"...

Когда-то, въ такъ и оставшейся неразгаданной религіи Этрусковъ, юноши съ вѣнцомъ „посвященія" на главѣ смотрѣли въ такія-же зеркала. Это были „проявленія Космоса, отраженіе въ земной матеріи Божественнаго человѣчества" (Одно изъ нихъ мнѣ пришлось держать въ рукахъ въ этрусскомъ музеѣ Болоньи, гдѣ еще стоятъ дивныя терракотовыя вазы съ священными эмблемами и сценами, черными по красному, и черный драконъ—химера).

Зеркалу Шинто служатъ бонзы въ бѣлыхъ одеждахъ и поютъ длинныя молитвы на языкѣ неизвѣстномъ ни имъ, ни паствѣ.

Shin (японское произношеніе, кит. „шенъ"—богъ) и „То"—путь, слово, разумъ, т. е. тео--логія, Теологія безъ догматовъ, знающая лишь необходимость очищенія какъ Ками--святые, боги, герои старины.

Въ древней японской легендѣ о Ками „Kosiki" сказанія о сотвореніи міра тѣ же, что въ Пополь-Ву. Неудачныя попытки создать человѣка. Затѣмъ прекрасная принцесса Сузери даритъ своему жениху шарфъ, охраняющій „отъ змій".—Съ нею онъ идетъ въ „Домъ змѣй" (Мрака?). Змѣи, Осы (въ Пополь-Ву летучія мыши) и принцы повинуются ему. При испытаніи нахожденіи стрѣлы (мяча) ему помогаетъ крыса, (крыса Пополь-Ву.),выносящая ее изъ болота („потока грязей" Пополь-Ву). Вокругъ болота вспыхиваетъ огонь, но замираетъ и полу-богъ выходитъ побѣдителемъ изо всѣхъ испытаній.

. . . .

Рядомъ съ Японіей, съ „странѣ Утренняго Благоденствія"—стоитъ загадочный „Тронъ Луны", но династія Луны, занимавшая его тысячелѣтія въ темно-красныхъ залахъ, носившихъ цвѣтъ жертвеннаго Камня яшмы на teocalli Атлантиды, забыла прошлое ученіе и потеряла

прошлую силу. Осталось лишь бѣлое одѣяніе и странный лунный пейзажъ на стѣнахъ за трономъ. До нашего времени живетъ ученіе Китая, древнѣйшая изъ его философій,—хотя вновь изложенная въ „историческія“ времена —Тао, ученіе о пути. Когда-то, когда шло составленіе Китайскихъ алфавитовъ, второй по счету былъ сдѣланъ „по образцу звѣздъ“ и этимъ „звѣзднымъ“ шрифтомъ было начертано Тао.

Тао не религія, это смыслъ религіи—„Дверь, открытая въ Изумленіе“, въ „Глубину“... внѣ путей человѣчества. Недаромъ Конфуцій сказалъ о Лао-це, создателѣ Тао: „Мы не понимаемъ Дракона,—я не понимаю Лао-це“.

Это „несообщимое“, „высшее“ что можно

Душой одной постигнуть...

И за плантаціями чайныхъ деревьевъ, въ свѣтлыхъ стѣнахъ монастырей Китая, подъ именемъ Будды, все же созерцаютъ эту тайну Тао—а мы „не понимаемъ.“

О Друидахъ.

„Несообщимое“—это: высшій кругъ, жилище Божества въ единственной религіи древности, изъ тѣхъ, которыя уже хорошо извѣстны нашей наукѣ, но которая все еще—хотя не религіозно держится среди народа герцогства Уэльсъ, въ современной Англіи—религіи Кельтовъ—Друидовъ. Когда по всей Британіи зацвѣтаютъ daffodil и свѣтлымъ золотомъ заливаютъ подножіе еле распускающихся лѣсовъ Корнвалля собираются „барды“ на праздникъ валлійскій „Eistedfodd“. Они наслѣдники Друидовъ „2-ой ступени“, тѣхъ, что были каждый „весь искусство“. И христіанской истиной звучатъ имъ слова „Тріадъ“. Есть три Единицы Начала, не можетъ быть болѣе одной Единственности. Есть Одинъ Богъ, Одна Истина, одна точка свободы, равновѣсіе всякого противодѣйствія!

Это религія Езуса, Бога свѣта *). Онъ же былъ и Діана, женское Начало, Неизвѣстное „X“ Мексиканцевъ—(жена тѣнь свѣта“ Тайной Доктрины...)

Не станемъ излагать религію и культъ Друидовъ, сестру вѣры нашихъ предковъ Варяговъ, сестру вѣры нашихъ предковъ Славянъ—Дѣвы Судьбы, въ голубомъ одѣяніи ауры земной, въ черномъ хитонѣ Неизвѣстности, въ радужной одеждѣ ауры Кармической—Урда, Скульда, Верданди, все еще ткутъ судьбу человѣка, а „Необходимость“ прядетъ на брильянтовой прялкѣ о 1000 граняхъ судьбы народовъ, революцій и Царствъ.

---

*) При раскопкахъ подъ Notre-Dame въ Парижѣ нашли статую Езуса.

Каждая вѣра, говоритъ Фаррарь, сказала свое слово „Да, книга Лазурнаго Покрова сказала о сотвореніи, Тао о пути, Шинто о чистотѣ души, Зороастръ о чистотѣ жизни, Веды о Космосѣ, Египетъ о Величіи, Конфуцій объ умѣренности, Платонъ о гармоніи, Моисей о законѣ, Будда объ отреченіи, Христіанство о любви,—Магометъ о Единствѣ Бога... послѣ говорится объ Единствѣ всего...

И когда „слова сольются", снова „станетъ свѣтло" (Пополь-Ву).

Н. Г.



Огонь ставъ рѣчью и вошелъ въ уста; воздухъ сталъ жизнью и вошелъ въ ноздри; солнце стало зрѣніемъ и вошло въ очи; пространственныя направленія стали звуками и вошли въ уши; растенія и господа лѣсовъ стали тканью и вошли въ кожу; луна стала разумомъ и вошла въ сердце; смерть стала нисходящей жизнью и вступила въ низшее отверстіе; воды стали сѣменами и вошли въ сокровенныя мѣста.

Единый не есть господь страданія и причина радости. Путемъ размышленія вдумчивые люди познали силу Божественнаго, Который одинъ правитъ всѣми причинами, отъ времени до духа.

Въ источникѣ всей жизни, обширной основы всего, въ сферѣ колесной Брахмы долженъ двигаться приходящій и уходящій; но если онъ мыслитъ Единаго отдѣльно отъ почитаемаго колеса, то онъ освобождается отъ смерти.

Объ этомъ Брахманѣ сложилось пѣснопѣніе; въ Немъ трое: Онъ есть конечная основа за предѣлами всякаго тлѣнія. Когда познающіе мудрость познаютъ различіе этихъ четырехъ, претворяющихся въ Брахмѣ, то они сливаются съ Единымъ и освобождаются отъ матеріи.

(Изреч. изъ Упанишадъ).



Отвѣтъ человѣка религіи-знанія на 50 вопросовъ. В. Данилова (по поводу анкеты „Дух. Христ.“), ц. 10 коп. Авторъ даетъ отвѣтъ на тѣ 50 вопросовъ, которые въ 1910 г. выдвинулъ журналъ „Духовный Христіанинъ“ въ предпринятой имъ духовной анкетѣ. Эта брошюра интересна какъ выраженіе міровоззрѣнія человѣка, подписывающагося всегда какъ „человѣкъ религіи-знанія“. Въ нѣкоторыхъ отвѣтахъ слышится слишкомъ раціоналистическая и утилитарная нота, но многіе отвѣты не лишены глубокаго мистическаго пониманія духовныхъ истинъ. Интересно его опредѣленіе Бога. „Богъ—Духъ, Всемогущій, Творящій желанія, Бывшій до начала всѣхъ вѣкъ. Богъ не въ покоѣ, Богъ не въ личности, Богъ въ преодолѣваніи, Богъ въ творчествѣ. Бога нельзя создать, Бога нельзя придумать. Бога можно чувствовать и знать, можно чувствовать и вѣрить въ Него. На вопросъ: что есть Царствіе Божіе? авторъ отвѣчаетъ: „Царствіе Божіе внутри васъ. Это то покойное состояніе духа человѣческаго, когда человѣкъ подчинилъ звѣря своего подобію своему Всемогущаго Творящаго и сталъ на путь достиженія возможности совершенства Отчаго“... „Тысячелѣтнее Царство“ авторъ понимаетъ такъ: „Это союзъ истинныхъ сыновъ Божіихъ, воспринявшихъ въ себя Царствіе Божіе и созидающихъ Тѣло Христово, то есть союзъ, Церковь для спасенія міра. Она есть. Она невидима для душевнаго человѣка, ибо она не требуетъ внѣшнихъ формъ, она духовна и духомъ воспринимается. Ее чувствуетъ имѣющій благодать Духа Святаго“.

Разбирая молитву Господню, подъ хлѣбомъ насущнымъ авторъ понимаетъ нѐ только пищу тѣлесную, но и пищу духовную, которая „укрѣпляетъ насъ и приготовляетъ насъ къ непосредственному общенію съ Отцемъ нашимъ Небеснымъ“. Сущность христіанства онъ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ: „сущность христіанства воспитать изъ дѣтей Божіихъ совершеннолѣтнихъ сыновъ, способныхъ осуществить

въ условіяхъ земной жизни Царствіе Небесное, т. е. такой общественно-государственный строй, такія общественныя, семейныя и личныя отношенія, чтобы во всемъ святилось Имя Его, чтобы вездѣ было царствіе Его, чтобы всѣмъ управляло Слово Воли Его". Къ брошюрѣ приложена статья, подъ заглавіемъ: „Сущность и значеніе религіи въ жизни человѣка", въ которой авторъ зоветъ сочувствующихъ его взглядамъ къ организаціи общества религіознаго объединенія. Цѣль его во взаимномъ трудѣ достигать возможности духовнаго совершествованія.

Бабъ. Драматическая поэма изъ исторіи Персіи въ 5 дѣйствіяхъ и 6 картинахъ, И. Гриневской, ц. 2 руб. Драма-поэма эта посвящена Али-Мохаммеду, основателю крупнаго религіознаго теченія на Востокѣ, бабизма, возникшаго, какъ извѣстно, въ 40 годахъ прошлаго столѣтія. Али, по прозванію Бабъ, что значитъ „врата" или „путь" является одной изъ замѣчательнѣйшихъ личностей прошлаго вѣка. Его удивительно чистая жизнь, возвышенная проповѣдь и трагическая кончина послужили источникомъ вдохновенія для поэта И. Гриневской. Въ живыхъ краскахъ проходитъ передъ нами персидская жизнь прошлаго вѣка, съ ея увлеченіями, предразсудками, героическимъ подъемомъ и порою варварской жестокостью. Поэту удалось дать нѣсколько интересныхъ характеровъ; въ особенности удался образъ Хурэтъ, горячо любящей, страстно преданной своимъ идеаламъ дѣвушки. Это первая послѣдовательница Баба. Она любитъ его, идетъ за нимъ и отдаетъ жизнь проповѣди его идей. Величественно вырисовывается образъ самого Баба среди окружающаго его непониманія и фанатизма. Сила, чистота и божественная мудрость отмѣчаютъ всѣ его рѣчи, исполненныя нѣжной красоты. Онъ проповѣдуетъ освобожденіе женщины, чистую любовь и глубокое, одухотворенное пониманіе священныхъ писаній Ислама. Романическій эпизодъ съ Хурэтъ не подтверждается исторически: Хурэтъ была увлечена идей, а не страстью, а самъ Али, въ то время какъ выступалъ уже Бабомъ, едва ли могъ быть увлеченнымъ какимъ-либо земнымъ чувствомъ; но этотъ эпизодъ внесенъ авторомъ въ очень поэтической формѣ и не нарушаетъ единства впечатлѣнія. Очень хороша сцена перваго появленія Баба въ толпѣ, когда все падаетъ ницъ передъ нимъ и когда онъ начинаетъ свою вдохновенную проповѣдь. Въ IV дѣйствіи хороша молитва Баба:

„Въ каждый часъ
Словами, вздохомъ, стономъ
Мы можемъ Господу нести
Благодаренья...
Его исполни повелѣнья;
Врагамъ прости...
Благотворительнымъ будь, справедливымъ,

Пока, какъ самого себя,
Ты не полюбишь сердцемъ горделивымъ
Людей, —не мусульманинъ ты! лишь полюбя,
Ты добрый сынъ Ислама, лишь тотъ его достоинъ храма,
Кто брата полюбилъ, какъ самого себя".

Нигдѣ Бабъ не возстаетъ противъ древняго ученія Корана; онъ старается лишь углубить его и освѣтить новымъ пониманіемъ.

Очень сильно то мѣсто 9 явленія того же дѣйствія, гдѣ онъ, на изступленный крикъ толпы, жаждущей мести и боя, отвѣчаетъ мольбою сложить оружіе и молиться, чтобы встрѣтить вражду гонителей любовью. „Любовью", говоритъ онъ, „побѣждается вражда, побѣждается всякая злая сила". И среди пораженныхъ, недовольныхъ и смутившихся людей, не ожидавшихъ такого непонятнаго для нихъ отношенія къ врагу въ минуту смертельной опасности, онъ поднимается, до высшаго вдохновенія и, какъ бы въ экстазѣ, повторяетъ свое утвержденіе, что все идетъ къ свѣту и свѣтъ побѣдитъ.

„Клянусь, настанетъ царство свѣта,
Ночная мгла уйдетъ, она уйдетъ, и вновь,
Въ коронѣ изъ лучей, царицею одѣта,
Съ небесъ далекихъ къ вамъ сойдетъ она, любовь".

Трогательно прекрасенъ и величественъ божественный образъ Али, какъ онъ вызванъ къ жизни вдохновеніемъ поэта. Мы видимъ передъ собою во плоти, въ яркихъ краскахъ жизни, одно изъ тѣхъ великихъ существъ, которыя отъ времени до времени приходятъ въ міръ, чтобы помочь ему и служить ему. Отъ этой поэмы-драмы вѣетъ горнымъ воздухомъ снѣжныхъ вершинъ, на которыхъ раздается Голосъ Безмолвія. Нельзя не привѣтствовать горячо такія глубокія по замыслу и художественныя произведенія, какъ Бабъ: они—знаменія временъ, указаніе на переломъ въ драмѣ и на духовныя потребности, все болѣе и болѣе сознательно проявляющіяся въ сердцѣ современнаго человѣка.

Мы слышали, что И. Гриневская только что закончила и готовитъ къ печати свою новую поэму-драму „Беха-Улла", которая обѣщаетъ быть не менѣе интересной, чѣмъ Бабъ.

Страшный судъ, какъ астральная аллегорія. Д. Святскаго. Евангельская исторія, говоритъ авторъ, какъ и библейская, писались по астральной схемѣ, по солнечнымъ и луннымъ цикламъ. Истинный смыслъ такихъ картинъ въ Священныхъ Писаніяхъ какъ Страшный Судъ *), можетъ быть возстановленъ научно съ историко-астрономической точки зрѣнія. Такимъ образомъ раскрывается происхожденіе,

*) Въ томъ же направленіи написана авторомъ брошюра „Лѣстница Іакова". См. „В. Т.", іюль—августъ 1911 г.

какъ думаетъ авторъ, библейскихъ миѳовъ и символовъ. Въ подтвержденіе своей точки зрѣнія онъ проводитъ параллель между знаками Зодіака и священными изображеніями и древними символами. Особенно интересна параллель солнца, раздѣляющаго звѣзды Овна отъ звѣздъ Козерога съ Евангельскимъ Іисусомъ-Солнцемъ, Пастыремъ и Царемъ, отдѣляющимъ овецъ отъ козлищъ, по мозаикѣ въ Равеннѣ. Извѣстной картинѣ Страшнаго Суда, которую мы находимъ во многихъ христіанскихъ монастыряхъ, онъ противопоставляетъ старинную карту неба съ миѳологическими фигурами созвѣздій. Получается удивительное совпаденіе, даже въ деталяхъ. Послѣднюю трубу Божію, о которой говорится въ Апокалипсисѣ, авторъ отождествляетъ съ луною, съ рогомъ мѣсяца. По этому поводу авторъ вспоминаетъ, что представленіе о солнечномъ божествѣ, возсѣдающемъ съ правой стороны божества луннаго рога, не было чуждо также грекамъ, и прежде чѣмъ возникли подобныя христіанскія изображенія (Іисусъ, сидящій одесную Бога—Отца), мы можемъ, напримѣръ, видѣть тотъ же самый сюжетъ на одномъ древнемъ барельефѣ Фригійскаго происхожденія: Зевесъ съ солнечнымъ сіяніемъ вокругъ головы сидитъ одесную Мена, греческаго луннаго бога. Голова послѣдняго окружена „Ветхимъ серпомъ мѣсяца". Совпаденіе астрономическихъ понятій и изображеній съ священными символами не подлежитъ сомнѣнію, точно также какъ не подлежитъ сомнѣнію присутствіе солнечнаго миѳа, какъ элемента, вошедшаго въ повѣсть земной жизни великихъ Учителей человѣчества. Но такое совпаденіе не случайно и не опровергаетъ фактическую достовѣрность исторической стороны этой повѣсти. Солнечный миѳъ сознательно выбирался какъ наиболѣе подходящій символъ для жизни тѣхъ, которые приносили міру, на подобіе солнца, свѣтъ и жизнь, и которые отдавали всецѣло себя, дѣлаясь центромъ духовной жизни міра. Нужно только умѣть, при помощи особаго ключа, найти въ повѣсти такой божественной жизни элементъ миѳическій, элементъ мистическій и элементъ историческій, такъ какъ всѣ они одинаково присутствуютъ въ сложеніи этой повѣсти. Ключъ этотъ даетъ Теософія, и имъ владѣла въ высочайшей степени Елена Петровна Блаватская.

Alba.



Редакторъ-Издательница **А. А. Каменская.**